

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

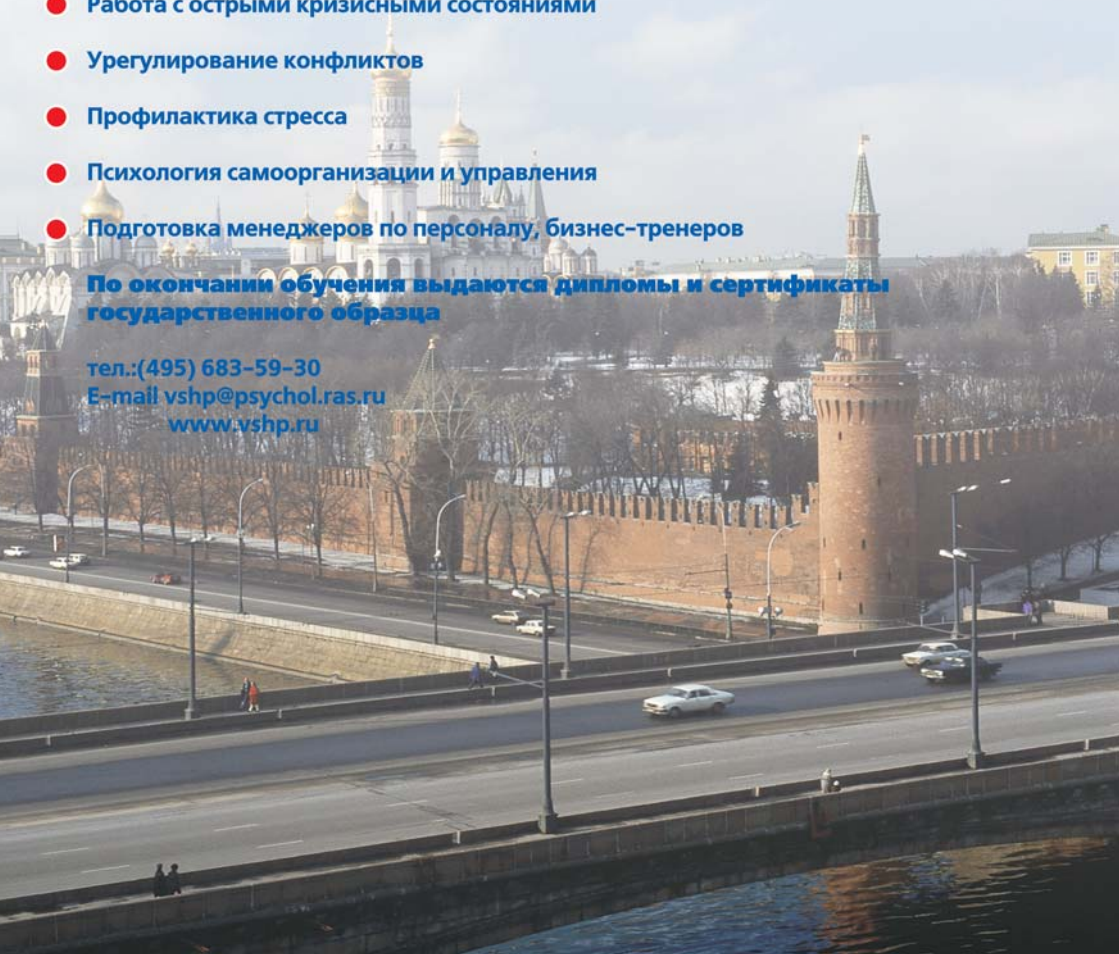
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru



ТЕМА НОМЕРА: массовые психологические явления в правовом поле



какой имидж
выбрать?!

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –
Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора –
Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –
И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –
Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь –
Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. К. Бондырева, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Л. Журавлев, член-корреспондент
РАН, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук,
Республика Молдова

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

А. А. Крымов, кандидат юридических
наук, доцент, Рязань

М. И. Марьин, доктор психологических
наук, профессор, Москва

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук,
Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушеня,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань



управление
массами

манипулирование
массами



Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук



Дорогие читатели!
Настоящий, второй за 2014 год, номер журнала «Прикладная юридическая психология» выходит после проведения уже 8-го одноименного семинара в Институте психологии РАН 26.05.2014, организованного ИПРАН совместно с редакцией нашего журнала и Высшей школой психологии.

Заседания были посвящены проблемам манипулирования массовым (или групповым) сознанием, в том числе на государственном и межгосударственном уровне. Подробнее информация о семинаре представлена в нашей рубрике «Научная жизнь» настоящего номера.

Статьи по докладам, сделанным на семинаре, будут опубликованы в следующих номерах по мере представления их в редакцию.

Параллельно, а точнее — в тесной связи с подготовкой семинара, посвященного столь проблемной области психологического и междисциплинарного знания, готовился и этот номер журнала.

В номере представлен широкий выбор статей, темы которых — от конфуцианских методов управления массами людей, истории сопровождения масс осужденных несовершеннолетних, анализа типичных переживаний осужденных, оказания им психологической помощи, проблем, детерминирующих отношения сотрудников в их служебной деятельности, до различных аспектов качества жизни разных слоев населения.

Приглашаем наших читателей к дискуссии по всем аспектам освещаемой в этом и ближайших номерах проблематики массового сознания, управления и манипулирования поведением больших групп людей.

*Главный редактор
профессор Д. В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**психология
социальных явлений
и качество жизни**

**юридическая
психология и религия**

научная жизнь

наши юбиляры

dura lex sed lex

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и теория юридической психологии	
Конфуций о субъективных условиях эффективного государственного управления. Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.	7
Социально-психологические аспекты корыстолюбия и бескорыстия. Куликов Л. В., Пилишина А. В.	16
Историко-методологические аспекты психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей. Симакова Т. А., Полякова Я. Н.	24
Психология здоровьесберегающей деятельности: методология и методики исследования. Яковлева Н. В.	31
Прикладные и экспериментальные исследования	
Когнитивная сфера наркотизированной личности в юношеском возрасте. Белюсова А. К., Николаев А. Ю., Евсеева О. Е.	37
Психологическая помощь осужденным с различной выраженностью психопатологического поведения. Бурцев А. О.	47
Отношение сотрудников ФСИН России к служебной деятельности на различных этапах профессиональной адаптации. Кряклин К. В.	54
Особенности переживаний у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, их психологическая коррекция. Соболев Н. Г., Рогач В. Г.	65
Психопрактики	
Арт-терапия как индивидуальная форма психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Пестриков Д. В., Сенник И. В., Зимаков В. В.	72
Мотивация и стимулирование как элементы служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Ковалева С. Н.	79
В помощь руководителю	
Некоторые проблемные вопросы комплектования кадров в уголовно-исполнительной системе. Огородников В. И., Кочкина О. В.	86
Социально-психологические особенности представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе. Котовский В. В.	91
Психология социальных явлений и качество жизни	
Влияние социальной микросреды на проявления агрессивности. Воронин А. Н., Лучинина Е. В.	97
Психологические факторы эффективности делового партнерства. Позняков В. П., Вавакина Т. С.	113
Социально-психологические барьеры при прогнозировании будущего в российских компаниях. Нестик Т. А.	124
Юридическая психология и религия	
Экономический взгляд на психологию исламского терроризма в контексте процессов глобализации. Найдёнов А. С., Кривенко И. А.	136
О необходимости формирования культуры межнациональной и межконфессиональной коммуникации как профессионального качества сотрудника УИС. Васильева С. А.	139

Научная жизнь

Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» — Институт психологии РАН 26.05.2014. Проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля. **Сочивко Д. В., Савченко Т. Н.** 145

Выпуск научного журнала «Медицина». **Кузнецова А. С., Шаталов Ю. Н.** 149

Научный журнал «Пенитенциарий». **Полянин Н. А., Пинтяшин Е. В., Майоров О. А.** 151

Проблемы медико-социальной адаптации ВИЧ-инфицированных лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы. **Мачкасов А. И.** 153

Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России. **Датий А. В., Воронин Р. М.** 155

Наши юбиляры

25 лет в пенитенциарной медицине (к 50-летию доктора медицинских наук Алексея Васильевича Датия). **Федосеев А. А.** 157

Три жизни Николая Ивановича Махибороды: полковник — профессор — поэт и бард. 160

Dura lex sed lex

Зарубежный опыт обязательных и исправительных работ. **Рамазанов Р. З.** 164

КОНФУЦИЙ О СУБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЯХ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин

Аннотация: в статье представлены высказывания Конфуция об эффективном государственном управлении и дан их анализ с точки зрения психологии управления и политической психологии. Автор утверждает, что главные положения об эффективном управлении, высказанные великим мудрецом две с половиной тысячи лет назад, актуальны и в настоящее время, а мысли Конфуция важны не только для осуществления государственного управления, но и для решения «кадровых вопросов», связанных с формированием высших эшелонов власти.

Ключевые слова: государство; государственное управление; принципы, условия и критерии государственного управления; субъект государственного управления; личностно-профессиональные качества субъекта государственного управления.

Summary: The article contains Confucius's statements about efficient public administration and represents their analysis in terms of the management psychology and political psychology. It is shown, that the main theses on good governance, expressed by the great sage two and a half thousand years ago, are relevant at the moment. Confucius's thoughts are important not only for the implementation of public administration, but also to address «personnel issues» associated with the formation of the top echelons of power.

Keywords: state, governance; principles, conditions and criteria for govern-

ment; government entity; personal and professional qualities of the subject of public administration.

В гуманитарных и общественных науках существует парадокс: чтобы двигаться вперед, необходимо обратиться к прошлому, в частности к высказываниям мудрых людей, которые еще тогда поняли, каковы истинные механизмы развития общества и управления им.

К числу таких мудрых людей принадлежит **Конфуций** (551–479 гг. до нашей эры). Про этого мыслителя написано много, и во всех работах ему и его мыслям и идеям дается очень высокая оценка. Конфуция всегда ставили и продолжают ставить в один ряд с величайшими умами человечества, и это совершенно справедливо. Мало того, он даже стал объектом религиозного поклонения.

Конфуций, вообще говоря, не был философом. Но для нас особенно ценно то, что он был государственным служащим, причем мудрым государственным служащим, что встречалось и встречается редко. Конфуций долго и успешно работал на управленческих должностях и приобрел соответствующий управленческий опыт, который вкупе с его феноменальным умом стал основой для обобщений, имеющих практически характер принципов или законов, следование которым помогает добиться эффективного управления. Заметим, что многие из его высказываний по своему содержанию

являются не только принципами, правилами и условиями осуществления эффективного управления, но и требованиями к субъектам управления или руководителям, что очень важно с психологической точки зрения.

Для нас принципиальным является так же то, что мысли Конфуция об управлении, имея глубокое психологическое и акмеологическое содержание, сформулированы афористично и образно, что делает их понятными и доступными для всех. Но особенно ценными нам представляются мысли Конфуция об эффективном государственном управлении. Сейчас, когда Россия находится в сложной ситуации, именно они становятся особенно актуальными. Обратимся к некоторым из них, но сначала определим свою позицию.

Дело в том, что государственное управление на высоком уровне рассматривается прежде всего как политическое управление. Однако политическое управление, несмотря на его явное или неявное идеологическое содержание, осуществляется «людьми и через людей», поэтому и здесь встают те же проблемы, что и в психологии и акмеологии управления — подбор и расстановка кадров, соответствие занимаемым должностям, стиль управления, профессионализм управленческих кадров и пр. Так или иначе, но сложилась ситуация, когда психология и акмеология управления не рассматривают вопросы, связанные с психологическими аспектами государственного управления на высоком уровне, хотя, повторимся, в государственное управление прежде всего под-
разумевает управление людьми, что соответствует проблематике данных наук. Кроме того, в демократическом обще-

стве регулярно происходят выборы главы государства, а для победы на них требуется соответствующее эффективное политическое и государственное управление. Заметим, отдельными аспектами проблемы эффективного государственного управления занимается политическая акмеология, в которой главной задачей провозглашается развитие профессионализма политических деятелей, а следовательно, и эффективности их политической и управленческой деятельности [8].

Надо отметить, что личность и деятельность действующих первых лиц государства пока не стала объектом систематизированных психологических и акмеологических исследований по политическим и этическим, но никак не научным соображениям. К тому же если их все же проводить, должен обязательно соблюдаться принцип научной объективности. Говорить правду, основанную на научных фактах, о психологических особенностях первых лиц государства — значит, давать дополнительные козыри их оппонентам, значит, вмешиваться в политическую борьбу, то есть предоставлять кому-то односторонние преимущества, а это неправильно. Кроме того, неизвестно, как будут управлять страной оппозиционеры, когда сами придут к власти. За последние годы мы не раз были свидетелями их удивительной трансформации. Можно, правда, обнародовать и психологическую информацию об оппозиционных лидерах, но в этом случае сами психологи превратятся в третью политическую силу, что, опять же, было бы неправильно, ведь каждый должен заниматься своим делом. К этому следует добавить, что в любом психологическом исследова-

нии очень сложных объектов, а таковыми являются субъекты государственного управления, всегда немало элементов субъективизма, что делает такие результаты незащищенными от нападков со стороны заинтересованных лиц. Если же объектом психологических исследований становятся прежние руководители государства, то такое изучение носит ретроспективный характер, при этом оно обязательно будет основано на разных мнениях заинтересованных лиц, что снижает его объективность, а значит, и достоверность.

Выходом из создавшейся ситуации может стать обращение к опыту, накопленному человечеством и аккумулированному в мыслях и высказываниях мудрых людей, которые имеют характер принципов, условий или правил эффективного государственного управления. В этой ситуации мы обращаемся к мудрости Конфуция. В своем учении большое внимание он уделял прежде всего государственному управлению и, говоря современным языком, обеспечению его эффективности, которое может быть достигнуто за счет соблюдения определенных принципов, условий или правил.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что те, кто осуществляет государственное управление, в подавляющем большинстве случаев являются *субъектами управления*. В психологии и акмеологии управления считается, что руководитель или управленец по-настоящему является субъектом управленческой деятельности, если он отличается в первую очередь:

- самостоятельным целеполаганием в управлении (сам обосновывает, формулирует и ставит цели для управляемой системы);

- самостоятельностью в принятии и реализации управленческих решений, выборе стратегий и методов управления;
- высокой ответственностью за результаты управления;

- его деятельность отличается низкой опосредованностью, то есть малой зависимостью от других субъектов профессиональных взаимодействий.

Иными словами, не всякий руководитель в силу своего места в иерархической структуре системы либо организации, или лично-профессиональных качеств, или управленческой позиции является субъектом управления, а лишь тот, кто соответствует отмеченным характеристикам-признакам.

В высказываниях Конфуция относительно осуществления государственного управления представлен широкий спектр его установок по разным вопросам государственного управления — от принципов управления до требований к их субъектам. Остановимся на них подробнее.

В первую очередь рассмотрим общие принципы государственного управления.

Во главу угла Конфуций ставил подбор кадров: «*Управлять — значит, ставить (расставлять) всех на свои места*». Именно в хорошей кадровой работе Конфуций видел залог эффективного управления, в том числе государственного. Эта мысль многократно подтверждалась в практике управления.

Следует специально подчеркнуть, что при подборе и расстановке кадров Конфуций советовал обращать особое внимание на интеллектуальные и нравственные качества кандидатов на высокие должности, ибо от этого во многом зависит надежность управления и отно-

шение к управляющей системе и самому правителю. Приведем его высказывания на эту тему:

«Когда в государстве будут мудрые люди, тогда и управление государством может процветать».

«Если отдать должное честным людям и возвысить их над нечестными, то народ будет преданным, покорным. Если же вы будете бесчестных людей ставить над добродетельными и отдавать им преимущество над честными, истинно добродетельными людьми, тогда народ не будет ни покорным, ни преданным».

Заметим, что Святой апостол Петр высказывал похожую мысль о сущности управления как о поощрении людей, делающих добро, и наказании преступников [1, с. 1211]. Как это актуально для нашей нынешней ситуации и для отечественной государственной кадровой политики, особенно на уровне высших эшелонов власти!

Одним из высших принципов государственного управления, по Конфуцию, является «следование пути середины», то есть избегание всякого рода радикализма и крайностей. Очевидно, что мыслитель расценивал эволюционные преобразования как наиболее эффективные, поэтому, естественно, считал хорошими и сильными правителями тех, придерживается этого принципа. Это следует из многих его высказываний. Приведем некоторые из них [5]:

«Высший человек идет по пути середины».

«Приемлемая середина, как принцип, является высшим принципом, жаль, что редко кто из людей пользуется им».

«Трудно найти людей, которые держатся середины, поэтому приходится иметь дело с людьми нерешительными

или несдержанными; несдержанные хватаются за все, а нерешительные стараются избегать сложных дел».

Постараемся разобраться в содержании этих высказываний. «Путь середины» — это, как отмечалось, управление, когда в нем отсутствуют крайности — крайний радикализм и нерешительность.

Несдержанность, или крайний радикализм, в управлении, если не носит выраженной позитивной направленности, понимаемой и принимаемой многими людьми как назревшая необходимость, имеет серьезные недостатки, которые носят психологический характер. В частности, как свидетельствует имеющийся исторический и управленческий опыт, при таком управлении допускается много ошибок, потому что очень трудно просчитать все его последствия и особые случаи, да и несдержанные руководители не стремятся этого делать. Их главный принцип — яркий лозунг, масштабность предполагаемых свершений, поражающая воображение, а далее — «там разберемся». Естественно, это приводит к большим ошибкам. Присущий им радикализм, но уже в исправлении собственных ошибок часто порождает новые ошибки, в результате образуется «порочный круг ошибок», которые, опять же, не признаются по «политическим или идейным соображениям». Надо отметить, что радикализм в управлении всегда сопровождается блокировкой чьих-то интересов, что, в свою очередь, приводит к недовольству и протестным действиям. Помимо этого, он порождает много неожиданного, нового, что для большинства людей выступает как внешний стрессогенный фактор. Мало того, любые радикальные действия, даже

имеющие позитивную направленность, обязательно способствуют возникновению у части людей психологических барьеров, если не осуществлена основательная психологическая подготовка к ним. «Несдержанные правители» такими мелочами не занимаются.

Нерешительность в управлении порождает застойные явления, когда снижается уровень необходимого контроля и ответственности. В таких ситуациях часто функции управления берут на себя люди активные, но не имеющие для этого полномочий, преследующие свои личные или узкогрупповые интересы, что порождает хаос в управлении. Недавний наш исторический опыт — тому свидетельство.

Следование «пути середины», тщательная подготовка к необходимым преобразованиям, эволюционное их осуществление по Конфуцию является наиболее эффективным путем управления.

Конфуций большое внимание уделял обоснованию *критериев* эффективного государственного управления. Отметим прежде всего два из них.

Конфуций: *«Хорошо управлять государством — это когда удовлетворены те, кто рядом, и возвращаются те, кто был далеко»*. Кратко рассмотрим содержание данного критерия.

«Удовлетворенности тех, кто рядом» в классовом обществе достичь трудно из-за разной направленности значимых интересов. Практика государственного управления показывает, что основными путями достижения такой удовлетворенности могут быть следующие:

- управление в интересах большинства;
- управление в интересах определяющего меньшинства с сильной психоло-

гической обработкой большинства (например, в странах с «железным занавесом» много довольных людей, потому что им не дают возможности сравнивать свою жизнь с жизнью других, но при этом постоянно твердят об «их счастье»);

- сочетание первого и второго пути в зависимости от ситуации.

При реализации в управлении всех путей необходимо не просто достигать ситуативного оптимума в удовлетворении потребностей людей, но и постоянно «разъяснять», а точнее — внушать, что «жить стало лучше, стало веселее», тогда многие будут действительно удовлетворены. Если этого не делать, то может срабатывать известный психологический эффект, когда чем больше потребностей людей удовлетворяются, тем больше возникает новых, становящихся весьма актуальными («чем больше дают, тем больше начинают требовать»). Иногда этот психологический эффект называют «феноменом старухи» из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Что касается «возвращения тех, кто был далеко», то здесь ситуация предельно ясная: человек всегда ищет, где лучше. Если в своей стране лучше, чем в других странах, уехавшие люди начинают в нее возвращаться, становится больше союзников, партнеров и пр. Возвращение соотечественников, уехавших когда-то из страны — первый признак ее благополучия. Подчеркнем только, что этот критерий весьма актуален для нынешнего отечественного государственного управления, оценки его результативности.

Еще один важный критерий эффективности государственного управления. Конфуций говорил: *«Если в государстве*

много еды и много оружия, есть доверие народа к правителю». Данный критерий интересен еще и потому, что он имеет глубокое психологическое содержание. Это содержание обуславливается непосредственной связью с общими базовыми потребностями людей и степенью их удовлетворения. В психологии потребности рассматриваются как зависимость от того, что нужно человеку для жизнедеятельности его организма и развития личности. Потребности человека порождают желания, чувства, стремления, побуждающие к активности для поиска средств и возможностей их удовлетворения. В психологических публикациях встречаются описания разного количества и видов потребностей человека. Весьма распространенное описание — так называемая пирамида А. Маслоу [9], в которой потребности структурируются следующим образом: витальные (в еде, сне и пр.), потребности в безопасности, уважении и самоуважении, любви и межличностных отношениях, самореализации, а также духовные потребности. Базовыми считаются первые два вида потребностей. Было доказано, что если они не удовлетворены, то у многих людей остальные потребности не актуализируются. Не у всех людей потребность в самореализации возникает как особо актуальная без удовлетворения базовых потребностей.

Конфуций обращал особое внимание на первоочередное удовлетворение именно базовых потребностей у населения как самых главных для него: если «много еды», то удовлетворены витальные потребности, если «много оружия», то потребности в безопасности. В этом случае, по его мнению, государственное управление является эффективным, а

народ «имеет доверие к власти, к правителю». Если же в стране много голодных людей, к тому же чувствующих себя незащищенными, доверие к правителю, естественно, сильно падает.

Следующий критерий эффективности государственного управления связан с наличием доверия или недоверия к правителю или власти. Конфуций придавал ему особенно большое значение: *«... без доверия народа правительство не может стоять»*. В психологических исследованиях отмечалось, что ориентация на доверие — верный признак направленности личности на стабильные долговременные связи, что очень важно для успешного выполнения лидерских и управленческих функций. Следовательно, деятельность и поведение субъектов государственного управления, их коммуникации должны быть такими, чтобы вызывать доверие.

В социально-психологических исследованиях были определены основные личностные характеристики лидеров, вызывающих доверие: доброжелательность, видимая искренность, профессионализм, верность своему слову, открытость, надежность, последовательность (как прогнозируемость поведения и деятельности), обаяние, оптимизм [3]. Многие из них Конфуций неоднократно упоминал, мы рассмотрим их ниже.

Отметим еще один критерий, заслуживающий самого пристального внимания. Он связан не только с выражением доверия народа, но и результативностью управления. Конфуций по этому поводу говорил так: *«Если дела правителя верны, то за ним и пойдут люди без всяких приказов, если дела правителя не верны, то народ не повинуется ему, хотя и ему приказывают»*.

В данном случае доверие к правителю подкрепляется результативностью его управленческой деятельности, и в зависимости от ее успешности оно только усиливается. Причем это усиление может быть таким, что доверие превращается в веру в него, то есть сильную убежденность в правильности его правления, в том, что он действительно обладает многими достоинствами, заботится о людях. Такая вера способствует формированию сторонников, которые не только следуют ему, но и «повинуются без всяких приказов». С психологической точки зрения важно, чтобы результативность деятельности правителя осознавалась людьми, для этого им надо, помимо прочего, объяснять, что деятельность результативная, приводить соответствующие примеры. Указанный критерий можно использовать и для самооценки эффективности государственного управления, правда, в этом случае надо быть объективным и самокритичным, что, как свидетельствует практика, встречается не так уж часто.

Наконец, последний важнейший критерий эффективного государственного управления, отмеченный Конфуцием. Он имеет очень глубокое психологическое содержание, хотя, на первый взгляд, звучит парадоксально. Конфуций говорил: *«Если тебе плюют в спину, значит, ты впереди других»*. Известно, что к людям, добившимся больших успехов, всегда было двойственное отношение. Есть те, кто отдает должное их успехам, высоко оценивает их, но есть и такие, которые им завидуют. Последних, к сожалению, обычно больше. Зависть — плохое чувство, сопровождающееся сильными отрицательными эмоциями, ослепляющее людей, из-за чего

они теряют объективность. Причины зависти кроются в ощущении своей неспособности сделать что-нибудь значительное при высокой личностной амбициозности. Это приводит к такой объяснительной позиции, звучащей примерно так: *«В моих личных проблемах виноваты все, кроме меня. А кто больше всех преуспел, так это за мой счет, путем причинения мне убытков или вреда»*. Но особенно виноваты, конечно, те, кто преуспел. К тем, кто добился успеха, у таких людей однозначно негативное отношение, перерастающее в открытый остракизм. Так что, если у субъекта государственного управления много завистников и злопыхателей, которые буквально плюют ему в спину, значит, скорее всего, он действительно добился больших успехов и находится на верном пути.

Конфуцием были сформулированы и главные условия осуществления эффективного государственного управления. По существу, они представляют собой обстоятельства или причины осуществления важнейших направлений государственного управления, но многие из них имеют характер требований к личностно-профессиональным качествам субъектов управления. Эти условия были обоснованы в следующих высказываниях, которые представлены нами с полным сохранением содержания, но особым выделением (пунктуацией) их главного содержания.

Конфуций говорил: *«Управляя царством... нужно:*

- серьезнее (расторопнее, смекалистее) относиться к делу,*
- быть правдивым,*
- уважать людей,*
- экономить средства в расходах,*

– побуждать сам народ к труду (особенно своим примером)».

Эта мысль Конфуцием транслировалась и в несколько иной форме: «При управлении княжеством необходимы:

- постоянное внимание к делам,
- искренность в отношении к народу,
- умеренность в расходах,
- любовь к народу,
- правильное и своевременное употребление его на работы».

Особого внимания заслуживает условие об «умеренности в расходах», Вероятно, речь идет о расходах на себя, на содержание аппарата управления. В теории менеджмента подчеркивалось, что персонал организации всегда ценит и приветствует сокращение расходов на содержание управляющей системы [6]. Такое сокращение расходов представляет собой важное условие управления организацией, в противном случае ей грозит бюрократизация и снижение эффективности. Для государственного управления это условие очень важно, ведь аппарат управления содержится на деньги налогоплательщиков, поэтому людям далеко не безразлично, как они тратятся.

В нашей стране о сокращении расходов на содержание аппарата государственного управления и первых лиц мы не слышали очень давно. Мало того, эти цифры являются чуть ли не важнейшей государственной тайной. Иными словами, не соблюдается очень важное условие. Напрасно.

Среди условий осуществления государственного управления по Конфуцию следует выделить имеющие субъективный характер, то есть когда на управленческую деятельность проецируются личностные качества субъектов управления и от них зависит эффективность само-

го управления. Эти условия отражены в упоминании Конфуция о «пяти достоинствах в управлении государством» и «четырёх недостатках в управлении государством». Рассмотрим их.

О пяти достоинствах руководителя в управлении государством Конфуций говорил так:

«Благородный муж экономен, заставляя людей работать, не озлобляет их, в своих стремлениях не алчен, в своих мыслях он не спесив, не жесток и пользуется уважением».

А вот четыре главных недостатка в управлении государством:

«Если народ наказывать (казнить) вместо того, чтобы просвещать, это будет жестокостью; если народ не предупредить, а затем от него требовать решительных действий, то это будет насилие; быть медленным, а самому давать приказы быстрее закончить работу, значит поступать низко; суля людям награды, но затем не выполнять обещанное, это значит быть алчным».

Большое значение придавал Конфуций примерам и образцам поведения, которые транслирует правитель в процессе государственного управления. Здесь мы опять обращаемся к главному положению о том, что большинство людей склонны следовать образцам поведения, которые дает им власть. Конфуций по этому поводу указывал: *«Правление состоит в том, чтобы предупреждать (направлять) народ своим примером и трудиться для него (народа)».*

Данные транслируемые образцы поведения по Конфуцию должны отличаться высокой нравственностью (добродетельностью, благородством), тогда они будут иметь характер программирующего воздействия, ведь всякое правление

стремится к тому, чтобы повысить чувствительность управляемой системы и ее организованность.

Образцы поведения правителя отмечены Конфуцием в двух его высказываниях [4]:

«Если править народом, прибегая к законам, а порядок удерживать с помощью наказаний, то народ будет уклоняться от наказаний и вряд ли будет испытывать стыд. Если же руководить народом, беря за основу добродетель и сохранять мир и порядок при помощи ритуалов, то сам народ будет выражать покорность, стыд и исправляться».

«Будьте в обращении с народом строги и серьезны, и он будет почтительным; если вы покажете (своим примером) в чем долг сына, отца, правителя, народ будет предан; если вы будете выделять способных людей и наставлять недобродетельных, народ будет старательным и почтительным».

При трансляции образцов поведения и отношений большое значение придается нравственным качествам правителя. Об этом Конфуций говорил так: *«Правитель, который проповедует добродетель, сходен с северной полярной звездой, которая занимает свое почетное место среди обращающихся возле нее созвездий».* Иными словами, такой правитель ярко (в лучшую сторону) выделяется на фоне других.

В завершение обсуждения этой проблемы хотелось бы отметить, что соблю-

дение отмеченных Конфуцием принципов и условий, несомненно, должно повысить эффективность государственного управления. Для этого надо, чтобы они стали известны или были услышаны теми, кто его осуществляет. Закончить данную статью хотелось бы еще одним высказыванием Конфуция: *«Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других».* Пусть эта мысль великого мудреца станет руководящей идеей для всех управленческих кадров, особенно тех, кто осуществляет государственное управление [2, 7].

Литература

1. Библия. Первое соборное послание святого апостола Петра. М.: Русская православная церковь; Российский фонд культуры, 1999. С. 1211.

2. Блиникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.

3. Зазыкин В.Г., Смирнов Е.А. Психология и акмеология лидерства. М.: Элит, 2010.

4. Конфуций. Жизнь. Учение. Мысли, изречения и афоризмы. 3-е издание, с изменениями / сост. В.В. Юрчук. Минск: Современное слово, 2001.

5. Мудрость Конфуция. Афоризмы и поучения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

6. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организации. М.: Экономика, 1995.

7. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

8. Федоркина А.П. Политическая акмеология. М.: РАГС, 2006.

9. Хьелл А., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРЫСТОЛЮБИЯ И БЕСКОРЫСТИЯ*

Л. В. Куликов, А. В. Пилишина

Аннотация: в статье представлена модель корыстолюбивых и альтруистических поступков, множественная, многоуровневая детерминация. Систематизированный анализ социально-психологических и личностных факторов, обуславливающих бескорыстные и корыстолюбивые поступки, позволяет уточнить предикторы таких поступков с целью использования их в воспитательной и профилактической работе.

Ключевые слова: психология поступка, бескорыстие, корыстолюбие, альтруистическая и эгоистическая направленность личности, болезненная страсть.

Summary: the article represents a model of selfish and altruistic behavior, multiple and multi-level determination. Systematic analysis of the socio-psychological and personality factors contributing unselfish and avaricious behavior, helps to clarify the predictors of such actions in order to use them in an educational and preventive work

Keywords: psychology of action, selflessness, self-interest, altruistic, selfish personality orientation, morbid passion.

Алчная душа – всем злым делам начало.

Иоанн Дамаскин

В толковых словарях корысть объясняется как выгода, материальная или

другая польза, позволяющая кому-либо стать состоятельнее, влиятельнее, известнее. Корыстолюбие — страсть к приобретению, наживе, деньгам, богатству, стремление к личной выгоде, а бескорыстие — отсутствие заботы о личной выгоде, жадности, нежелание пользоваться чем-либо в ущерб, обиду или убыток другим, отсутствие желания получать награды и мзду за добрые дела. Указанные качества имеют несомненное моральное измерение, в них открывается отношение человека к материальному вознаграждению за свой труд. Бескорыстие проявляется как воздержанность в претензиях на оплату своего труда, услуг, оно получает положительную моральную оценку, а корыстолюбие — отрицательную моральную оценку, если не согласуется с принципами, правилами справедливого распределения благ, ресурсов, вознаграждений. Данное понятие принадлежит весьма широкому лексико-семантическому полю, включающему в себя немалый перечень слов: алчность, корыстолюбие, стяжательство, любостяжание, падкость на барыш, сребролюбие, жадность, нажива, пожива... Наиболее частотным в корпусе русского языка из перечисленных слов предстает «жадность», смысл которого — неумеренное желание владения или потребления. Жадность в явном большинстве случаев оценивается как негативное личностное качество, но сама

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-06-00654.

по себе, без пренебрежения со стороны субъекта инструментальными ценностями, без осуждаемых обществом поступков вряд ли может быть отнесена к асоциальному поведению.

Наличие или отсутствие корыстных мотивов (стремления извлечь материальную или иную выгоду имущественного характера либо намерения избавиться от материальных затрат) выступает важным квалифицирующим признаком различных составов преступлений. Известно, что управлять мотивами напрямую (усиливая одни или ослабляя другие) крайне трудно, редко возможно. Однако, меняя условия жизни индивида, социальное окружение, характер общения, информационное пространство, картину мира, представления о возможном и допустимом, развивая умения и навыки саморегуляции, можно способствовать развитию одних мотивов и угасанию других, оказывать определенное воздействие на мотивационную сферу личности, преобразовывать иерархию мотивов. Все эти средства должны составлять определенную систему с ясными целями и средствами, тогда можно говорить о системе мер воспитательного воздействия.

Как и многие другие поступки, корыстолюбивые и бескорыстные поступки обусловлены множеством факторов, принадлежащих разным уровням человеческой организации: от ценностных ориентаций личности до устоявшихся привычек в выборе предпочитаемых действий в конкретных жизненных ситуациях. Перечислим эти уровни организации поведения, обуславливания поступков:

1) диспозиционные детерминанты: терминальные и вспомогательные цен-

ностные ориентации, жизненные принципы, направленность личности, духовные доминанты;

2) жизненные смыслы, доминирующие мотивы, цели, планы, установки масштаба жизненного этапа;

3) черты характера, поведенческие навыки, устоявшиеся привычки, освоенные приемы деятельности, характерные для той ситуации, к которой субъект относит текущую ситуацию.

Рассмотрим эту многоуровневую обусловленность, продвигаясь от верхних уровней к нижним. Начнем с верхних уровней, поскольку сама суть иерархического строения связана с представлением о преобладании силы влияния верхних уровней над нижними.

Диспозиционные детерминанты поступков — это верхний уровень их регуляции, на котором составляющими выступают усвоенные личностью ценности, нормы поведения, устоявшиеся жизненные принципы. Данные компоненты диспозиционного уровня могут быть в разной степени осознаны, с разной степенью ясности и полноты сформулированы. В нередких случаях они никак не осознаются субъектом, но из-за этого не теряют своей регулирующей силы.

В качестве верхнего уровня должны быть рассмотрены *ценностные ориентации личности* — то ее содержание, которое наполняется из социальной макро- и микросреды. Целевые ценности (мастерство, знания, слава, власть, богатство) придают смысл деятельности, составляют суть индивидуальных устремлений, могут выступать жизненными целями для личности. Каждый человек осознанно или неосознанно выбирает, к какой из этих общечеловеческих ценностей стремиться. Вспомогательные

(часто называемые инструментальными) — свобода, справедливость, право, равенство, милосердие, солидарность... Их назначение — смягчить конкуренцию, борьбу людей, устремленных к своим целевым ценностям, а также согласовать индивидуальные потребности и интересы с общественными. Люди, принимающие эти ценности, достигают социальной значимости законными и нравственными путями, приобретают положительную, а не отрицательную социальную значимость. Их пути самореализации не противоречат принципам гуманизма. В качестве вспомогательных ценностей могут выступать природные свойства человека, в той или иной степени им развитые, усиленные — красота, ум, сила, здоровье и сама жизнь человека. В принимаемых ценностях — не только тех, что известны, но и приняты, разделяемы субъектом как ценности, заложено нормативное представление о должном, предпочтительном или нежелательном.

Рассматривая роль ценностей, вряд ли удастся обойти вниманием такую терминальную ценность, как богатство. Однако необходимо заметить, что две другие ценности эгоистического круга — слава и власть — и по способам достижения соответствующих целей, и по следствиям, вытекающим из их достижения, весьма близки друг другу. В современном мироустройстве особенно легко происходит «перетекание» популярности в высокие гонорары и обретение влияния, владение большими финансами — в обретение власти и известности, обладание властью — создает широкую известность (кто ежедневно фигурирует на телеэкране — политики или ученые, врачи, педагоги?..), снимает про-

блему добывания средств «на хлеб насущный». Жажда славы (тщеславие) и жажда власти (властолюбие) нередко приводят к тому, что богатство воспринимается как средство достижения славы и/или власти.

Огромный шаг на пути понимания устройства личности и общества был совершен при разработке религиозных концепций, поскольку в их рамках были сформулированы *нормы морали*, устанавливающие приемлемые для социума границы истолкования свободы личности в выборе тех или иных поступков, приемлемой произвольности поведения. Было осознано понимание регулирующей роли ценностей. В православном и католическом богословии алчность отнесена к числу смертных, главных грехов. Смертный грех полностью разрушает связь человека с Богом — грех, в котором человек не раскаивается, — приводит к гибели души. Влекомый грехом человек идет против религиозного духовно-нравственного закона. Неравенство людей определено человеческой природой: мы рождаемся в разных семьях, разных странах и у каждого из нас разные условия жизни, уровень дохода, образования и интеллекта. Но многим это не дает покоя.

Согласно православной этике алчность приводит к умножению забот и печений, к внутренней злобе и замкнутости, порождает страх утраты и гнев на возможных конкурентов и завистников. С ней связана жадность (любожестяжание), что осуждается у всех народов. Алчность рассматривается как мотив преступления, причина многих трагедий. Была также осознана довольно тесная связь алчности и зависти. Христианская культура накладывает на

зависть табу и рассматривает это чувство как смертный грех, который сам по себе оказывает мощное разрушительное воздействие на человека. Зависть беспредельна, она всегда находит себе предмет. Жизнь завистника превращается в нескончаемую муку. Об этом сказано в Библии, в этом человеческая природа мало изменилась со времен Ветхого Завета. Зависть к соседу — наиболее яркая и разрушительная мотивация завистника. Грех разрушает иерархию ценностей, уклонение от заповедей Бога. Зависть весьма деятельна — она зовет на подвиги отдельных личностей и целые народы, воплощаясь в войнах, революциях, побоищах и драках, склоках и прочих деяниях, но этот порок, так же как гнев и алчность, ослепляет, лишает разума. Зависть противопоставляется таким христианским добродетелям, как смирение, великодушие, благожелательство и сострадание. В известной Книге Притчей отмечено: «...зависть — гниль для костей» (Прит. 14:30). Когда человек испытывает чувство зависти к чужому достатку и благополучию, происходит его физическая и духовная деградация, опустошение души. Завистник ради утоления своей жажды лучшей жизни готов совершить тяжкие преступления: убийство родственника, друга, ближайшего соратника. Иоанн Златоуст замечал: «Зависть есть корень убийства». Мыслители Средневековья предостерегали, говоря о том, что зависть — это страшная сила, которая подобно кислоте разъедает все человеческие взаимоотношения. В один миг близкие люди могут стать чужими: братья — ненавистниками, друзья — врагами. Ее жертвы — бедные и богатые, молодые и старцы, ученые и неучи. Она

свойственна всем нациям, расам, племенам и народам.

Бескорыстие и корыстолюбие достаточно тесно соотносятся с двумя противоположными видами направленности личности: просоциальным и асоциальным. Просоциальная направленность — заботливая обращенность к людям, любовь, альтруизм, жертвенность, служение другим людям. Эта направленность конструктивна для развития самой личности и благоприятных межличностных отношений. Асоциальная направленность — это эгоизм, иждивенчество, манипуляция другим человеком или многими людьми, властвование без ответственности за судьбу других и стремления привести их к благу. Этот вариант направленности деструктивен для развития самой личности и межличностных отношений, которые у нее формируются с социальным окружением. Для первого подвида характерно принятие самостоятельной ценности межличностного взаимодействия, поиск радости со-бытия, сопереживания, сотворчества вне связи с величиной достигнутых результатов. Второй представляет собой манипулирование людьми, использование их для доказательства самому себе и окружающим собственной значимости. Манипулирование для человека с такой направленностью может быть самоценно, но в большинстве случаев соединено с корыстолюбивыми поступками. Такого рода направленность снижает психологическую устойчивость, она разрушается необузданной страстью к власти, богатству, тщеславию, которые могут выступать для субъекта убедительными доказательствами своей силы, своего влияния.

Б.Ф. Ломов [4] обращает внимание на то, что в целом ряде подходов к личности направленность занимает место ее ведущей характеристики. В концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: как «динамическая тенденция» (Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (Леонтьев), «доминирующее отношение» (Мясищев), «основная жизненная направленность» (Ананьев), «динамическая организация существенных сил человека» (Прангишвили). Она так или иначе выявляется в изучении всей системы психических свойств и состояний личности: потребностей, интересов, склонностей, мотивационной сферы, идеалов, ценностных ориентаций, убеждений, способностей, одаренности, характера, волевых, эмоциональных, интеллектуальных особенностей и т. д. Направленность выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. Именно в этом свойстве выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, субъективное отношение к различным сторонам действительности: вся система ее характеристик.

Эгоистическая направленность личности занимала умы многих мыслителей разных времен. Видный российский философ и психолог начала прошлого века И.И. Лапшин [3] разделял эгоизм на теоретический (позиция познающего субъекта) и моральный (практический), при котором единственным мотивом человеческих действий являлось удовлетворение личных потребностей, то есть стремление к личному благополучию. Сущность морального эгоизма понималась по-разному: основная пружина удовлетворения грубых личных чув-

ственных потребностей (Ламеттри), удовлетворение тонких личных потребностей, в состав которых может входить и удовлетворение потребностей других вследствие совпадения личных выгод с общественными (Бентам), желание избежать неприятности, причиняемой видом чужого страдания (Гельвеций), удовольствие, получаемое из сознания превосходства над страждущим, которому сочувствуешь и помогаешь (Руссо), привычка (в силу того, что живем от рождения в общественной среде) поступаться собственными интересами ради чужих и последние образуют с первыми такую неразрывную ассоциацию, что входят в мотивацию наших поступков (Джон Милль), эта привычка фиксировалась в нас путем эволюции и стала унаследованным предрасположением (Спенсер).

По Э. Фромму [6], эгоизм — это жадность, ненасытность, не дающая возможности пережить удовлетворение. Эгоист всегда беспокоен, его гонит страх где-то чего-то недобрать, упустить, чего-то лишиться; он переполнен завистью к каждому, кому досталось больше. Эгоисту трудно полюбить не только другого, но и себя, поскольку не способен принимать себя полно, должен доказывать себе, что не хуже остальных. Эгоистичность — черта характера, в значительной степени формируемая родительским воспитанием.

Альтруистичность базируется на усвоенных нравственных нормах общества, чувстве долга, осознании социальной ответственности. У верующих с внутренней религиозной направленностью, по Г. Оллпорту [5], альтруистические поступки направляются следованием религиозным постулатам, например, «возлюби ближнего своего».

Духовное содержание человека раскрывается в различных проявлениях — мировоззрении, поведении, деятельности и поступках, в духовных потребностях, мотивах и переживаниях. В основе мировоззрения, относящегося к духовному содержанию, лежат: убеждения в существовании чего-то, что можно признавать высшим, и представления о высшем (высших ценностях, принципах, высших по своему совершенству достижениях творчества); представления о долге (гражданском, общественном, служебном, отцовском, материнском, сыновнем, врачебном, воинском долге и т. п.); представления об идеалах; представления о священном. В светском понимании священное — это то, что имеет наивысшую значимость для личности, группы, общества, страны (если, говоря о стране, иметь в виду ее население), то, что достойно почитания. Некоторые символы священного, святого, величественного человек, сообщество признают, объявляют неприкосновенными. Особенно следует выделить принятие идеалов служения и следования им, неукоснительное исполнение своего долга, готовность признать и принять исполнение священного долга как почетное дело. К духовности относят также: открытость к принятию духовной культуры, желание усваивать ее, устремленность к высшим ценностям и идеалам, готовность к служению, интерес к святыням, обращенность к их изучению, стремление приблизиться к ним; возвышенность мотивов поведения человека, благородство; самоотверженность, жертвенность в поступках, в бескорыстном поведении. Приверженность служению, одержимость (без мистического истолкования) служением — сильнейшая мо-

тивация следования идеалам, при которой все прочие потребности и мотивы становятся минимальными. Имеется в виду одержимость служением как полное и всеобъемлющее подчинение разума человека одной — высшей — цели, как концентрация всех сил для ее достижения. Одержимый человек, насколько это возможно, все силы отдает служению.

Говоря о высоких уровнях развития, мы имеем в виду сформированную иерархию ценностей, мотивов и целей личности, которая возможна в том случае, если определены высшие ценности, мотивы и цели, если они сильнее, действеннее остальных. Аксиологический подход к описанию содержательного потенциала в базисных категориях может состоять в том, что в качественном аспекте главную роль играет оценка базисных категорий, а стержневым механизмом развития выступает осознание их ценности. Расширение духовной жизни личности, возрастание роли духовной организации А.Ф. Лазурский рассматривал как характерную особенность повышения психического уровня. В ходе личностного развития круг идейных целей и интересов расширяется, включает заботы о других людях, усиление бескорыстного интереса к явлениям природы, эстетическим и этическим ценностям и т. п. На высших ступенях психического развития «человек, увлекшись какой-нибудь идеей, готов пожертвовать для нее не только своими чувственными влечениями, своими материальными выгодами и удобствами, но и своим отношением к людям и даже своей жизнью» [2, с. 15]. Лазурский приводит замечание Ф.М. Достоевского о том, что сильно развитая личность готова отдать себя всем, чтобы и «другие все были точно такими же са-

моправными и счастливыми личностями» и, соглашаясь с тем, что это закон природы, добавляет: «...Идейные стремления высокоодаренных личностей могут быть направлены не только на содействие и помощь другим людям, но также и на иные, более абстрактные цели: познание, красоту, самосовершенствование и т. п.» [2, с. 15].

Высота психического уровня, согласно Лазурскому, не может служить основой для этико-социальной оценки индивидуума. Люди, имеющие тенденцию к повышению психического уровня и стремление к совершенствованию, являются в социальном отношении более полезными и в этическом смысле лучшими. В повышении психического уровня (развитии умственной, эмоциональной, волевой одаренности) человек ограничен природными особенностями нервно-психической организации, но имеет больше возможностей использовать имеющиеся от природы духовные силы, дать им «развернуться как в количественном, так и в качественном отношении». «И этот именно “священный огонь”, это стремление к возможно более полному и всестороннему развитию и проявлению своих духовных силы мы считаем одинаково ценным, будет ли оно проявляться в яркой и разнообразной психике богато одаренного человека, или же в бедной примитивной душе индивидуума, принадлежащего к низшему психическому уровню» [2, с. 65].

К *характерологическим детерминантам* можно отнести добродетельные черты. Греки выделяли четыре главные добродетели: мудрость, мужество, справедливость, умеренность. Аристотель считал, что неразумная, чувственная часть души послушна ее разумной ча-

сти так же, как ребенок послушен отцу. Добродетель — это привычка (навык) находить желанную середину. По Аристотелю, добродетельные привычки человека соотношены с удобными формами общественной жизни.

Страстность как черта личности характеризуется тем, что источник энергии страстного человека находится внутри него, влияние ситуационных факторов ограничено, не они играют решающую роль в проявлении страсти (например, если ситуация вынуждает нападать или обороняться, многие действуют энергично) [1]. Страсть — проявление страстности, характер поведения, деятельность высокой интенсивности. Здоровая страсть может способствовать продуктивности деятельности и поведения, иерархизации мотивационной структуры личности. Часто страсть притягательна для окружающих и поэтому позволяет индивиду расширять пространство влияния — находить последователей, вести за собой людей, вдохновлять своим примером, повышать значимость того, на что она направлена.

Выраженная здоровая страсть неизбежно приводит к акцентированной страсти, а акцентированная страсть — к болезненной страсти. Человек может оставаться на том уровне силы страсти, на котором находится. Если здоровую страсть часто сопровождают достижения и приобретения, то акцентированную страсть — неудачи и потери. Болезненная страсть отличается не только искажениями или замедлением в развитии, но и разрушением личности. Акцентированная и болезненная страсть не являются развитием, продолжением плодотворной страсти в плане возрастания ее силы. Они представляют собой

следствие углубления личностной дисгармонии. Не страсть приводит к дисгармонии личности, а дисгармония личности порождает акцентированную, или — еще хуже, болезненную страсть. Силу плодотворной страсти (полагаю, с немалыми трудностями) можно измерить величиной достижений. Добавим, чаще достижений не объективно определяемых, а субъективно переживаемых. Силу же акцентированной, или болезненной, страсти можно характеризовать не величиной достижений, а величиной потерь. Продуктивная страсть способствует полноценному течению бытия личности во всех основных аспектах бытия (функционировании, саморегуляции, развитии, адаптации).

Важное измерение, по которому следует разделять страсти, — альтруистичность или эгоистичность намерений. И здоровая страсть нередко эгоцентрична и даже эгоистична, поскольку предполагает овладение предметом страсти. Даже если результат пристрастия, страстной деятельности — научной, художественной, артистической и иной — имеет несомненное социальное значение, интересен и необходим мно-

гим людям, эта ценность может отойти на второй план, а первичен будет мотив обладания как источник энергии субъекта страсти. Значит, первичная жажда — найти истину самому, лично создать художественный шедевр, покорить своим артистическим обаянием. Преданность предмету без мотива владения или овладения — служение. В служении человек отдает себя целиком, не рассчитывая на вознаграждение, тем более — не требуя его. Желать и планировать стать святым — святотатство. И малая толика жажды славы может превратить служение в алчность.

Литература

1. Куликов Л.В. Страстность и страсть как психические феномены // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2007. Вып. 1. С. 12–25.
2. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997.
3. Лапшин И.И. Эгоизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. — СПб., 1890–1907.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
5. Олпорт Г. Личность в психологии. М.; СПб., 1998.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995.

ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ*

Т. А. Симакова, Я. Н. Полякова

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые аспекты проблемы психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных в условиях отбывания наказания, в частности преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных в воспитательные центры. По мнению автора, это возможно только при условии синтеза исторически оправданного положительного опыта и современных тенденций, детерминирующих противоправное поведение детей и подростков при условии гуманизации исполнения наказания несовершеннолетних правонарушителей, создания для этого оптимальных условий на основе дифференциации осужденных с учетом их нравственной запущенности, общественной опасности, индивидуальных психологических особенностей, склонности к раскаянию и покаянию, степени исправления и перевоспитания.

Ключевые слова: ресоциализация несовершеннолетних осужденных, опыт воспитательных колоний, воспитательные центры для несовершеннолетних осужденных, гуманизация, задачи ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Summary: the article examines some aspects of psycho-pedagogical support for juvenile offenders under punishment. The relevance of these issues revealed in

the context of the transformation of correctional facilities for juvenile offenders in penal centers. From the point of view of the authors, optimization nature of these changes is possible only as the synthesis of historically justifiable positive experience and current trends, determining the criminal behavior of children and adolescents. In this case, the humanization of punishment of juvenile offenders should be combined with the creation of optimal conditions for serving on the basis of differentiation convicted in accordance with their moral neglect, public danger, individual psychological characteristics, propensity to repentance, reformation and re-education.

Keywords: resocialization of juvenile offenders, juvenile correctional experience, educational penal centers for juvenile offenders, humanization, the problems of re-socialization of convicted juveniles.

Проблема осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних осужденных остается на протяжении последних лет одной из наиболее актуальных. Важнейшими ее характеристиками являются системность, междисциплинарность, комплексный характер [1, 13, 16, 17, 25]. Это, в свою очередь, предполагает в качестве детерминанты успешного решения интеграцию потенциальных возможностей всех институтов современного общества. В по-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее» № 14-16-62001 а(р).

становлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. было установлено, что правосудие в отношении несовершеннолетних должно обеспечивать их ресоциализацию. Достижение целей уголовного наказания, предусмотренных законодательством, в отношении несовершеннолетних не представляется возможным без осуществления параллельного, целенаправленного психолого-педагогического, социально-правового комплексного и межведомственного воздействия на осужденного, обеспечивающего формирование у него правового самосознания, реализацию правомерных поведенческих моделей, устойчивость самостоятельной позитивной социализации его личности и навыков правопослушного поведения.

Развитие уголовно-исполнительной системы (УИС) на современном этапе ориентировано на обеспечение гуманизации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных [2, 6, 9, 14, 15, 18]. Реализация такого подхода в отношении несовершеннолетних возможна только при условии интеграции всех позитивных достижений отечественной пенитенциарной науки и практики с учетом критического анализа зарубежного опыта. Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетних осужденных не должна сводиться исключительно к послаблению режима содержания, поскольку это может спровоцировать «обогащение» криминогенной природы личности подростка новыми патологическими качествами, такими как приспособленчество, тунеядство, безответственность, иждивенчество. Эффективная гуманизация предполагает компенсацию дефицитарного психолого-педагогического

воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного на предшествующих этапах развития. При этом компенсация дефицитарности понимается как оптимальная реализация методологических принципов пенитенциарной психологии и современных методов коррекционного воздействия, нацеленных на восстановление ранее нарушенных основ формирования правового самосознания личности несовершеннолетнего осужденного, необходимых для полноценной жизнедеятельности в обществе [12].

В этом отношении интересным, на наш взгляд, является сочетание положительного исторически оправданного отечественного опыта пенитенциарной работы с несовершеннолетними правонарушителями и тенденций изменчивости личности современного ребенка, подростка, молодого человека. В последние десятилетия обстановка в России оказалась нестабильной в экономическом и социальном плане, что негативно отразилось на социально уязвимых слоях населения, в том числе детях.

Д.И. Фельдштейн в числе особенностей, характеризующих современное детство, отмечает следующее: «В ряду факторов, определяющих кардинальные изменения детей, выступает, во-первых, маркетингизация, этика рынка, усиливающая ориентацию детей на потребление, а также адаптация (искусственное включение индивида в какую-либо группу), отрывающая ребенка от культурных традиций общества. ...Налицо потеря ответственности взрослого общества за детей, потеря общественного контроля и причастности Взрослого Мира к Детству. Все это происходит на фоне деградации воспитательного компонента в

образовании. ...Детям ставят диагнозы, которые ранее ставили взрослым, при использовании антидепрессантов для агрессивных детей. Умеют сегодня страдать другим детям мальчики лишь в возрасте до 8 лет, девочки до 9–10 лет. А сорадоваться могут мальчики примерно до 7 лет, девочки же практически не умеют этого делать. В самом Детстве рухнули многие образующие его структуры, изменились отношения между детьми, в том числе заметно усложнились “горизонтальные связи”» [24].

В силу возрастающей социальной незрелости, психофизиологических возрастных особенностей современные дети нуждаются в повышенном внимании и опеке со стороны общественных институтов и государственных структур, в том числе правоохранительных органов, поскольку педагогически запущенные несовершеннолетние склонны к отклоняющимся, аномальным формам поведения, совершению правонарушений [2, 19, 20, 21, 22, 23].

Система работы и управления воспитательными колониями (ВК) имеет свою правовую базу. Необходимость учета особенностей при назначении наказания несовершеннолетним закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации, а при исполнении наказания — в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, ведомственных нормативных правовых актах. Существование управленческой структуры, специализирующейся на ВК, предусмотрено в Указе Президента Российской Федерации от 1 июня 1992 г. № 543.

При разработке документов по организации работы исправительных учреждений с детьми в максимальной степени учтены международные нормы, стандар-

ты и принципы применительно к обращению с детьми: Пекинские правила, Конвенция о правах ребенка; Руководящие принципы ООН, принятые в Эр-Рияде; Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы.

В воспитательных колониях концентрируются наиболее социально дезадаптированные подростки [3, 4, 5, 10, 11]. По данным судебной статистики, к реальному лишению свободы осуждается лишь четвертая часть несовершеннолетних. Суды не спешат применять к ним самое суровое наказание, прибегая прежде всего к условному осуждению к лишению свободы или другим видам наказания. Особенно это касается девочек: к лишению свободы осуждается только 16% из них. Но, несмотря на это, численность осужденных в ВК в последние годы растет, а объявляемые амнистии не оказывают на этот процесс существенного влияния. Меняется возрастной состав воспитанников за счет увеличения доли лиц, достигших 18-летнего возраста (до 20%).

Данная тенденция осложняет реализацию исполнения наказания, организованную с учетом подросткового возраста контингента, и ставит вопрос об изменении типологии и организационной структуры учреждений. Осужденные становятся в педагогическом отношении более трудными, растет доля осужденных за умышленное убийство, нанесение тяжкого вреда здоровью, разбой, грабеж. Увеличивается число подростков, имевших до осуждения опыт взаимодействия с системой правосудия: более половины впервые отбывающих наказание ранее были осуждены к лишению свободы условно, стояли на учете в комиссии по делам несовершеннолетних.

В места лишения свободы все больше поступает нездоровых подростков [7, 8]. Уровень осужденных несовершеннолетних с заболеваниями, передающимися половым путем, превышает общероссийский в той же возрастной группе в 9 раз, больных алкоголизмом и злоупотребляющих алкоголем — в 2,5 раза, больных наркоманией и употребляющих наркотические средства — в 12 раз, больных туберкулезом — в 33 раза. Более 25% подростков, поступающих в ВК, имеют дефицит веса в различных стадиях, практически треть подростков — различные отклонения в психическом развитии.

Подавляющая часть воспитанников не имеет образования, соответствующего возрасту. Каждый 10-й ребенок — сирота или оставшийся без попечения родителей. Причем количество детей, фактически утративших связь с родителями, с каждым годом становится больше, и этот факт существенно затрудняет процесс ресоциализации [9].

В сложившейся ситуации перед сотрудниками ВК прежде всего стоит задача оказать психологическую, медицинскую и педагогическую помощь детям, оказавшимся в экстремальной социальной и психологической ситуации. И лишь затем речь идет об обеспечении коррекции личностной деформации юных правонарушителей и работе по подготовке их к жизни в обществе. Эти задачи решают около 11 тыс. сотрудников.

В каждой воспитательной колонии имеется общеобразовательная школа, в которой подростки обучаются по типовым общеобразовательным программам. Ежегодно осваивают программу обучения и выдерживают аттестацию более 80% учащих. Воспитанники по-

лучают документы, соответствующие государственному образцу, без указания на то, что закончили школу, находясь в местах лишения свободы. В отличие от школ, работающих в исправительных колониях, они полностью находятся в ведении УИС, являясь структурным подразделением ВК.

К воспитательной работе с осужденными активно привлекаются родители. Они принимают участие в деятельности учебно-воспитательных и попечительских советов, родительских комитетов, ведут работу в многочисленных кружках. Ежегодно в каждой воспитательной колонии проводятся родительские конференции. Родители в колонии — это не только дополнительные силы в помощь сотрудникам, но и форма очень серьезного общественного контроля за работой администрации, условиями содержания несовершеннолетних осужденных.

Практически при всех воспитательных колониях работают попечительские советы. Их задачи ориентированы на оказание помощи администрации в воспитательной работе, создании необходимой материальной базы для улучшения условий содержания подростков, содействие в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых. Конечно, это форма систематического общественного контроля за условиями содержания несовершеннолетних, участия в вопросах защиты прав и законных интересов детей. Отдача от них при оказании материальной помощи различна и зависит от дислокации колонии и от того, насколько хорошо налажено взаимодействие с руководителями различных органов власти. Уголовно-исполнительная система России, частью которой являются воспита-

тельные колонии, переживает процесс преобразования и развития, направленного на приоритет гуманного отношения к человеку, строгое соблюдение при исполнении наказания его прав, стимулирование правопослушного поведения осужденных.

В практику деятельности воспитательных колоний уже внедрены новые для уголовно-исполнительной системы элементы. В повседневную жизнь воспитательных колоний вошли такие формы поощрения, как длительные свидания в колонии и за ее пределами, краткосрочные и длительные отпуска, в том числе с выездом к месту жительства, телефонные переговоры с родственниками, посещение зрелищных и спортивных мероприятий за пределами колонии.

Руководителей ВК заботит вопрос социальной адаптации своих выпускников. Они ищут средства для создания центров социальной адаптации, договариваются с воинскими частями об устройстве в них освободившихся сиrot и др. Согласно проводимой в России новой уголовно-исполнительной политике воспитательные колонии в последнее время перестают быть закрытой системой. Эти учреждения все активнее посещают представители зарубежных делегаций, средств массовой информации, общественных объединений и церкви. К проблемам несовершеннолетних осужденных приковано внимание президентских и правительственных структур, народных депутатов и правозащитников, средств массовой информации.

На основании анализа социально-криминологических данных несовершеннолетних осужденных основными направлениями ресоциализирующего

воздействия являются следующие задачи:

- проводить медико-психологическое обследование всех вновь прибывших несовершеннолетних осужденных с целью обеспечения необходимых лечебно-профилактических мероприятий, направленных на поправку здоровья, в том числе психологического;

- прививать соблюдение элементарных норм гигиены и в случаях необходимости формировать навыки самообслуживания;

- формировать элементарные навыки и постоянно обучать умению соблюдать правила проживания в коллективе в ВК, а в дальнейшем — в самостоятельной жизни;

- реализовывать систему соблюдения правил поведения в ВК путем предъявления к ним требовательности всеми сотрудниками, имеющими отношение к исправительно-воспитательному процессу;

- развивать умение анализировать свое поведение, критически оценивать свои поступки и поступки других людей, развивать нравственный релятивизм;

- вовлекать в образовательную деятельность, проводить работу с целью повышения мотивации образования, применяя систему стимулов, закрепляющих интерес к учебе;

- вовлекать в социально значимую трудовую деятельность, прививать навыки разных форм труда, используя собственные земельные угодья, мастерские в «зоне» и за ее пределами, а также подсобное хозяйство ВК;

- создавать условия для получения несовершеннолетними осужденными профессиональной подготовки, используя возможности собственного произ-

водства и совместную деятельность с предприятиями других форм собственности;

- проводить психодиагностическую работу с целью оптимальной организации психокоррекции и соответствующей терапии с лицами, имеющими психические отклонения, наркотическую и алкогольную зависимость;

- привлекать к воспитательной работе священнослужителей для привития христианских норм нравственности;

- развивать интерес к работе в общественных формированиях, прививать навыки дифференцированного просмотра телепередач с акцентом на передачах, имеющих культурно-историческое и познавательное содержание;

- обучать воспитанников навыкам ведения самостоятельного образа жизни и умениям, связанным с решением задач по самообеспечению продовольствием и предметами первой необходимости, исключая криминальный путь.

Особое значение в этом контексте приобретает образовательно-воспитательная работа по формированию, развитию и саморазвитию правового самосознания воспитанников [12]. Воспитательная работа с трудновоспитуемыми детьми и подростками в нашей стране долгое время строилась на глубоком изучении и творческом использовании наследия А.С. Макаренко, вобравшем в себя принципы и практические методы педагогической, психологической, криминологической и других наук. В колониях был накоплен значительный потенциал интересных и содержательных форм воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями, которые заслуживают изучения и использования на современном этапе раз-

вития пенитенциарной системы. Однако со временем произошло выхолащивание психолого-педагогической сути опыта талантливого педагога. На практике, к сожалению, часто можно увидеть, что психолого-педагогическое воздействие ограничивается уровнем формирования позитивных представлений о правоопослушном поведении. А.С. Макаренко учил, что процесс перевоспитания должен опираться на практику правильного поведения, своего рода нравственную гимнастику, он был мастером формирования навыков правильного поведения. Не закрепленные в поступках нравственные ценности, ориентации, скорее всего, уступят место апробированному в прошлом криминальному опыту, когда несовершеннолетний осужденный, пусть даже бывший, окажется перед самостоятельным выбором способа реализации своего намерения.

Опираясь на исторически сложившийся отечественный опыт по организации предупреждения преступлений несовершеннолетних, можно сделать важные для настоящего времени выводы. Главный из них заключается в том, что большую силу в превентивной деятельности представляет общественность и именно ее мобилизация позволяет успешно решать злободневные вопросы. Вывод, сделанный почти сто лет назад, и сегодня не утратил своего значения: серьезный успех в борьбе с детской преступностью может быть достигнут лишь совместными и широко развитыми усилиями общества и государства, сочетанием мер общественных и государственных. Направления этой деятельности вполне проверены временем и представляют собой определенную систему, в которую входят:

а) специальные учреждения для несовершеннолетних различных категорий (делинквентов, подсудимых и осужденных), с определенной системой воспитания, опирающейся на открытость, связь с жизнью общества, участие общественности в воспитании;

б) специальная (особая) система ювенального правосудия;

в) хорошо налаженная ресоциализация (социальная адаптация) несовершеннолетних различных категорий: вышедших из учебно-воспитательных учреждений; освобожденных из колоний, из зала суда (независимо от оснований); употребляющих наркотики; психически нездоровых, и др.;

г) четкая и продуманная правовая регламентация предупредительной деятельности.

В настоящее время гуманизация исполнения наказания несовершеннолетних правонарушителей должна сочетаться с созданием оптимальных условий его отбывания на основе дифференциации осужденных с учетом их нравственной запущенности, общественной опасности, индивидуальных психологических особенностей, склонности к раскаянию и покаянию, степени исправления и перевоспитания.

Литература

1. *Ананьев О.Г.* О совершенствовании образовательно-воспитательной системы реабилитационной деятельности ИУ для несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 121–131.
2. *Воронин Р.М.* Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
3. *Датий А.В.* Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-

санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.

4. *Датий А.В.* Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.

5. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

6. *Датий А.В., Бовин Б.Г.* Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23–29.

7. *Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.

8. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 121–124.

9. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 193.

10. *Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В.* Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

11. *Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.

12. *Симакова Т.А.* К вопросу о проблеме правового самосознания // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 32–37.

13. *Симакова Т.А.* Некоторые теоретико-методологические аспекты гуманизации и ресоциализации несовершеннолетних осужденных: постановка проблемы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 11–15.

14. *Сочивко Д.В.* Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.

15. *Сочивко Д.В.* Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.

16. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

17. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.

18. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологии современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.

19. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.

20. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозитивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 45–55.

21. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блишкова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: от-

веты на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

22. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

23. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32–34.

24. Фельдштейн Д.И. Характер и степень изменений современного детства и проблемы организации образования на исторически новом уровне развития общества. Доклад на заседании Правления Российского книжного союза. 2013. URL: <http://letidor.ru/article/70585/>.

25. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Н. В. Яковлева

Аннотация: в статье представлен анализ психологических исследований здоровья и предложен новый подход к здоровью как здоровьесберегающей деятельности. Описаны авторские методики исследования здоровьесберегающей деятельности личности.

Ключевые слова: психология здоровья, методологическая парадигма, здоровьесберегающая деятельность, психодиагностические методики.

Summary: the article presents an analysis of psychological research of health and offers a new approach to health

as health activities. It describes the author's methods of health-research activities of the person.

Keywords: health psychology, methodological paradigm, health activities, psychodiagnostic techniques.

Здоровье человека — сложное, полидетерминированное явление. Известно не менее ста авторских определений, делающих упор на различные аспекты здоровья, например на уровень и гармоничность физического развития, функциональное состояние организма, резерв-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Рязанской области. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее» № 13-16-62001а(р).

ные возможности функциональных систем, уровень неспецифической резистентности и иммунной защиты, личностные качества человека, стили поведения, удовлетворенность качеством жизни и т. д. Практически каждая из ведущих психологических школ рассматривала здоровье как предмет исследования в рамках своей научной парадигмы. В то же время анализ современных исследований в области психологии здоровья обнаруживает серьезную проблему рассогласования актуальности решаемых задач и возможностей используемой методологической парадигмы. Психология здоровья чаще всего представлена на уровне эмпирических междисциплинарных исследований, решающих частные практические задачи без выхода на уровень серьезного теоретического обобщения. Мы считаем, что для преодоления такого рассогласования следует рассматривать здоровье вне клинико-психологического контекста. Как общепсихологический феномен здоровье отражает функциональное качество системы индивидуального жизнеобеспечения личности. Методологический прорыв отечественной психологии конца XX — начала XXI века, связанный с разработкой психологической категории субъекта, развитием психологической теории деятельности и возможностями методологии системного и метасистемного анализа интегральных феноменов человеческого бытия, позволит вывести психологию здоровья на принципиально иной уровень научных исследований [7, 9].

Условиями разработки современной психологической теории здоровья, на наш взгляд, выступают следующие положения:

1. Психологическую систему здоровья следует рассматривать в контексте общей жизнедеятельности человека и изучать ее в общепсихологическом и социально-психологическом дискурсе.

2. Несмотря на то что процесс здоровьесбережения включает процессы управления и регуляции разной степени осознанности, его базовым стержнем и высшей формой выступает целенаправленная деятельность субъекта по управлению здоровьем — здоровьесберегающая деятельность субъекта [7].

Исследование здоровьесбережения как особой формы саморегуляционной деятельности предполагает разработку специальных психодиагностических методик, позволяющих адекватно изучать феноменологию и онтологию осознанного управления собственным здоровьем. К сожалению, имеющийся методический аппарат психодиагностических исследований не позволяет осуществить поставленную задачу в полной мере. Большинство авторов рассматривает здоровье как объект исследования в рамках одной из трех распространенных парадигм. В рамках первой здоровье рассматривается как противоположность болезни, отсутствие патологических симптомов в состоянии, сознании и поведении человека. При использовании второй парадигмы здоровым считается человек, который по объективно измеренным параметрам — показателям основных систем организма соответствует своей возрастно-половой норме. Наконец, третий подход определяет здоровье как состояние оптимального взаимодействия с окружающей природной и социальной средой в сочетании с внутренней гармонией и чувством субъективного благополучия. Каждая из ука-

занных парадигм имеет существенные ограничения в качестве методологической базы исследования, описание которых выходит за рамки настоящей статьи, однако во множестве используется в этом качестве при разработке и применении психодиагностических методик. Например, авторы-составители самого объемного отечественного сборника по проблемам психодиагностики здоровья [2] включили в его состав методики на диагностику наличия или риска возникновения заболевания (например, экспресс-диагностику невроза, тест на алкоголизм, методику диагностики употребления наркотиков), методики оценки уровня психического, психомоторного и физического развития у представителей разных возрастно-половых групп, а также социального и внутреннего благополучия личности (например, методики диагностики уровня тревожности, самоактуализации и т. п.)

Нам представляется более перспективным выделение особой здоровьесберегающей деятельности, которая по своей структуре соответствует принятой в отечественной психологии теории деятельности, но обладает специфическими по сравнению с другими видами целенаправленной активности субъекта особенностями. В ней, как и в любой другой деятельности, присутствуют процессы мотивации, оценки, программирования и целеполагания, реализации действий и контроля результата. В то же время здоровьесбережение — это деятельность особого инструментального характера. Она включена в структуру любой деятельности и в фоновые условия, необходимые для ее эффективной реализации [7]. При этом имеющегося методического инструментария для систем-

ной диагностики текущего и перспективного уровня процессов здоровьесбережения оказывается явно недостаточно. В частности, за бортом исследования остаются мотивация здоровьесберегающей деятельности, компоненты оперативного образа здоровья, складывающиеся в совокупности в его индивидуальную модель, оценка перспектив реализации здоровьесберегающих действий.

На протяжении ряда лет нами был разработан и апробирован на различных целевых выборках комплекс авторских методик исследования здоровьесберегающей деятельности субъекта, в состав которого входят структурированное интервью «Индивидуальная модель здоровья», методика незаконченных предложений (модифицированный вариант на тему отношения к здоровью), проективная методика «Лицо здорового человека» [8], скрининг-методика оценки уровня мотивации здоровьесберегающей деятельности и тест-опросник «Исследование здоровьесберегающей деятельности».

К достоинствам комплекса следует отнести возможность диагностики практических всех процессов, входящих в структуру здоровьесберегающей деятельности, причем некоторые из них, например мотивация, исследуются посредством нескольких методик. В основу отдельных методик положены разные методические принципы и процедуры (проекция, выбор одного из вариантов ответа, прямая самооценка, шкалирование, свободный самоотчет, свободные ассоциации), что позволяет повысить достоверность данных, полученных от испытуемых. При этом каждая из методик комплекса является совершенно са-

мостоятельным инструментом и может автономно использоваться для решения различных научно-исследовательских и прикладных задач.

Базовой методикой психодиагностического комплекса выступает *структурированное интервью «Индивидуальная модель здоровья»*. Она относится к качественно-феноменологическим методам изучения смысловой сферы и предваряет дальнейшее исследование особенностей здоровьесберегающей деятельности. Схема интервью включает в себя четыре смысловых блока:

- общую оценку состояния своего здоровья;
- генезис индивидуальной модели здоровья;
- эталонные представления о параметрах здоровья;
- ценностно-смысловую характеристику индивидуальной модели здоровья.

Первые вопросы в каждом блоке содержат закрытую форму ответов (дихотомия либо выбор из перечня), последующие построены по принципу свободного ответа на заданную тему либо техники предельных смыслов по Д.А. Леонтьеву [4]. Это позволяет постепенно вовлечь респондента в анализ личностно значимых вопросов на тему индивидуального здоровья. Для получения достоверной информации исследователю рекомендуется придать интервью личностную форму обращения к респонденту и использовать техники активного слушания и релаксационных воздействий [5].

Обработка данных интервью включает в себя:

- 1) диагностики типа отношения к общему состоянию здоровья по данным первого блока;
- 2) контент-анализ данных второго

блока и описание индивидуального генеза модели здоровья;

3) кластерный анализ данных третьего блока и выявление индивидуальной психосемантики здоровья;

4) построение пространственной семантической модели данных четвертого блока и описание ценностно-смысловой характеристики индивидуального здоровья.

Авторская модификация *проективной методики незаконченных предложений* на тему отношения к здоровью направлена на выявление особенностей индивидуальной концепции здоровья личности. Компактность стимульного материала (всего 10 незаконченных предложений) позволяет отнести ее к экспресс-методикам диагностики мотивации, однако это не мешает провести полноценный контент-анализ завершений и дает возможность оценить особенности четырех структурных компонентов индивидуальной модели здоровья испытуемого, таких как:

- самооценка уровня здоровья;
- критерии здоровья;
- технологии здоровьесбережения;
- смысловая характеристика здоровья.

Цель *методики «Лицо здорового человека»* — исследовать социальные стереотипы восприятия здорового человека в различных целевых выборках.

На первом этапе испытуемым предлагается оценить по биполярной 7-балльной шкале уровень здоровья каждого из двадцати изображенных на фотографиях людей. На втором этапе анализируются критерии оценки здоровья и болезни. Оцениваются гендерные, возрастные и иные групповые предпочтения при оценке здоровья и болезни,

исследуются визуальные и социальные критерии здоровья.

Методика «Исследование здоровьесберегающей деятельности» представляет собой тест-опросник, содержащий шесть шкал:

- мотивационно-ценностная сфера здоровьесберегающего поведения (10 пунктов);
- целеполагание в области здоровьесберегающего поведения (10 пунктов);
- эталоны здоровья (10 пунктов);
- самооценка уровня здоровья (22 пункта);
- здоровьесберегающее поведение (22 пункта);
- самоэффективность в области здоровьесберегающей деятельности (8 пунктов).

Скрининг-методика оценки уровня мотивации здоровьесберегающей деятельности состоит из 10 вопросов, ответ на каждый из которых предусматривает выбор одного из трех вариантов ответов. Оперативный подсчет баллов позволяет отнести мотивационные особенности здоровьесбережения испытуемого к одному из четырех уровней:

- высокий уровень здоровьесберегающей мотивации;
- средний уровень здоровьесберегающей мотивации;
- низкая мотивация здоровьесбережения;
- негативное отношение к здоровьесбережению, авитальная мотивация.

Общее число испытуемых, которые участвовали в апробации методик комплекса исследования здоровьесберегающей деятельности, к настоящему времени превысило 1200 человек в возрасте от 13 до 68 лет. В качестве це-

левых групп привлекались студенты медицинских и гуманитарных факультетов, пациенты клиник и оздоровительных центров, профессиональные спортсмены и спортсмены-любители, специализирующиеся на игровых видах спорта, врачи, учителя общеобразовательных школ, старшеклассники, включая подростков, демонстрирующих асоциальное поведение. В рамках гранта, выполняемого нами при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Рязанской области, методики психодиагностического комплекса применяются в исследовании особенностей здоровьесберегающего поведения женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы [1, 3]. Результаты обработки данных посредством статистических и качественных методов позволяют с высокой вероятностью оценить данный комплекс методик как универсальный и объективный инструмент диагностики особенностей здоровьесберегающей деятельности личности. Кроме того, полученные посредством применения комплекса методик данные об индивидуальных особенностях здоровьесбережения выступают в качестве основы для разработки психокоррекционных мероприятий. В частности, в авторском тренинге активного здоровьесбережения, проведенном в группе трудных подростков, у большинства его участников наблюдалась тенденция к снижению «асоциального преморбида», формировалось позитивное отношение к себе как уникальной психосоматической целостности и развивались базовые навыки регуляции здоровьесберегающего поведения [6, 10].

Литература

1. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.
2. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2007. 950 с.
3. Здоровьесберегающее поведение женщин современной России: проблемы гендерной психологии здоровья / под общ. ред. Н.В. Яковлевой. Рязань: РязГМУ, 2013. 272 с.
4. Леонтьев Д.А. Методика смысло-жизненных ориентаций. М.: Изд-во МГУ, 1996. 23 с.
5. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987. 234 с.
6. Яковлева Н.В. Особенности индивидуальных моделей здоровья подростков, склонных к асоциальному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 46–55.
7. Яковлева Н.В. Витальная метакомпетентность личности: теория и практика психологических исследований здоровья. Рязань: Полином, 2012. 285 с.
8. Яковлева Н.В. Психодиагностический комплекс «Статус Пси». Рязань: РязГМУ, 2012. 135 с.
9. Яковлева Н.В. Особенности и детерминация социальных стереотипов здоровьесбережения в современной России // Психолого-педагогический поиск. 2013. № 4 (28). С. 110–116.
10. Яковлева Н.В. Коррекция здоровьесберегающего поведения как направление коррекции асоциальности подростков [Электронный документ]. URL: GlobalInternationalScientificAnalyticalProject(<http://gisap.eu/ru/node/7681>)

КОГНИТИВНАЯ СФЕРА НАРКОТИЗИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А. К. Белоусова, А. Ю. Николаев, О. Е. Евсеева

Аннотация: статья посвящена анализу когнитивной сферы юношей (в частности, показателей уровня интеллекта), имеющих и не имеющих опыта наркопроб. Приведены основные подходы к изучению проблемы познавательных функций донаркотической личности, а также так называемой личности наркомана. На примере использования методик диагностики интеллектуальных способностей — краткого ориентировочного теста (КОТ) и теста «Домино» (D-48) — показаны результаты экспериментального исследования уровня интеллекта у лиц, имеющих и не имеющих опыта наркопроб. Статистически определен когнитивный компонент психологической готовности в юношеском возрасте к употреблению психоактивных веществ, представленный в виде наличия некоторых интеллектуальных особенностей. Изложены основные аспекты использования психофизиологического исследования с применением полиграфа в разработке подходов к кримпрофилактике отклоняющегося поведения в юношеском возрасте. Представлен анализ социальной стороны проблемы, в том числе освящен такой социальный фактор риска, как молодежный наркотизм. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности практического психолога.

Ключевые слова: наркомания, психоактивные вещества, социальный стереотип, юношеский возраст,

когнитивные функции, интеллектуальные способности, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, кримпрофилактика, социальный фактор риска.

Summary: this paper analyzes the cognitive sphere of boy-adolescents (in particular, indicators of intelligence), with and without experience of drug-addiction. The main approaches to the problem of cognitive functions of pre-drug addicted personality, as well as drug addicted. On an example of the use of diagnostic techniques of intellectual abilities — short preliminary test and test «Domino» (D-48) — it shows the results of an experimental study of the level of intelligence in persons with and without experience of drug-addiction. Statistically defined cognitive component of psychological readiness in adolescence to narcotism, presented as having some intelligent features. The basic aspects of psychophysiological research using polygraph in developing approaches to criminological prevention of deviant behavior in adolescence. Presents an analysis of the social aspects of the problem, including consecrated a social risk factor, as a youth drug addiction. The results can be used in the activity of the practical psychologist.

Keywords: addiction, substance use, social stereotype, youthful age, cognitive function, mental abilities, psychophysiological studies using polygraph criminological prevention, social risk factor.

Постановка проблемы. Проблема наркотизации общества на настоящий момент остается одной из актуальных, несмотря на активную антинаркотическую компанию, проводимую на государственном уровне. Так, анализ наркоситуации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показывает, что в 2013 г. внешняя наркоэкспансия и высокий уровень наркотизации российского общества в целом продолжают представлять прямую угрозу национальной безопасности страны [11].

Наркомания как нозология, по данным Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Росздрава за 2009 г., занимает одну из ведущих позиций в перечне групп социально значимых заболеваний [19]. Управление ООН по наркотикам и преступности отмечает, что в течение последних 4 лет Россия занимает одно из первых мест в мире по числу инъекционных наркопроб [4]. Согласно мониторингу ФСКН России на 2013 г. количество лиц, регулярно и/или эпизодически потребляющих наркотики, составило более 8 млн человек, причем преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, характеризуются «высочайшей степенью латентности, поскольку в связи с покупателем — продавцом оба являются правонарушителями» [11]. К началу 2013 г. в нашей стране на 100 тыс. жителей приходится в среднем около 250 наркозависимых. В Самарской, Новосибирской и Томской областях число наркозависимых на 100 тыс. жителей превышает среднероссийский показатель и составляет 400–700 человек [20]. По данным Управления ФСКН России по г. Москве, в 2012 г. число лиц с диа-

гнозом «наркомания» в Москве выросло на 3% по сравнению с показателями 2011 г. [22]. В свою очередь, Наркологический диспансер по Ростовской области отмечает более 10 тыс. зарегистрированных наркозависимых лиц по состоянию на 1 декабря 2012 г. [1].

Оценивая новую стадию наркотизма в России, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения Института социологии РАН Л.Н. Рыбакова отмечает, что характер наркотизации российского населения отличается от аналогичного показателя в других странах следующим: больше всего в нашей стране насчитывается потребителей героина; развито изготовление и употребление кустарных опиатов, как нигде в мире; снизился уровень осознания вреда от наркотика (так, употребление «крокодила» уже не является неким экзотическим видом наркопроб). Автор указывает, что употребление опасных для здоровья веществ характерно преимущественно для молодого возраста, а также акцентирует внимание на том, что мониторинг наркотизации населения России, проводимый ФСКН России, представляет собой не измерение, а оценку ситуации [17].

На протяжении последних десятилетий предрасполагающие факторы юношеского наркотизма пытались выявить как отечественные, так и зарубежные ученые (М.Е. Позднякова, В.В. Козлов, Д.В. Четвериков, С.И. Найденов, В. Соколов, А.Н. Гаранский, П.Д. Шабанов, О.Ю. Штакельберг, Määtä Paula, P. Carl, Malmquist, B. Sharma, D. Kandel, A. Cohen и др.).

Следует отметить, что большинство работ было посвящено изучению психологических особенностей лиц с уже

сформировавшейся наркоманией (П.Б. Ганнушкин, А.Е. Личко, С.Б. Белогуров, С.В. Березин, N. Lesswing и R. Dougherty, D. Nurco и M. Batter, S. Cohen, B. Jonson, R. Neiss, R. Caputo и др).

Несмотря на предпринимаемые попытки определить пусковые механизмы первичного приобщения к употреблению наркотиков, однозначной определенности в этом вопросе пока не достигнуто. Проводились исследования по составлению условного профиля «донаркотической личности» (Määtä Paula), при этом, как отмечала автор, сформулировать однозначный и убедительный «портрет» не представляется возможным.

Ряд ученых [14] экспериментально установили перечень общих черт личности, употребляющей наркотики и алкоголь: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая стрессоустойчивость к внешним и внутренним факторам; неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость; неумение найти выход из трудной ситуации. Однако эти же исследователи отмечают, что указанные личностные особенности могут быть сформированы уже в процессе наркотизации личности и при этом не иметь места в ее донаркотический период. Следует учесть, что эти особенности могут быть характерны и для людей, ни разу не пробовавших наркотики [14].

Крайне мало работ проводилось по изучению когнитивных функций у лиц, склонных к употреблению ПАВ. Большинство подобных исследований было направлено на изучение особенностей интеллектуальной сферы лиц с уже имеющейся наркозависимостью. Так, А. Погосов [13] указывает на то, что каннабис

значительно ухудшает познавательные функции, при этом отмечается снижение интеллекта и нарушение памяти. Он также приводит замечание Ж. Буке (1951) о том, что эффект препаратов из конопли, которые условно называют «ядами интеллекта», заключается в ослаблении способности контролировать мышление и, в частности, снижении способностей к словесно-логическому мышлению.

На этом фоне особый интерес представляют исследования ряда ученых (M.C. Stevesns, R.F. Kaplan, L.O. Bauer и др.) [30, 31], которые пришли к выводу о снижении вербальных показателей интеллекта у лиц с антисоциальным поведением. Результаты их исследований подтвердили: в большей мере снижение речевых функций отмечалось у лиц, имеющих антисоциальные тенденции в детском возрасте, что в более зрелом периоде переросло в антисоциальное расстройство личности. J. Isen, проводя мета-анализ различных возрастных групп, установил, что у лиц с антисоциальным поведением показатели вербального интеллекта ниже, чем показатели невербального [28].

В.И. Перке приводит такие исследования наркозависимого поведения в подростковом возрасте, как работы F.A. Ames (1986), В.А. Жмурова, Л.Г. Красовской (1991), П.Д. Шабанова, О.Ю. Штакельберга (2002). Эти авторы среди возможных причин наркотизации называют интеллектуальные факторы как определяющие приобщение подростков к наркотикам: а) недостаточное умственное развитие в целом (при этом они не говорят о патологии) — препятствует правильному самоанализу поведения и прогнозированию его последствий; б) недостаточная самостоятель-

ность мышления — приводит к повышенной внушаемости и конформности; в) сниженная познавательная активность, обедненность, неустойчивость духовных потребностей [15].

В.И. Перке указывает на работы F. Ames (1986), J. Swisher (1970), Weiner (1973), J. Halikas (1982), которые проводили исследования изменений когнитивных связей у наркоманов и пришли к выводам, что для них характерно ослабление памяти, дефицит внимания, деформация восприятия времени, возможные галлюцинации [15].

Д.Г. Юдин в своей работе [26] анализирует труды отечественных ученых, занимавшихся проблемами изменений в интеллектуально-мнестической сфере у наркозависимых лиц. Так, Т.Т. Похилько (1980) на основании проведенных экспериментально-психологических исследований отмечает, что более выраженные психические и личностные изменения наблюдаются при гашишных и опийных наркоманиях, указывая, что чем раньше начинается употребление наркотиков и чем дольше оно продолжается, тем грубее органические изменения головного мозга и более выражены интеллектуально-мнестические нарушения. Д.Г. Юдин, в частности, приводит работы А.Н. Олисова (1982), который установил, что степень выраженности интеллектуально-мнестического снижения у больных наркоманией тесно связана с давностью заболевания. В свою очередь, И.П. Михайличенко (1983) показал, что выраженность интеллектуально-мнестических расстройств у больных наркоманией напрямую зависит от вида наркотика, а также от преморбидной патологии личности [16]. Д.Г.Юдин также приводит иссле-

дования Н.Е. Кулагиной (1992), в диссертационной работе которой есть указания на формирование органического симптомокомплекса, сформированного под токсическим действием эфедрона, при этом более чем у 50% обследованных лиц наблюдалось снижение интеллектуально-мнестической деятельности различной степени выраженности. По данным Ю.В. Попова (1997), нарушения памяти и интеллектуальных функций являются наиболее характерным признаком органических расстройств у наркоманов.

Таким образом, анализ литературных данных показывает, что исследования когнитивной сферы человека на этапе формирования наркотической личности немногочисленны и не отражают степень социальной значимости данной проблемы. Работы, направленные на изучение интеллектуальных особенностей «донаркотической личности», носят единичный характер. В связи с изложенным изучение указанной проблемы представляется актуальным и практически востребованным, в том числе для решения задач криминалистической профилактики правонарушений, связанных с употреблением и незаконным оборотом ПАВ.

Ранее нами были представлены некоторые результаты исследования, направленного на выяснение возможной корреляции уровня интеллекта и психологической готовности к наркопробам на примере лиц юношеского возраста [3]. В данной статье полученные результаты будут представлены в полном объеме.

Мы исходим из предположения о том, что психологическая готовность юношей к употреблению ПАВ носит си-

стемный характер и проявляется на разных уровнях психологической структуры человека. В соответствии с данными представлениями человек рассматривается в единстве существования трех уровней: психологического, отражающего его особенности как субъекта деятельности; личностного, связанного с развитием в нем социального, выраженного в стремлении к саморазвитию и самореализации; индивидуально-психологического, отражающего его индивидуальные и индивидуальные особенности [5]. Мы предполагаем, что на индивидуально-психологическом уровне, на уровне индивида, психологическая готовность юношей к употреблению психоактивных веществ может проявляться в наличии определенных психологических качеств и свойств как готовности к осуществлению определенных действий и операций, в данном случае готовности осуществить первые наркопробы. Мы полагаем, что интеллектуальные особенности человека могут выступать одной из составляющих когнитивной компоненты психологической готовности к употреблению ПАВ.

Цель исследования — определить особенности интеллектуальной сферы как одной из составляющих когнитивной компоненты психологической готовности юношей к употреблению ПАВ (на примере кандидатов на учебу в военные вузы).

Определение такого социального фактора риска, как наличие наркопроб, являющегося вероятностным аспектом развития личности в социально негативном направлении, востребовано также в сфере профилактики правонарушений, подбора и расстановки кадров в госструктурах и Вооруженных Силах

России. Актуальность задачи своевременного выявления лиц, употребляющих ПАВ, подчеркнута как в имеющихся, так и разрабатываемых ведомственных нормативно-правовых актах [12, 16].

Криминалистическая профилактика правонарушений, связанных с употреблением ПАВ, может быть основана, помимо прочего, на выявлении психологической готовности к наркотизации объектов криминалистического профилактического воздействия, а также сочетаться с применением специальных превентивных мер, затрудняющих реализацию правонарушений в сфере незаконного оборота ПАВ.

К криминалистическим средствам предупреждения такого рода правонарушений могут быть отнесены «все средства, разработка, усовершенствование и использование которых с целью предупреждения преступлений возможны на базе науки криминалистики независимо от источника возникновения и первоначальной цели их создания» [21].

К указанным средствам относится психофизиологическое исследование с применением полиграфа (далее — ПФИ), в том числе проводимое в условиях кадрового отбора для диагностики наличия в памяти исследуемого лица информации о скрываемых наркопробах или совершении правонарушений, связанных с незаконным оборотом ПАВ [24].

Особую актуальность и социальную важность криминалистической профилактики указанных правонарушений приобретает в подростково-юношеской среде.

Методы и процедура исследования. Исследование когнитивной сферы указанной категории лиц осуществляли с помощью методик диагностики интеллектуальных способностей: крат-

кого ориентировочного теста (далее — КОТ) [8] и теста «Домино» (D-48) [7]. Контроль за достоверностью информации, сообщаемой исследуемыми лицами о наличии/отсутствии наркопроб, проводили с помощью психофизиологического исследования с применением полиграфа.

ПФИ, проводимое в рамках решения задач подбора и расстановки кадров, а также расследования и раскрытия преступлений, является диагностическим исследованием памяти человека с применением технического средства регистрации физиологических процессов (полиграфа), предназначенного для контроля физиологических реакций, возникающих в ответ на предъявление ему специально сформулированных и сгруппированных вопросов (стимулов) [10, с. 14–18; 23, с. 46–47, 52–55; 25]. В настоящее время ПФИ вводится в практику кадрового отбора кандидатов на учебу многих военных вузов России.

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа проводили в соответствии с требованиями Методики выполнения опросов с использованием полиграфа в целях профессионального отбора кадров (Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2005 г.). При проведении исследований использовали применяемый в ФСБ России компьютерный полиграф ПИК-01А.

Исследование проводили в период с 2008 по 2010 год. Выборка составила 338 человек (юноши от 15–16 до 22–23 лет; средний возраст 17–18 лет), учащихся муниципальных образовательных учреждений средних общеобразовательных школ и колледжей Ростовской области. ПФИ данной возрастной группы осуществляли при наличии

обязательного добровольного согласия как исследуемых лиц, так и их родителей (либо ответственных за них лиц) [14].

В *контрольную группу* были отобраны лица, категорически отрицавшие факт наркопроб и успешно прошедшие ПФИ с формулировкой по результатам исследования: «скрываемой информации не выявлено» — 167 человек.

В *экспериментальную группу* были отобраны лица, имеющие опыт хотя бы одной пробы ПАВ; данная информация была получена и непосредственно от исследуемых лиц до начала тестирования на полиграфе в предтестовой беседе (71 человек), и по результатам ПФИ (100 человек, у которых была обнаружена скрываемая информация о наличии наркопроб, подтвержденная признанием данного факта исследуемыми после окончания тестирования на полиграфе); общая численность экспериментальной группы составила 171 человек.

Обсуждение результатов. Независимо от возрастных, социальных различий и базовых свойств личности исследуемых из контрольной и экспериментальной групп, характер психофизиологического реагирования представителей каждой выборки (в том числе лиц, воспитывающихся в детских домах, из неполных семей и социально благополучных полных семей) в ходе ПФИ был адекватен ситуации проведения исследования и позволял определить индивидуальный комплекс информативных признаков сокрытия ситуационно значимой информации, использовавшейся при оценке результатов предъявления тестов, направленных на решение диагностических задач ПФИ. Общий объем выборки (338 человек) позволяет утверждать, что диагностическая точность ПФИ не

Средние значения по тестам КОТ и «Домино» в экспериментальной и контрольной группах

Методики диагностики интелл. способностей	КОТ	«Домино»
a_3	4,960	5,230
a_k	4,950	5,620
Δ	0,010	0,390
(p)	0,842	0,025

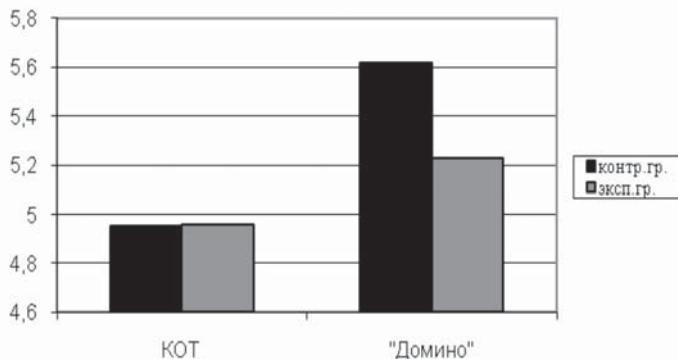
зависела от принадлежности исследуемого лица к какой-либо социальной или возрастной группе, а также — от ведущих психологических тенденций личности (психопатии ни у одного участника выборки выявлено не было).

Учитывая, что в психофизиологическом исследовании используются такие диагностирующие объекты, как семантические понятия [10], особый интерес представляли результаты исследования лиц, имеющих пониженные показатели вербального интеллекта. Установленный в ходе нашей работы уровень (ниже среднего) вербального интеллекта как в контрольной, так и в экспериментальной группе не повлиял на диагностическую точность ПФИ. При проведении ПФИ в контрольной группе (лица, не имеющие наркопроб) в 23% случаев была выявлена ситуативная значимость темы употребления наркотиков. При дальнейшем уточнении в ходе тестирования на полиграфе было установлено, что исследуемые нами лица ранее неоднократно контактировали с людьми, употребляющими наркотики, и/или присутствовали при случаях наркопотребления другими. Эпизодов личных проб ПАВ в указанных случаях выявлено не было.

Результаты тестов КОТ и «Домино» были подвергнуты статистическому анализу по непараметрическому критерию Манна — Уитни (Mann-Whitney U test) [29]. Проводилось сравнение двух независимых выборок. Обработку производили программой статистического анализа «BioStat»-2009 [27].

Результаты статистической обработки показателей тестов КОТ и «Домино» контрольной и экспериментальной групп представлены в таблице 1 (где a_3 — среднее значение показателя теста в экспериментальной группе; a_k — среднее значение показателя теста в контрольной группе; Δ — модуль разницы средних значений показателей $|a_3 - a_k|$; p — уровень значимости). Обработка проводилась по показателям каждого теста отдельно.

Статистический анализ показателей краткого ориентировочного теста (КОТ) выявил отсутствие статистически значимого различия ($p > 0,05$) в результатах двух выборок (табл.). Согласно полученным результатам принимается статистическое решение, что показатели теста «Домино» D-48 в экспериментальной группе достоверно ниже показателей того же теста в контрольной группе ($p=0,025 < 0,05$).



Средние значения по тестам КОТ и «Домино» в экспериментальной и контрольной группах

Далее приведем усредненный график по показателям тестов КОТ и «Домино» для экспериментальной и контрольной групп (рис.).

Анализ представленных в таблице и на рисунке результатов диагностического исследования интеллектуальных способностей юношей, входящих в контрольную и экспериментальную группы, позволяет говорить о том, что лица с таким уровнем развития общих умственных способностей будут испытывать некоторые трудности при осуществлении внутренней перестройки при изменении условий деятельности, при этом формирование необходимых навыков и умений будет происходить замедленно.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что значимых различий в показателях уровня общих умственных способностей у юношей, как имеющих опыт хотя бы единичной наркопробы, так и не имеющих таковой, «Краткий ориентировочный тест» не выявляет.

По результатам методики «Домино» определялся средний уровень развития основных невербальных функций интеллекта, способности отыскивать связи,

выявлять отношения и зависимости между предметами и явлениями. При этом в экспериментальной группе наблюдается ухудшение способности отыскивать связи, выявлять отношения и зависимости между предметами и явлениями. Вызывает интерес обнаруженный нами факт: у лиц, входящих в экспериментальную группу, то есть имеющих в личном опыте хотя бы одну наркопробу, по сравнению с контрольной группой выявляется статистически значимое снижение уровня невербальных функций интеллекта.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для юношей, имеющих в личном опыте хотя бы одну пробу наркотического вещества, характерным является снижение уровня невербальных функций интеллекта, определяемых по методике диагностики интеллектуальных способностей «Домино». Полученные результаты подтверждают наше предположение о том, что когнитивный компонент психологической готовности к употреблению психоактивных веществ представлен в виде наличия некоторых интеллектуальных осо-

бенностей юношей. В частности, можно с достаточной долей уверенности говорить, что результаты, полученные на достаточно представительной выборке (171 человек), говорят о том, что для юношей, имевших хотя бы одну наркопробу, характерны более низкие значения невербальных функций интеллекта. Полученные данные находятся в рамках средних значений, но показывают значимые отличия от контрольной группы. Следует отметить, что указанные особенности когнитивной сферы лиц, имеющих наркопробу, не оказали влияния на диагностическую точность ПФИ.

Полученная информация свидетельствует о том, что в экспериментальной группе недостаточно развиты умения определять закономерности, выявлять принципы, понимать взаимосвязи. Эти интеллектуальные операции составляют структуру мышления человека, определяя его способности к прогнозированию и решению мыслительных задач. Снижение способности выстраивать последовательность и прогнозировать ход развития событий, выступающих следствием определенного явления в настоящем, недостаточный уровень этих операций могут выступать основой некритического принятия ситуаций и, как следствие, осуществления возможных рискованных и девиантных форм поведения. Таким образом, отсутствие высокого или должного среднего уровня развития логического мышления у юношей может выступать одной из составляющих когнитивного компонента психологической готовности к употреблению психоактивных веществ [3]. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности практического психолога и в разработке подходов к кримпрофилактике

отклоняющегося поведения в юношеском возрасте.

Литература

1. Анализ и оценка уровня и структуры наркозависимости населения. Ежегодный доклад о наркоситуации в Ростовской области и о работе антинаркотической комиссии Ростовской области в 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=108862> (дата обращения: 23.10.2012)/
2. Анастаси А. Психологическое тестирование. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. 688 с.
3. Белоусова А.К., Евсеева О.Е., Николаев А.Ю. Интеллектуальные особенности юношей, имеющих опыт употребления психоактивных веществ // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 25–28.
4. Богданов В. «Северный путь» России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/06/26/narkotiki2-site.html> (дата обращения: 30.10.2013).
5. Гагажинский Э.В., Ключко В.Е. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
6. Дееспособность малолетних и несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: http://prokuror.kaluga.ru/prok/grazhd/deesposobnost_maloletnih_i_nesovershennoletnih/ (дата обращения: 24.04.2013).
7. Домино-тест [D-48] [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1839462> (дата обращения: 13.01.2013).
8. Методика К.О.Т. [Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1839558> (дата обращения 13.01.2013)
9. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. СПб.: Речь, 2008. 392 с.
10. Николаев А.Ю. Психофизиологическое исследование памяти как метод криминалистической диагностики // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 14–17.
11. О наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков в 2013 году: информационно-аналитическая справка ФСКН России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml> (дата обращения: 04.04.2014).
12. Об утверждении Инструкции об организации и проведении в органах Федеральной службы безопасности обязательного обследования на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ : [приказ ФСБ России от 16 июля

2012 г. № 356: зарег. в Минюсте России 3 августа 2012 г., регистр. № 25115 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/08/17/instrukciya-dok.html> (дата обращения: 23.01.2013).

13. *Погосов А.* Еще раз о зависимости от производных конопли, от гашиша и марихуаны: эпидемиология, клиника, последствия употребления, лечение. [Электронный ресурс]: <http://www.narcotm.ru/publ/info/259> (дата обращения: 20.04.2013)

14. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. Самара: Самарский университет, 2002. 206 с.

15. *Перке В.И.* Психолого-педагогические условия предупреждения подростковой наркомании: теория и практика. Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «ИГПУ», 2008. — 318 с.

16. *Рункевич Д.* В воинских частях создают группы по противодействию наркомании. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/559798#ixzz2jb9QSYg1> (дата обращения: 3.11.2013)

17. *Рыбакова Л.Н.* Новые тенденции в развитии нарко ситуации // Межведомственный подход в профилактике зависимостей в молодежной среде: материалы первого межрегионального форума (Ростов-на-Дону, 11–12 нояб. 2013 г., Южный федеральный университет). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2013. С. 13–22.

18. Словарь-справочник по психодиагностике / под ред. Л.Ф. Бурлачук. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 688 с.

19. Социально значимые заболевания населения России в 2009г.: статистические материалы // Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Росздрава». М., 2010. 66 с.

20. Статистика наркомании в России. Всероссийский информационный портал о наркомании и алкоголизме [Электронный ресурс]. URL: <http://rehabcentr.ru/statistika> 3 (дата обращения: 30.10.2013).

21. *Фридман И.Я.* Судебные экспертизы и вопросы предупреждения преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Фридман Исаак Яковлевич. М., 1974. 15 с.

22. ФСКН: число наркоманов и смертей от употребления наркотиков в Москве постоянно растет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.povopol.ru/-fskn-chislo-narkomanov-i-smertey-ot-upotrebleniya-nar-text-140162.html> (дата обращения: 30.10.2013).

23. *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. № 1(13)– 2(14).

24. *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа как системная мера криминалистической профилактики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. материалов к 200-летию МВД России. Ростов н/Д, 2002. С. 284.

25. *Холодный Ю.И., Акентьев П.В.* Применение полиграфа в России: современный уровень и перспективы развития // Российский следователь. 2003. № 10. С. 2–4.

26. *Юдин Д.Г.* Расстройства памяти при наркологических заболеваниях (обзор литературы) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsm.aс.ru/publ/vest/042/site/index47.html> (дата обращения: 03.11.2013)

27. AnalystSoft Inc., BioStat. Версия 2009 [Электронный ресурс]. URL: www.analystsoft.com/ru/

28. *Izen J.* A meta-analytic assessment of Wechsler's P>V sign in antisocial populations // Clin. Psychol. Rev. 2010. Vol. 30, № 4. P. 423–435.

29. *Mann H.B., Whitney D.R.* On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // Annals of Mathematical Statistics. 1947. № 18.

30. *Stevens M.C., Kaplan R.F., Bauer L.O.* Relationship of cognitive ability to the developmental course of antisocial behavior in substance dependent patients // Prog. Neuro-Psychopharmacol. Biol. Psychiatry. 2001. Vol. 25. P. 1523–1536.

31. *Stevens M.C., Kaplan R.F., Hesselbrock V.M.* Executive-cognitive functioning in the development of antisocial personality disorder // Addict. Behav. 2003. Vol. 28, № 2. P. 285–300.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ПСИХОПАТОПОДОБНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. О. Бурцев

Аннотация: в статье описываются наиболее релевантные направления психокоррекции и психотерапии осужденных с психопатоподобным поведением в зависимости от их структурно-психодинамического типа и функционально-психодинамических проявлений.

Ключевые слова: психопатоподобное поведение, расстройство личности, цветопредпочтение, отвержение/предпочтение, перераздражение, фрустрация, психодинамика, психопатизация.

Summary: the article describes the most relevant areas and psychotherapy psychocorrection convicted with psychopathic behavior, depending on their structural and psychodynamic type and functional manifestations of psychodynamic.

Keywords: psychopathic behavior, personality disorder, tsvetopredpochtenie, rejection/preference, hyperirrigation, frustration, psychodynamics, psihopatizatsii.

В настоящее время количество осужденных к лишению свободы с психическими расстройствами личности весьма велико [13, 14, 25, 26]. По данным официальной статистической отчетности «Сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) Министерства юстиции Российской Федерации» в учреждениях УИС на 1 января 2014 г. содер-

жалось 61 148 человек с психическими расстройствами (F01-09; F20-99; G-40-41), в их числе: в СИЗО 6697 человек, в исправительных колониях — 46 528, в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) — 2042, в лечебно-исправительных учреждениях (ЛИУ) для туберкулезных больных — 3365, в ЛИУ для наркоманов — 1629, в ВК — 675, в тюрьмах 212 человек. По состоянию на 1 апреля 2014 г. в учреждениях УИС содержалось 674,9 тыс. человек (- 2,3 тыс. человек к началу года), то есть для каждого десятого осужденного характерно то или иное расстройство личности. В связи с этим значительно возросла нагрузка на работников уголовно-исполнительной системы, участились связанные со служебной деятельностью случаи угроз в их адрес и нападений на них [1, 2, 3, 4].

Все это и определяет актуальность нашего исследования. Эмпирические исследования осуществлялись в двух регионах России с целью проведения системных социологических и психодиагностических обследований репрезентативной выборки осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в трех исправительных колониях Рязанской и Московской областей. Комплексное обследование осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по различным, а также отдельно по тяжким статьям (для создания сравнительных групп) проводилось в исправи-

тельных колониях Рязанской области. Надежность и вероятность различий определялись на 0,001 уровне.

Сформирована основная группа обследованных (выборка в количестве 100 человек) осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, состоящих на учете в медицинской части с диагнозом в амбулаторных картах F60.0-F61 по МКБ-10. Ее составляют осужденные по статьям 105, 111, 112, 116, 117, 125, 209, 210, 211, 213 УК РФ, а также по статьям 158, 159, 161, 162, 163, 228 УК РФ [5, 6, 7, 8]. Группа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, состоящих на профилактическом учете (выборка 100 человек) по схожим статьям УК РФ. В личных делах этой категории осужденных указано, что они неоднократно привлекались к административной ответственности режимного учреждения, проявляя черты психопатоподобного поведения, агрессию и аутоагрессию по отношению к себе, другим осужденным, неповиновение администрации и сотрудникам режимного учреждения [9, 10, 11, 12].

Дополнительную группу осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, составили: осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, не состоящие на каком-либо учете (выборка также составила 100 человек) по статьям: 105, 111, 112, 116, 117, 125, 209, 210, 211, 213, 158, 159, 161, 162, 163, 228 УК РФ.

В статье мы предполагаем описать наиболее релевантные направления психокоррекции и психотерапии психопатизации личности осужденных в зависимости от ее структурно-психодинамического типа и функцио-

нально-психодинамических проявлений [15, 16, 17, 18, 19, 20].

Аналізу подвергались цветовые предпочтения испытуемых, полученные при проведении диагностики с помощью 8-цветового теста М. Люшера. Интерпретация полученных различий проводилась согласно концепции цветопсиходинамики Д.В. Сочивко.

Анализ цветопредпочтений заключался в обнаружении системных отличий в предпочтении либо отвержении люшеровских цветов испытуемыми из изучаемых нами групп.

Наиболее яркие системные различия цветопредпочтения в обследуемых группах были обнаружены по зеленому, желтому основным цветам, а также серому и черному дополнительным цветам.

Кроме того, имеется тенденция отвержения синего и принятия фиолетового цветов осужденными, состоящими на профилактическом учете, а также отвержения красного и фиолетового цветов осужденными, не состоящими на учете.

Дадим развернутые психодинамические портреты осужденных каждой из обследованных групп.

1. Группу осужденных, состоящих на профилактическом учете, характеризует системное отвержение зеленого, желтого цветов и тенденция к отвержению синего цвета, на фоне системного принятия серого, черного цветов и наличия тенденции к принятию фиолетового цвета.

Системное отвержение цвета означает, что в выборе он уходит в конец цветового ряда. Согласно М. Люшеру цвет в конце ряда, обозначенный знаком «минус», демонстрирует действие роли-защиты.

Для осужденных, состоящих на профилактическом учете, характерно наличие роли-защиты зеленого, желтого и синего типа.

Следовательно, для осужденных с наличием роли-защиты зеленого цвета эффективно применение когнитивно-поведенческой терапии на основе использования теоретического положения «Аффективной патологии». В основе этого положения лежит сильное преувеличение нормальной эмоции, возникающей вследствие неправильной интерпретации многих факторов, где центральным фактором являются «частные владения (личностное пространство)» (personal domain), в центре которого лежит Эго: эмоциональные нарушения зависят от того, как воспринимает осужденный события: как обогащающие, истощающие, угрожающие или как посягающие на его владения. Примерами могут служить такие эмоциональные проявления, как:

- печаль возникает в результате утраты чего-либо ценного, то есть лишения частного владения;
- эйфория — ощущение или ожидание приобретения;
- тревога — угроза физиологическому или психологическому благополучию;
- гнев является следствием ощущения прямого нападения (намеренного или непреднамеренного) либо нарушения законов, моральных норм или стандартов данного индивида.

Следовательно, применяется техника (метод): «Дневник мыслей», «Методика переоценки», «Смена ролей».

Роль-защита желтого типа поведения демонстрирует страх перед простором и утратой. Человек боится потерять то, что придает ему уверенность и осо-

бенно «самоуверенность», самоутверждение.

Для осужденных, состоящих на профилактическом учете, отвергающим желтый, основным теоретическим положением построения психотерапевтической помощи является «Способ структурирования индивидом ситуации его поведения и чувства».

Таким образом, в центре стоит интерпретация субъектом внешних событий, которая реализуется по следующей схеме: внешние события (стимулы) → когнитивная система → интерпретация (мысли) → аффект (или поведение).

Следовательно, для осужденных применимы такие методы когнитивно-поведенческой психотерапии, как «Эмпирическая проверка», «Декатастрофизация», «Целенаправленное повторение», «План действий на будущее».

Роль-защита синего типа поведения компенсирует страх перед пустотой (перед отсутствием переживаний) и перед лишениями. В случае с осужденными, состоящими на профилактическом учете, их страх перед собственной потерянностью вследствие утраты контакта с окружающими (роль-защита желтого типа) совмещается со страхом перед возникающей пустотой и лишениями (синяя роль-защита). Когда оба этих страха сливаются, они формируют страх перед покинутостью. Этот страх запускает механизм сопротивления, основанный на уязвленной гордости. Это тягостное состояние через перераздражение периодически приводит к стихийно возникающей эмоциональной возбужденности, которая и обуславливает спонтанные нарушения режима, противодействие окружающим и, как следствие, постановку на профилактический

учет. Страх перед потерянностью, утратой отношений и связей и перед изолированностью часто лежит в основе аддиктивного поведения осужденных, их алкоголизма и наркомании [21, 22, 23, 24].

Для осужденных, состоящих на профилактическом учете и имеющих в своем поведении роль-защиту синего типа, применимы теоретические положения когнитивно-поведенческой терапии, которые основываются на «психопатологических синдромах», следовательно, должны применяться такие методы (техники), как: «Замена эмоций», «Децентрация», «Отдаление», «Переоценка ценностей» для разрушения «Автоматических мыслей».

Безнадежность будущего, основанную на страхе отвержения, пустоты и неуверенности в себе, подтверждают и цветопредпочтения (роли-идолы) осужденных данной группы.

Системное принятие черного, серого и тенденция к принятию фиолетового цветов интерпретируются как «сепаратистская изоляция» или «отрицание взаимодействия» (комбинация черный/серый на первых местах цветового ряда).

У таких осужденных настойчивое стремление к цеплянию за кого-либо, инфантильная потребность в укрытости препятствуют любому исполненному смыслу партнерству, поскольку истинно взрослые (зрелые) отношения предполагают внутреннюю самостоятельность, то есть уверенность в себе.

Следовательно, методы психотерапевтической и психокоррекционной помощи должны быть направлены на устранение «Когнитивных ошибок», которые характерны для всех осужденных профилактического учета с психо-

патоподобным поведением, где основными видами психопатологических синдромов являются: произвольные умозаключения, сверхобобщение, избирательное абстрагирование, преувеличение и преуменьшение, персонализация, дихотомичное мышление, долженствование, предсказывание, чтение мыслей, наклеивание ярлыков.

2. *Осужденных, не состоящих на учете*, характеризует системное отвержение серого, черного и тенденция к отвержению красного и фиолетового цветов, а также системное принятие зеленого и желтого цветов.

В отличие от осужденных, состоящих на профилактическом учете, осужденные данной группы относительно благополучны в сфере межличностного взаимодействия, «взрослого» реагирования на действительность и наличия обоснованных надежд на будущее.

Имеющаяся в их цветопредпочтениях тенденция к появлению роли-защиты красного типа реагирования диагностирует наличие страха перед избытком раздражения и перевозбуждением.

Однако потенциальная опасность такого типа реагирования заключается в следующем: когда удовлетворение существенных для испытуемого потребностей долгое время находится под угрозой, возникает перераздражение (минус красный). Оно становится основой досады или гнева. Затем из перераздражения возникает решительное упрямство, если от обесценения чувства собственного достоинства защищаются агрессивным притязанием на значимость (роль-идол зеленого типа).

Довольно часто данный внутренний конфликт испытуемые пытаются игнорировать, и тогда перераздражение не раз-

ряжается эмоциональной вспышкой или взрывом, а вызывает появление психически обусловленной усталости и может довести человека до депрессивного изнурения. В свою очередь, перераздражение ведет к депрессии.

Отрицание красного в сочетании с серым усиливает данную депрессивную тенденцию и интерпретируется как наличие стойких опасений, что в данном окружении возможность достичь желаемого находится под угрозой. Его источник собственное бессилие в достижении намеченной цели (минус красный и фиолетовый).

Наиболее значимы различия данной группы по системному отвержению серого цвета. Сочетания серого с черным, фиолетовым, красным в конце ряда цветового выбора говорят нам о том, что испытуемый опасается роста отчуждения от других людей и стремится его компенсировать (-0-7), но поскольку среда требует самоконтроля, осужденный пытается держать свои эмоциональные отношения под строгим контролем и пристально наблюдает за отношением к себе. В такой критически-выжидательной позиции выражение чувств заторможено, но чувствительность повышена (-0-5). Такое перенапряжение, возникающее от эмоционального самоконтроля при неудовлетворенности ведущих потребностей, приводит к тому, что осужденный чувствует себя загнанным, возможно нервное истощение (-0-3).

Системное отвержение испытуемыми этой группы черного цвета иллюстрирует присутствие перманентного стресса, вызванного интенсивностью чувств, усилий по самоконтролю.

Осужденный стремится действовать, отвергая помехи и ограничения, кроме

тех, которые налагает на себя сам. Он боится доверять другим, так как появляется риск того, что они будут использовать его доверчивость в своих интересах, поэтому требует доказательств искренности в общении. Желает чувствовать меньше ограничений и обрести свободу решать и действовать.

Тенденция к отвержению фиолетового цвета конкретизирует природу перманентного стресса испытуемого. Стресс является результатом хронического подавления эмоциональности, в том числе в межличностных отношениях с референтными людьми, с которыми он хотел бы откровенности, взаимного доверия и честности, но блокирует эти желания, опасаясь негативных последствий и злого умысла окружающих его людей.

Для осужденных, не состоящих на учете, характеризующихся системным отвержением серого, черного и тенденцией к отвержению красного и фиолетового цветов, теоретической основой применения когнитивно-поведенческой психотерапии служит теория психопатизации личности осужденных, где во главе угла стоит «когнитивная триада депрессии», которая содержит: негативные представления о себе; негативную оценку окружающего мира и внешних событий; негативную оценку будущего.

Кроме того, у данных лиц наблюдаются: повышенная зависимость, паралич воли, суицидальные мысли, соматический симптомокомплекс. На базе депрессивных схем формируются соответствующие автоматические мысли и возникают когнитивные ошибки практически всех видов. *Темы:* фиксированность на реальной или мнимой утрате; негативное отношение к себе и окружа-

ющим, пессимистическая оценка будущего; тирания долженствования.

Таким образом, к данной категории осужденных применимы следующие психотерапевтические методы: «Записывание мыслей», «Методика прекращения», «Методика повторения» и т. п.

3. *Осужденных, состоящих на учете в медицинской части по факту имеющихся у них личностных расстройств*, характеризуют усредненные показатели цвето-предпочтений по сравнению с испытуемыми из двух других групп, а также наличие тенденции к отвержению желтого и черного и принятию синего, красного и серого цветов.

Усреднение показателей по шкале цветопредпочтения у осужденных данной группы подтверждает идею о «связанности» их личностной структуры, которая обедняет репертуар поведенческих проявлений.

С точки зрения функциональной психодинамики поведение осужденных данной группы характеризует наличие психознергетической напряженности, создаваемой страхом перед кажущейся им непредсказуемой и обманчивой реальностью и поведением других людей, чувством собственной затерянности и незначительности по отношению к окружающим людям, фрустрированной «потребностью в безопасности», которые компенсируются стремлением к раздражению, переживанию, одержимостью какой-либо идеей, с одной стороны, и стремлением к удовлетворению, покою и расслаблению, с другой стороны. Психодинамика, в которой «красный» аффект соседствует с «синим» покоем, определяет беспокойное, противоречивое, но лишенное экстремальных, ярких проявлений поведение.

Следовательно, для осужденных, состоящих на учете в медицинской части, могут быть применимы теоретические положения когнитивно-поведенческой терапии, которые основываются на «индивидуальных различиях», «нормальной деятельности когнитивной организации» и на «взаимодействии с другими людьми». В свою очередь, индивидуальные различия зависят от прошлого травматического опыта (например, ситуация длительного пребывания в замкнутом пространстве) и биологической предрасположенности (конституциональный фактор). Е.Т. Соколова предложила концепцию дифференциальной диагностики и психотерапии двух видов депрессии, основанную на интеграции когнитивной терапии и психоаналитической теории объектных отношений:

- *Перфекционистская меланхолия*. Стратегия психотерапевтической работы: «контейнирование» (бережное отношение к обостренному самолюбию, уязвленной гордости и чувству стыда).

- *Анаклитическая депрессия*. Связана с эмоциональной депривацией. Следствие: неустойчивые паттерны межличностных отношений, где эмоциональное избегание, изоляция и «эмоциональная тупость» сменяются сверхзависимостью и эмоциональным прилипанием к другому. Стратегия психотерапевтической работы: «холдинг» (эмоциональное «допытывание»).

Нормальная деятельность когнитивной организации тормозится под влиянием стресса. Возникают экстремистские суждения, проблемное мышление, нарушается концентрация внимания и прочее.

Напряженное взаимодействие с другими людьми порождает замкнутый круг

неадаптивных когний.

Таким образом, для данной группы осужденных основным методом когнитивной терапии служит техника «Использование воображения».

Литература

1. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
2. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67–74.
3. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.
4. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.
5. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.
6. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.
7. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.
8. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.
9. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 121–124.
10. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.
11. Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.
12. Дубровская О.Ф. Руководство по использованию восьмизвестного теста Люшера. М.: Когито-Центр, 2003. 62 с.
13. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж: Модек, 1995. 176 с.
14. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
15. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20–21.
16. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.
17. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. — М.: МПСИ, 2009.
18. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
19. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.
20. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.
21. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.
22. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 45–55.
23. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.
24. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.
25. Перлз Ф. Гештальтподход и свидетель терапии. М.: Академический проект, 2013. 207 с.
26. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

ОТНОШЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ К СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

К. В. Кряклин

Аннотация: в статье представлены результаты исследования отношения сотрудников ФСИН России к особенностям служебной деятельности на различных этапах профессиональной адаптации.

Ключевые слова: служебная деятельность, профессиональная адаптация.

Summary: the article describes the study results of Federal Penitentiary Service of Russia employees' attitude to peculiarities of employment activity at various points of occupational adaptation.

Keywords: employment activity, occupational adaptation.

Уголовно-исполнительная система в настоящее время находится в процессе реформирования, и на фоне изменяющихся условий работы важным видится отношение сотрудников к особенностям служебной деятельности и к возникающим при этом субъективным трудностям и способам их преодоления. Актуальность этой проблемы юридической психологии неоднократно подчеркивалась многими ее представителями [10, 11, 13, 14, 25]. В психологии данная проблема рассматривается в области профессионального становления и психологической готовности к профессиональной деятельности [21, 22, 23, 24].

Кроме того, актуальным является исследование отношения с позиций формирования системы адаптивных механизмов к профессиональной деятельно-

сти, то есть соответствующей ей устойчивой внутренней (интрапсихической) психодинамики личности сотрудника ФСИН России (далее — сотрудники) [12].

По мнению И.А. Латковой, процесс профессиональной адаптации включает в себя три качественно различных этапа. Первый этап — первое полугодие службы. В это время происходит ознакомление нового сотрудника с учреждением, корпоративными правилами, историей, структурой, трудовым распорядком, традициями, политикой в области управления персоналом. Второй этап — это год службы. Этап состоит в собственно приспособлении сотрудника к своему статусу и в значительной степени обуславливается его включением в межличностные отношения с коллегами. И, наконец, третий этап — два года службы. Он завершает процесс адаптации, характеризуется постепенным преодолением производственных и межличностных проблем и переходом к стабильной работе.

Учитывая актуальность проблемы, мы разработали анкету и провели опрос личного состава исправительных колоний с целью выяснения их отношения к особенностям служебной деятельности и к возникающим при этом субъективным трудностям и способам их преодоления.

В нашем исследовании сотрудников на различных этапах профессиональной адаптации будем обозначать следующим образом:

Таблица 1

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Назовите мотивы, по которым Вас устраивает работа во ФСИН России?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
Социальные гарантии	81,5	82,8	58,3
Стабильность	77,8	86,2	71,7
Уверенность в завтрашнем дне	33,3	48,3	41,7
Работа, связанная с риском	18,5	10,3	0,0
Специфичность деятельности	25,9	10,3	8,3
Отсутствие другой подходящей работы	7,4	10,3	23,3
Считаю, что могу проявить себя именно здесь	29,6	20,7	11,7

Примечание: результаты более 100%, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

- группа № 1 — сотрудники, находящиеся на первом этапе профессиональной адаптации (до 6 месяцев, 54 респондента);

- группа № 2 — сотрудники, находящиеся на втором этапе профессиональной адаптации (от 6 до 12 месяцев, 58 респондентов);

- группа № 3 — сотрудники, находящиеся на третьем этапе профессиональной адаптации (от 12 до 24 месяцев, 60 респондентов);

Проанализируем полученные результаты анкетирования сотрудников на различных этапах профессиональной адаптации и представим общую характеристику выборки, принимавшую участие в исследовании субъективного мнения. В анкетировании приняли участие 172 респондента из Кировского, Удмуртского и Вологодского управлений ФСИН России.

Половина опрошенных сотрудников в возрасте от 18 до 23 лет (48,3%), около половины — в возрасте от 24 до 35

лет (45,9%), небольшой процент составляют сотрудники в возрасте от 36 до 60 (5,8%). При этом каждый четвертый опрошенный сотрудник с высшим образованием (25,6%), треть сотрудников имеют среднее общее образование (33,7%) и около половины — среднее специальное образование (40,7%). Большинство опрошенных сотрудников не состоят в браке (62,8%), каждый третий имеет зарегистрированные семейные отношения (37,2%).

Изучение отношения сотрудников к особенностям службы на различных этапах профессиональной адаптации показало, что большинство опрошенных считают стабильность основной причиной, по которой они продолжают службу во ФСИН России (табл. 1).

Социальные гарантии также выступают в роли ведущего мотива продолжать службу, однако только у респондентов первой и второй групп. При этом социальные гарантии значимым мотивом в третьей группе считают чуть боль-

Таблица 2

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Что из перечисленного больше всего подходит Вашему обычному состоянию на службе?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
Утомляемость	3,7	3,4	3,3
Возбуждение	3,7	0,0	0,0
Колебания настроения	7,4	13,8	6,7
Активность	74,1	79,3	51,7
Размеренность	11,1	24,1	58,3
Суетливость	0,0	0,0	3,3
Устойчивость	55,6	69,0	55,0
Агрессивность	3,7	0,0	0,0
Сдержанность	77,8	75,9	50,0
Капризность	0,0	0,0	6,7
Растерянность	0,0	3,4	3,3
Равнодушие к себе	3,7	3,4	0,0
Чувство вины	0,0	3,4	0,0

Примечание: результаты более 100%, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

ше половины опрошенных сотрудников (58,3%). Треть сотрудников из первой группы опрошенных испытывают уверенность в завтрашнем дне (33,3%), невысокий показатель, вероятно, связан с неопределенностью дальнейшей службы в течение прохождения испытательного срока. Только около половины опрошенных сотрудников как на втором, так и третьем этапе профессиональной адаптации уверены в завтрашнем дне. Это может быть оправдано с точки зрения реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, согласно которой проводится политика сокращения штатной численности работников УИС за счет использования в работе инновационных технологий [1]. Фактически это созда-

ет предпосылки для вероятности увольнения со службы [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

На вопрос: «Что из перечисленного больше всего подходит Вашему обычному состоянию на службе?» — ответы сотрудников распределились следующим образом (табл. 2).

По таблице 2 видно, что большинству опрошенных сотрудников в первой и второй группах свойственны активность и сдержанность. При этом каждый второй в третьей группе опрошенных сотрудников считает свойственным для себя проявление сдержанности и активности в служебной деятельности. Большинство из второй группы опрошенных сотрудников отмечают, что им свойственна устойчивость как обычное состояние на службе (69%). В первой и третьей группах

Таблица 3

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Как Вы считаете, какой вид работы преобладает в служебной деятельности?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
а) связанной с активной деятельностью	81,5	82,8	56,7
б) связанной с размеренной, неторопливой деятельностью	18,5	17,2	43,3
а) связанной с высокой личной ответственностью	81,5	89,7	68,3
б) с деятельностью не обремененной какой-либо ответственностью	18,5	10,3	31,7
а) связанной с риском	63,0	48,3	58,3
б) не связанной с риском	37,0	51,7	41,7
а) связанной с руководством людьми	51,9	72,4	58,3
б) не связанной с руководством людьми	48,1	27,6	41,7

Примечание: Из каждой пары утверждений респондент мог выбрать только один вариант ответа.

каждый второй опрошенный сотрудник проявляет устойчивость в служебной деятельности.

Каждому десятому из первой группы опрошенных сотрудников свойственна размеренность в службе (11,1 %). Во второй группе опрошенных четверть сотрудников отмечают размеренность как обычное состояние на службе (24,1 %). Больше половины третьей группы указывают на размеренность в служебной деятельности (58,3 %).

Психические состояния как компонент психического облика сотрудника имеют существенное значение для их деятельности. Одни могут способствовать эффективному выполнению профессиональных обязанностей сотрудником, в том числе быть условием успешной адаптации к службе (например, активность, уверенность, сдер-

жанность, самоконтроль и др.). Другие состояния часто затрудняют их деятельность, делая ее малоэффективной, и приводят к дезадаптации личности сотрудника (неуверенность, напряженность, агрессивность и др.). В связи с этим вызывают озабоченность выявленные в исследовании (табл. 2) наличия таких негативных состояний, как «возбуждение» (3,7 %), «агрессивность» (3,7 %), «равнодушие к себе» (3,7 %) в первой группе, «колебания настроения» (13,8 %), «равнодушие к себе» (3,4 %) во второй группе и «колебания настроения» (6,7 %), «растерянность» (3,3 %) в третьей группе опрошенных сотрудников. Это ориентирует на углубленное психологическое изучение их личности, а также проведение с ними специальной психокоррекционной работы [17].

Данные анкетирования сотрудников на различных этапах профессиональной адаптации свидетельствуют о четком понимании ими характера выполняемой работы (табл. 3).

По данным таблицы 3 видно, что большинство опрошенных сотрудников из первой и второй групп считают службу в УИС связанной с активной деятельностью и высокой личной ответственностью. Однако примечателен тот факт, что на втором году службы (группа 3) считают службу размеренной, неторопливой и не обремененной какой-либо ответственностью треть опрошенных сотрудников. Вероятно, это можно расценивать как проявляющиеся признаки профессионального выгорания, когда происходит истощение личностных и эмоционально-энергетических ресурсов организма сотрудника в результате внутреннего накапливания отрицательных эмоций без разрядки или освобождения от них. Так, каждый второй опрошенный сотрудник связывает службу в учреж-

дении с риском, причем такая тенденция просматривается на всех трех этапах адаптации к службе. В то же время половина респондентов на втором этапе профессиональной адаптации (группа 2) не видят риска в повседневной служебной деятельности (51,7%).

Большинство сотрудников на втором этапе профессиональной адаптации считают руководство людьми неотъемлемой частью службы в учреждениях ФСИН России (72,4%). В первой и третьей группах опрошенных сотрудников половина связывает служебную деятельность с руководством людьми. Это очевидно с точки зрения как воспитательного воздействия на спецконтингент, так и организации взаимодействия с коллегами по работе.

Интересные данные получены при изучении мнения сотрудников о способах справиться с усталостью и напряжением (табл. 4). Так, большинство респондентов отмечают, что беседа с друзьями может

Таблица 4
Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Что из перечисленного Вы предпочтете, чтобы справиться с усталостью и напряжением?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
а) беседу с друзьями	81,5	86,2	95,0
б) побыть в одиночестве	18,5	13,8	5,0
а) прогулку на воздухе	96,3	79,3	90,0
б) просмотр телепередач	3,7	20,7	10,0
а) прием алкоголя	0,0	0,0	0,0
б) спортивные упражнения	100,0	100,0	100,0
а) активный отдых (настольные игры и т. д.)	81,5	75,9	100,0
б) пассивный отдых (сон)	18,5	24,1	0,0

Примечание: Из каждой пары утверждений респондент мог выбрать только один вариант ответа.

способствовать снятию усталости. Такая тенденция наблюдается на всех этапах профессиональной адаптации. Этот способ (формирование благоприятного социально-психологического климата в коллективе) наиболее эффективен в сплоченном коллективе, при благоприятном социально-психологическом климате, что можно рассматривать как одно из направлений психологической работы с сотрудниками с целью достижения успешности завершения адаптационного периода.

Из приведенных данных видно, что стремление сотрудников к одиночеству снижается в процессе профессиональной адаптации. Это может свидетельствовать об успешности как социально-психологической, так и профессиональной адаптации сотрудника. Высокий процент ответивших предпочитают прогулку на воздухе, а не просмотр телепередач,

для того чтобы справиться с усталостью и возникшим напряжением. Большинство сотрудников используют физические упражнения и активный отдых для снятия усталости и напряжения. Такие высокие результаты получены на всех этапах профессиональной адаптации.

Данные анкетирования сотрудников свидетельствуют о преимущественном использовании конструктивных способов разрешения конфликтных ситуаций на службе (табл. 5).

Так, большинство опрошенных сотрудников (и эта тенденция видна на всех этапах профессиональной адаптации) используют стратегию ухода в конфликтной ситуации, то есть обе стороны конфликта мало заинтересованы в его разрешении (это бывает, если они имеют близкий ранг, или конфликт недостаточно созрел), но пытаются сохранить между собой видимость хороших

Таблица 5

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Какими из ниже перечисленных способов Вы предпочитаете разрешать межличностные конфликты на службе?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
а) открытое противостояние	33,3	20,7	38,3
б) уход от конфликта любым доступным способом	66,7	79,3	61,7
а) с помощью крика	3,7	6,9	0,0
б) с помощью убеждения	96,3	93,1	100,0
а) стараетесь успокоить оппонента	92,6	79,3	95,0
б) оказываете давление на оппонента	7,4	20,7	5,0
а) уступаете в чем-либо в обмен на уступки другого	77,8	79,3	76,7
б) полным удовлетворением интересов обеих сторон	22,2	20,7	23,3

Примечание: Из каждой пары утверждений респондент мог выбрать только один вариант ответа.

Таблица 6

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Как Вы обычно ведете себя в экстремальных ситуациях в условиях служебной деятельности?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
Состояние страха и неуверенности парализует мои действия	0,0	0,0	0,0
Состояние неуверенности быстро проходит	44,4	37,9	63,3
Не испытываю затруднений в принятии ответных действий	48,1	58,6	28,3
Возлагаю принятие решения на кого-либо другого	7,4	3,4	8,3

отношений. Однако в ходе проведенных дополнительных бесед с опрошенными сотрудниками выяснилось, что более предпочтительна для них равная заинтересованность в преодолении конфликта, в результате чего они могут прийти к соглашению, в рамках которого выделяются общие из предлагаемых решений с разделением примерно поровну выгод и потерь. Это подтверждается и результатами, полученными в ходе исследования: Большая часть опрошенных сотрудников готовы идти на уступки в чем-либо, но в обмен на уступки другого. Тем не менее каждый пятый респондент считает, что межличностные конфликты должны приводить к полному удовлетворению интересов обеих сторон.

Из таблицы 5 видно, что большинство опрошенных сотрудников стараются успокоить оппонента и решить возникшую проблему с помощью убеждения. Тревогу вызывает тот факт, что каждый пятый опрошенный сотрудник на втором этапе профессиональной адаптации (группа 2) оказывает давление на оппонента в свою пользу, в результате

чего другая сторона оказывается в проигрыше (20,7%).

При изучении особенностей поведения в экстремальных ситуациях были получены следующие результаты (табл. 6).

Как видно из таблицы 6, большинство сотрудников на третьем этапе профессиональной адаптации (группа 3) испытывают неуверенность при возникновении ситуаций экстремального характера, но такое состояние быстро проходит (63,3%). Каждый третий на втором этапе адаптации (группа 2) также испытывает неуверенность (37,9%). Около половины на начальном этапе профессиональной адаптации (группа 1) испытывают состояние неуверенности, которое быстро проходит (44,4%). Каждый второй опрошенный сотрудник на первом и втором этапах адаптации не испытывает затруднений в принятии ответных действий и способен на действия, адекватные сложившейся ситуации. Вызывает озабоченность то, что небольшая доля сотрудников готовы переложить с себя ответственность за принятие решений на другого, и такая тенденция видна в

Таблица 7
Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Как Вы относитесь к личным неудачам в служебной деятельности?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
Легко впадаю в отчаяние	7,4	0,0	0,0
Озлобляюсь	7,4	0,0	0,0
Часто вступаю в конфликт	0,0	3,4	8,3
Переживаю, стараюсь не обращать внимания	44,4	44,8	33,3
Стремлюсь преодолеть трудности	85,2	93,1	73,3

Примечание: результаты более 100%, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

течение всего процесса профессиональной адаптации.

Учитывая тот факт, что служба в правоохранительных органах, и во ФСИН России в частности, сопровождается повышенными психоэмоциональными нагрузками, опасностью, сопряженной с риском для жизни и здоровья [12], результаты, полученные в ходе исследования показывают высокую долю сотрудников, способных принимать ответные действия и сохранять уверенность в экстремальной ситуации, что является существенным показателем готовности личного состава к действиям в сложных условиях служебной деятельности.

Рассмотрим, как относятся сотрудники к личным неудачам в служебной деятельности, результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7 показывает, что около половины сотрудников переживают по поводу личных неудач, а то, что они при этом стараются не обращать внимания на возникшую проблему, вызывает озлобленность и ориентирует на дальнейшую коррекционную работу с данной категорией, так как уход от проблемы в ре-

зультате дает постепенное накопление напряжения и усталости, что в конечном итоге может привести к дезадаптации личности сотрудника. Тем не менее большинство опрошенных сотрудников в случае неудачи стремятся к преодолению возникших трудностей. Такое отношение к неудачам свойственно сотрудникам на всех этапах профессиональной адаптации.

Данные опроса сотрудников о том, что могло бы сдерживать их от стрессовых и конфликтных ситуаций на службе, представлены в таблице 8.

Данные, приведенные в таблице 8, свидетельствуют о высокой роли друзей, знакомых и близких родственников в разрешении стрессовых ситуаций на службе. Примечателен тот факт, что ни один из опрошенных сотрудников не готов обратиться за помощью к психологу. В связи с этим видится актуальным проведение просветительской работы психологами учреждений среди личного состава. Около половины сотрудников считают, что работа и коллектив единомышленников могут сдерживать их от конфликтных ситуаций на службе.

Таблица 8

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, могло бы сдерживать Вас от стрессовых и конфликтных ситуаций на службе?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
Работа	25,9	48,3	38,3
Коллектив единомышленников	40,7	27,6	36,7
Друзья	81,5	69,0	63,3
Знакомые	25,9	20,7	18,3
Любовь	44,4	62,1	35,0
Помощь психолога	0,0	0,0	0,0
Помощь начальников	3,7	13,8	0,0
Обеспеченный тыл дома	25,9	41,4	26,7
Материальная поддержка	22,2	17,2	8,3
Родители и близкие со стороны	66,7	51,7	60,0

Примечание: результаты более 100%, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

Большинство опрошенных сотрудников считают, что любовь может удержать их от стрессовых и конфликтных ситуаций на работе. Дополнительные индивидуальные беседы с сотрудниками показали, что романтические отношения способствуют поддержанию конструктивного взаимодействия с коллегами по работе, нивелируются деструктивные последствия конфликтов в коллективе. Однако здесь важно учитывать и другую сторону данного факта — снижение уровня концентрации внимания на работе, чрезмерную идеализацию, «витание в облаках» и др.

Каждый десятый опрошенный сотрудник на втором этапе профессиональной адаптации (группа 2) ожидает поддержки от руководства учреждения, своих прямых начальников (13,8%). Около половины считают обеспеченный тыл дома необходимым условием бесконфликтного поведения на службе

(41,4%), а каждый пятый — материальную поддержку (17,2%). Каждый четвертый сотрудник на первом этапе профессиональной адаптации (группа 1) уверен, что обеспеченный тыл дома и материальная поддержка могут удержать их от стрессовых и конфликтных ситуаций на службе.

При оценке причин, по которым опрошенные сотрудники могли уволиться со службы, были получены следующие результаты (табл. 9).

Большинство ответивших сотрудников в долгосрочной перспективе готовы служить в уголовно-исполнительной системе, так как они ориентированы на увольнение по достижении предельного возраста или срока службы, дающего право на пенсию. Каждый десятый сотрудник на третьем этапе профессиональной адаптации (группа 3) рассматривает физическую и психологическую усталость как причину, по которой он мо-

Таблица 9

Распределение ответов сотрудников на вопрос: «По какой причине Вы могли бы уволиться со службы?»

Варианты ответов	Распределение ответов в группе 1, %	Распределение ответов в группе 2, %	Распределение ответов в группе 3, %
По возрасту и выслуге	77,8	79,3	71,7
Физическая и психологическая усталость (все надоело, хочется отдохнуть)	3,7	3,4	15,0
По болезни и ограниченному состоянию здоровья	66,7	51,7	18,3
Отсутствие перспективы служебного роста	25,9	24,1	10,0
Низкая заработная плата	44,4	44,8	56,7
Слишком высокие требования к сотрудникам со стороны руководства	11,1	13,8	15,0
Плохая организация труда	14,8	10,3	10,0

Примечание: результаты более 100%, так как разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

жет уволиться со службы (15%). Незначительный процент ответивших на этот вопрос респондентов первого и второго этапов адаптации и его возрастание на третьем этапе говорят о постепенном накоплении у них физической и психологической усталости. Это также необходимо учитывать при психологическом обеспечении сотрудников ФСИН России.

Большая доля ответивших сотрудников (с тенденцией к снижению) выделяют болезнь и ограниченное состояние здоровья как возможные причины увольнения со службы. Половина опрошенных готовы уволиться со службы по причине низкой заработной платы. Четверть сотрудников первого и второго этапа профессиональной адаптации при отсутствии перспективы служебного роста могли бы уволиться со службы. Такое распределение ответов сохраняется на всех этапах профессиональной адап-

тации и связано со спецификой профессиональной деятельности в пенитенциарной системе.

Таким образом, по результатам изучения субъективного отношения сотрудников к особенностям служебной деятельности на различных этапах профессиональной адаптации можно сделать выводы:

- основной причиной, по которой сотрудники продолжают службу во ФСИН России, является стабильность, и это отношение сохраняется в течение всего адаптационного периода;
- большинству опрошенных сотрудников на первом и втором этапах профессиональной адаптации свойственны активность и сдержанность в служебной деятельности, а на третьем этапе – размеренность;
- по мнению большинства опрошенных, служба во ФСИН России связана с

риском и высокой личной ответственностью;

- наиболее распространенные способы снятия напряжения и усталости — это беседа с друзьями, спорт и прогулки на воздухе;

- у сотрудников неоднозначное отношение к способам решения межличностных конфликтов: одни готовы идти на уступки, если будут уступки со стороны другого, вторые — ожидают полного удовлетворения интересов обеих сторон;

- в межличностных конфликтах каждый второй сотрудник второго этапа профессиональной адаптации и треть сотрудников первого и третьего этапа готовы к открытому противостоянию;

- наибольшая доля сотрудников, которая испытывает неуверенность при возникновении ситуаций экстремально-го характера, приходится на третий этап профессиональной адаптации;

- большинство сотрудников стремятся преодолеть возникающие трудности в течение всего периода профессиональной адаптации;

- все опрошенные сотрудники сошлись во мнении о том, что не будут обращаться за помощью в целях решения стрессовых и конфликтных ситуаций к психологу учреждения;

- выявлены основные мотивы увольнения со службы: по возрасту и выслуге лет, низкая заработная плата, болезнь и ограниченное состояние здоровья.

Полученные результаты показывают дифференцированность в отношении сотрудников к особенностям служебной деятельности и к возникающим при этом субъективным трудностям и способам их преодоления [15, 16, 18, 19, 20].

Литература

1. Концепция развития УИС Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

2. *Блинникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В.* Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.

3. *Воронин Р.М.* Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.

4. *Гаврина Е.Е.* Психодинамика формирования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 115–123.

5. *Гаврина Е.Е.* Психологические особенности проявления деструктивных отклонений в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 87–95.

6. *Гаврина Е.Е.* Психология криминального поведения у сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 76–83.

7. *Гаврина Е.Е.* Профессионально-психологическая подготовка сотрудников ИУ для работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 129–134.

8. *Гаврина Е.Е.* Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 64–69.

9. *Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В.* Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

10. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 193.

11. *Киселев А.М.* О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–46.

12. *Кряклин К.В.* К вопросу об актуальности изучения психодинамики личности сотрудников в процессе профессиональной адаптации к службе в УИС // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 62–65.

13. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.

14. Лалкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158–163.

15. Маланин В.С. Специфика применения компетентного подхода в профессиональной подготовке слушателей учебных центров ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 123–127.

16. Пестриков Д.В. Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 86–96.

17. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с сотрудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 8–17.

18. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.

19. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

20. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.

21. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.

22. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности — толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

23. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 45–55.

24. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

25. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ У ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ

Н. Г. Соболев, В. Г. Рогач

Аннотация: в статье рассматривается проблема переживаний осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, и мероприятия по психологической коррекции негативных переживаний в местах лишения свободы.

Ключевые слова: переживание, тюремный стресс, пенитенциарная фрустрация, психологический конфликт, кризис личности, зрелость, психологический потенциал.

Summary: the article considers the problem of the experiences of prisoners serving long prison sentences, and activities for psychological correction of negative experiences in prison.

Keywords: experience, prison stress, penitentiary frustration, psychological conflict, crisis of personality, maturity, psychological potential.

Переход уголовной и уголовно-исполнительной политики России от парадигмы устрашения и наказания в работе с преступниками к превенции и профилактике преступности обусловил возникновение и развитие института длительных сроков лишения свободы [10, с. 17]. В связи с осуществляемыми изменениями в правовой сфере на практике наблюдается устойчивый рост количества особо тяжких преступлений, оказывающих прямое влияние на увеличение числа осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы. Анализ состояния и прогноз динамики преступности в стране позволяет утверждать, что количество исправительных учреждений для осужденных к длительной социальной изоляции будет только увеличиваться [4, с. 1, 2]. С учетом высокой степени общественной опасности данной категории осужденных и в целях обеспечения безопасности в исправительных учреждениях актуальность разработки научного сопровождения осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, не вызывает сомнений.

Анализ публикаций по изучаемой теме позволяет отметить недостаточную освещенность в зарубежной и отечественной научной литературе вопросов, касающихся разработки как теоретических оснований, так и научно-методической базы к психологической коррекции данной категории осужденных [15, с. 1]. Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что большинство авторов оперируют лишь логическими и теоретическими доводами. При этом конкретные эмпирические результаты исследований фактически отсутствуют.

Несмотря на снижение общей численности осужденных, в последние годы [3, с. 2–4] отмечается тенденция к росту в местах лишения свободы удельного веса лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также осужденных-рецидивистов, приговоренных к длительным срокам лишения свободы. Эти процессы, в свою очередь, способствуют изменению сознания и социально-психологических особенностей среды лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях.

Основными целями уголовного наказания, связанного с лишением свободы, сегодня являются не только изоляция от общества особо опасных преступников, но и изменение их личности, обеспечивающее готовность вести социально приемлемый образ жизни. Однако, как показывает анализ исследований, посвященных пенитенциарной практике, воздействие среды мест лишения свободы и изоляции от общества нередко приводят к весьма существенным личностным изменениям негативного характера, тем более если оно осуществлялось длительное время [12, с. 121].

В связи с изложенным одним из приоритетных направлений в рамках реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) рассматривается «минимизация негативных последствий лишения человека свободы» [11, с. 16]. Еще одно важное направление реформирования — «совершенствование форм и методов исправительного воздействия и повышение эффективности использования психолого-педагогических методов работы с различными категориями осужденных к лишению свободы» [1, с. 157].

Одной из главных задач, поставленных перед сотрудниками УИС, выступает ресоциализация осужденных, которая требует комплексного анализа психических особенностей их личности.

В современной психологической науке существует множество качественно отличных теорий, объясняющих формирование и развитие психики человека. В качестве основного явления психики, осуществляющего реальные кардинальные изменения сознания и соответственно — регуляцию поведения человека, представители субъектно-личностного подхода (Ф.В. Басин, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев и др.) рассматривают переживание. В связи с этим значимость феномена переживания при обосновании предположений о возможной динамике детерминации, психологических закономерностях прогнозирования изменения поведения субъекта в период отбывания наказания не вызывает сомнений. При этом проблема исследования переживаний осужденных к лишению свободы на длительный срок фактически не изучена в рамках современной отечественной научной парадигмы.

В арсенале методов психологов исправительных учреждений недостаточно полно представлен инструментарий, позволяющий диагностировать особенности переживаний осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, нет и научно обоснованных программ и методик коррекции переживаний.

Представляется, что одним из наиболее объективных, методологически обоснованных и инструментально соотносенных при комплексном подходе к социализации и ресоциализации осужден-

ных является использование концепции переживания Ф.Е. Василюка. В рамках теоретических положений, разработанных в данной концепции, феномен переживания включает в себя гедонистическую, реалистическую, ценностную и творческую модальности [2, с. 36–58].

Помимо структурных компонентов, в рамках данной концепции феномен переживания может иметь конструктивную и деструктивную контекстную направленность. Так, под конструктивной направленностью понимается психологическая коррекция переживаний с положительным знаком в соответствии с обращением и принятием осужденными тенденции к сближению с объектом своих просоциальных побуждений, сопровождаемых положительными чувствами и эмоциями. Следовательно, негативные переживания могут свидетельствовать о том, что субъект не видит путей и возможностей реализации своих целей.

Таким образом, можно предположить, что работа переживаний направлена на уменьшение энтропии между сознанием и бытием и, следовательно, способствует личностной зрелости субъекта. При этом повышается общая осмысленность жизненного пути индивида, предполагающая возможность оперирования большим, по сравнению с предыдущим опытом, количеством способов достижения «жизненных необходимостей» [2, с. 25].

На основе анализа материалов, полученных при проведении фокус-групп и анкетирования, были проранжированы наиболее часто встречающиеся типы переживаний осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, и утверждения относительно факторных опосредующих (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее типичные виды переживаний осужденных, факторы, их опосредующие и порождаемые данными переживаниями психические состояния

№ п/п	Тип переживания	Негативные факторы ИУ, опосредующие переживания	Психические состояния, вызванные негативными переживаниями
1	Гедонистические	Различные виды деприаций мест лишения свободы, ограниченность предметного мира	Затяжной тюремный стресс
2	Реалистические	Невозможность реализации деятельности в условиях изоляции	Пенитенциарная фрустрация
3	Ценностные	Асоциальные ценности тюремной среды, ограничение связей с родственниками	Психологический конфликт
4	Творческие	Внешняя регламентация жизни осужденных, ограничивающая проявление личностной активности	Кризис личности

Анализируя материалы, представленные в таблице 1, можно предположить, что основным фактором, опосредующим формирование у осужденных совокупности негативных гедонистических переживаний, является наличие в исправительных учреждениях объективных условий, проявляющихся, например, в виде затяжного тюремного стресса.

Переживания невозможности продолжения полноценной деятельности в связи с социальной изоляцией от общества порождают негативные психические состояния осужденных, отбывающих длительные сроки наказания, выраженные в виде пенитенциарной фрустрации [14, с. 63]. Полученные нами данные согласуются с исследованием, проведенным А.В. Наприсом, согласно которому данное состояние формирует ложные представления осужденных относительно непреодолимости трудностей мест лишения свободы, что определяет доминирование в эмоциональном фоне осужденных таких чувств и эмоций, как тоска и тревога, безнадежность

и обреченность, апатия и агрессия и др. [9, с. 13]. Происходит разрушение планов личности как дальней, так и средней перспективы. В результате осужденные, испытывающие данное состояние, вырабатывают неадекватные стратегии поведения в виде деструктивной активности (самоизоляция, конфликтность, проявления аутоагрессии и т. д.), социальной пассивности и бездеятельности (синдром «выученной беспомощности»).

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что, помимо переживания факта социальной изоляции, негативные переживания осужденных центрируются, главным образом, вокруг совершенного ими преступления как определенной черты, разделяющей их жизнь на «до» и «после». Интенсивнее всего ими переживаются воспоминания о прошлом: жизни на свободе, семье, доме, совершенном преступлении. Установлено, что специфика тюремной среды вынуждает осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, руко-

водствоваться в поведении принятыми в ней асоциальными ценностями [5, с. 123, 124]. Следовательно, на несоответствие асоциальных ценностей тюремной субкультуры ранее сформированным у субъекта просоциальным ценностям могут указывать описанные в работах отечественных пенитенциарных психологов внутриличностные психологические конфликты у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы [13, с. 21].

Описанное выше переживание характеризуется рассогласованностью сознания, наличием большого количества противоречий в Я-концепции осужденных [8, с. 51–61]. Рассматривая психологические особенности осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, в зависимости от характера совершенного преступления (насильственное или корыстное), следует отметить, что у осужденных, совершивших насильственные преступления, наблюдается качественное отличие ($p < 0,05$) от корыстных преступников в качественной структуре Я-образа в виде разрушения самоидентификации. Таким образом, выявленные качественные изменения структуры Я-образа могут приводить к возникновению социального отчуждения и изоляции. Данный феномен усугубляется потерей социально полезных навыков и родственных связей [7, с. 63].

Итак, процесс замещения у осужденных просоциальных ценностей криминальными опосредован, с одной стороны, спецификой тюремной среды, а с другой — временной протяженностью нахождения индивида в условиях социальной изоляции. Анализ результатов фокус-групп, проведенных с сотру-

диками, непосредственно взаимодействующими с осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы, позволяет отметить, что большинство респондентов (76 %) считают, что «участь большинства осужденных — регресс личности», опосредованный разрушением «человеческого» в преступнике и различными психическими нарушениями и патологиями. Таким образом, в период длительного лишения свободы осужденный теряет большинство своих не только социально одобряемых (трудолюбие, взаимовыручка и т. п.), но и базовых человеческих качеств (чувство долга, любовь, жертвенность и др.), основным мотивом поведения становится личная выгода, что выражено в масштабном кризисе личности.

Анализ результатов экспертного опроса, проведенного с пенитенциарными психологами, свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует необходимый методический инструментарий, апробированный в УИС и позволяющий управлять процессом переживания осужденных. Значит, актуализируется потребность в стимулировании, организации и направлении конструктивных переживаний, а также в обеспечении для их реализации условий.

Результаты проведенного эмпирического исследования позволили обосновать и разработать комплекс психокоррекционных мероприятий, направленных не только на устранение выявленных негативных переживаний, но и на смещение вектора с гедонистических переживаний на ценностные и творческие. Представляется, что в психологическую коррекцию переживаний осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы на длительный срок,

Таблица 2

Комплекс мероприятий, направленных на устранение негативных переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы

№ п/п	Негативные переживания	Мероприятия, реализуемые пенитенциарным психологом в исправительном учреждении при работе с осужденными
1	Тюремный стресс	Обучение приемам релаксации и контроля своего эмоционального состояния
2	Пенитенциарная фрустрация	Анализ условий мест лишения свободы на предмет их трудности и возможности реализации в них потребностей
3	Психологический конфликт	Осознание причин и последствий преступления, целей наказания, жизненных целей, путей их достижения
4	Кризис личности	Обучение приемам планирования на среднюю и дальнюю перспективу, формирование мотивации на занятие активной жизненной позиции и преодоление трудностей

целесообразно включить следующие пути.

1. Психокоррекция негативных переживаний. Работа с негативными переживаниями у осужденных осуществляется путем формирования внутреннего потенциала личности, формирования и развитие способностей, необходимых для преодоления экстремальных условий мест лишения свободы. В рамках данного направления предусмотрена реализация следующего комплекса мероприятий, представленного в таблице 2.

2. Изменение вектора переживаний с гедонистических на ценностные и творческие, опосредующих достижение социальной зрелости личности осужденных. Так, осужденному, отбывающему наказание в виде длительного лишения свободы, необходимо осознать, что для целостного развития личности и гармоничного существования в социуме недостаточно стремиться лишь к эгоистичным целям, приносящим удовольствие. При принятии решений субъекту необходимо также руководствоваться целями, направленными на будущее, об-

щее благо, эмоциональное благополучие других людей. Доказано, что только в этом случае личность развивается, обретает зрелость и будет востребована обществом. Главенствующими при определении стратегии поведения в трудной ситуации должны быть высшие человеческие ценности: «Для человека, проникнутого высшей духовной ценностью, проблема выбора перестает быть животрепещущей» [2, с. 23]. В большей степени высшим чувствам и ценностям соответствуют творческие и ценностные переживания осужденных (рис. 1).

Представляется, что переориентация осужденного на творческие и ценностные переживания и наделение им смыслом своего существования в местах лишения свободы будет способствовать расширению границ его потенциальных адаптационных возможностей.

Смещение вектора с гедонистических переживаний на ценностные и творческие опосредует достижение личностью социальной зрелости и может выступать в качестве потенциала самодетерминации и дальнейшего развития

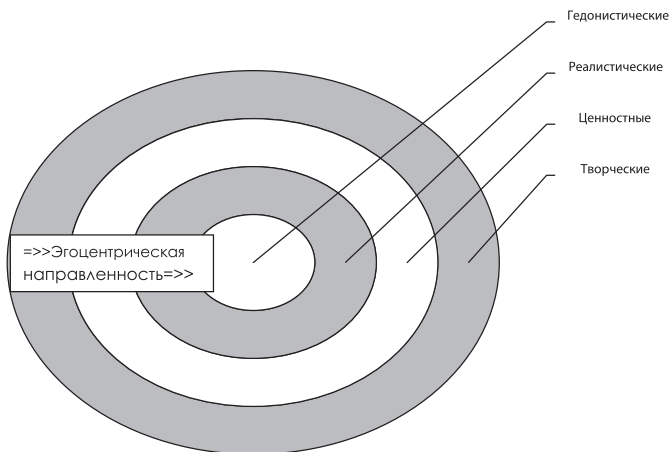


Рис. 1. Структура переживаний осужденных в соответствии с ценностной направленностью личности

[6, с. 4]. Таким образом, организацию и проведение комплекса мероприятий, направленных на диагностику и коррекцию переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы, надо рассматривать в качестве инструментов, с помощью которых субъект будет способен преодолеть трудные жизненные ситуации, возникающие в процессе длительной социальной изоляции.

Литература

1. Решение коллегии Федеральной службы исполнения наказаний об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы за 2008 год и задачах на 2009 год: объявлено приказом ФСИН России от 16 апреля 2009 г. № 168.

2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1988.

3. Информационно-аналитический сборник ФСИН России за 2012 год.

4. *Каданева Е.А.* Лишение свободы как уголовно-правовой институт и перспективы его развития: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2012.

5. *Казак Б.Б., Ушатиков А.И.* Организационные и психологические основы исправления и ресоциализации осужденных. Псков, 2007.

6. *Леонтьев Д.А.* Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011.

7. *Мухина В.С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения. Сергиев Посад, 2010.

8. *Мухина В.С., Хвостов А.А.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–61.

9. *Наприс А.В.* Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: автореф. ... дис. канд. психол. наук. Рязань, 1997.

10. *Ничеговская О.Н.* Система наказаний в современном российском уголовном законодательстве: проблемы и перспективы развития: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2012.

11. *Реймер А.А.* Актуальные вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы // Современное состояние уголовно-исполнительной системы. Ч. 2. Псков, 2009.

12. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.А.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 60–75.

13. *Сочивко Д.В., Савенко Т.Н.* Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.

14. *Сочивко Д.В., Чубич В.Э.* Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–68.

15. *Штефан Е.Ф.* Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания: автореф. ... дис. канд. психол. наук. Рязань, 2008.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ФОРМА ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ, ОТБЫВАЮЩИМИ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Д. В. Пестриков, И. В. Сенник, В. В. Зимаков

Аннотация: в статье рассматривается проблема психокоррекционного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы впервые, проведен анализ эффективности одного из основных направлений психокоррекции — арт-терапии.

Ключевые слова: психокоррекция, психокоррекционное воздействие, анализ, эффективность, осужденные, арт-терапия.

Summary: the article considers the problem of psycho-correctional effect on prisoners serving a sentence of imprisonment for the first time, the analysis of efficiency of one of the main directions psycho-correctionart therapy.

Keywords: psycho-correction, psycho-correctional effect, analysis, efficiency, convicted, art-therapy.

Одна из современных тенденций развития психологической службы УИС — это повышение ее практической направленности. От изучения личности осужденного, подготовки программ индивидуального исправления, разработки рекомендаций по оптимизации исправительного воздействия на личность осужденного психологи исправительных учреждений все больше переориентируются на непосредственное воздействие на правонарушителей методами психокоррекции. Естественно, диагностическая функция не исчезает, а на-

оборот, усиливается ввиду необходимости глубинного изучения личности осужденного.

В соответствии с Концепцией развития УИС Российской Федерации до 2020 года одной из основных целей является сокращение рецидива преступлений, совершаемых лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития воспитательной помощи таким лицам [1, 2, 3, 4, 5, 8, 18, 24].

В связи с тем что в некоторых исправительных учреждениях не оборудованы кабинеты групповой работы, отсутствует элементарная культура взаимодействия с психологом в рамках групповой работы, на организацию работы с осужденными влияет субкультура осужденных в местах лишения свободы, что в целом определяет необходимость ориентации деятельности психолога на индивидуальные формы психокоррекционной работы [6, 7, 11, 13, 14, 15]. Данная форма позволяет осужденным интегрировать и гармонизировать личность, повышать самооценку, развивать сферу чувств и использовать внутриличностные ресурсы для преодоления кризисных ситуаций в процессе отбывания наказания [16, 17, 19, 20, 21, 22].

В качестве индивидуальной формы работы сотрудники психологической ла-

боратории активно используют такое направление в психокоррекции, как арт-терапия.

Арт-терапия (art — искусство, art-therapy — терапия искусством) — это направление в психокоррекции и психотерапии, основанное на занятиях осужденным изобразительным творчеством с целью воздействия на его психоэмоциональное состояние. Упор делается на творческую активность личности. Интегрирующая роль искусства заключается в том, что творческий процесс снижает напряжение, снимает внутренние конфликты.

На занятиях по арт-терапии осужденным предоставляются необходимые для художественного творчества следующие материалы: краски, восковые мелки, пастель, карандаши, пуговицы, песок, пластилин.

Этот вид психологической деятельности эффективен в различных направлениях работы: в период адаптации осужденных к условиям изоляции; в психокоррекции лиц, состоящих на профилактическом учете исправительного учреждения; для мобилизации эмоционального состояния; в ходе разрешения внутриличностных конфликтов; при подготовке к освобождению.

К основным функциям арт-терапии можно отнести: катарсическую (очищающую, которая освобождает от негативных эмоциональных состояний); регулятивную (снятие нервно-психического напряжения, моделирование положительного психоэмоционального состояния); коммуникативно-рефлексивную (обеспечивает коррекцию нарушений общения, формирование адекватного межличностного поведения, самооценки) [10, 12, 23, 25].

Для оценки эффективности данного направления мы провели экспериментальное исследование с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы на базе нескольких исправительных учреждений, у которых наблюдаются эмоциональное напряжение и негативное эмоциональное состояние, обусловленные различными факторами и причинами.

Как показывает статистика, в 2013 г. в сравнении с предыдущим годом рост числа имущественных преступлений составил 31,1% (с 12 033 до 15 776), в том числе краж на 31,8% (с 8984 до 11 840), вымогательств — на 81,0% (с 21 до 38), мошенничеств — на 85,7% (с 905 до 1681), разбойных нападений — на 10,4% (с 67 до 74).

В нашем экспериментальном исследовании принимали участие 120 осужденных мужского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы впервые за преступления против собственности (ст. 158 УК РФ «Кража»).

Для диагностики эмоционального состояния и свойств личности осужденных нами были использованы следующие методики: опросник PSM-25 (опросник психологического стресса) и FPI (Фрайбургский личностный опросник. Форма В).

Анализ результатов, полученных после проведенного тестирования, позволил разделить исследуемых осужденных на контрольную и экспериментальную группы.

Экспериментальную группу составили осужденные, имеющие высокие показатели по шкале «Психологический стресс, раздражительность, депрессивность» — 38 человек. Контрольная группа — осужденные с более низкими пока-

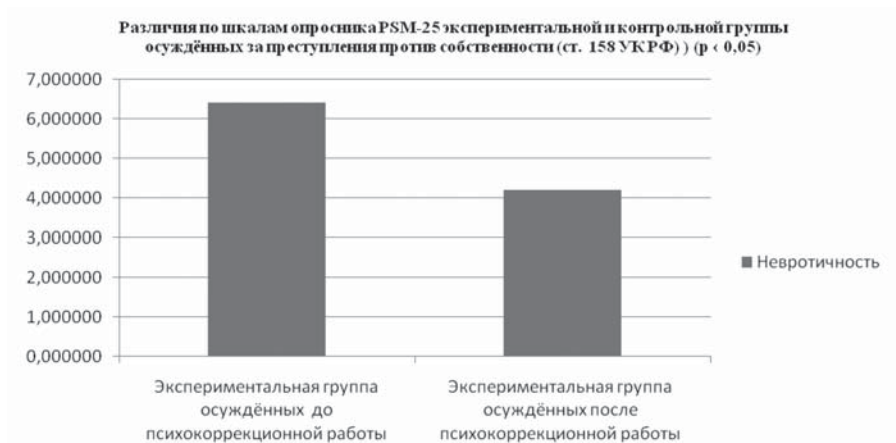


Рис. 1. Сравнение двух групп осужденных по шкалам опросника PSM-25

зателями по данным шкалам — 82 человека.

Для проведения сравнительного анализа мы применили математический аппарат программного статистического комплекса STATISTIKA 6.0. Вычислили средние значения по двум группам и составили графики различия личностных шкал по двум опросникам.

Сравнение различий по опроснику PSM-25 указывает на то, что осужденные, входящие в экспериментальную группу, имеют более высокие показатели по шкале «Психологический стресс» (обусловлено изоляцией осужденных от общества и отсутствием социально полезных и значимых отношений; неопределенностью в жизни; переживаниями, связанными с освобождением из мест лишения свободы, и т. п.), чем осужденные из контрольной группы, которые более сдержанны, расслаблены и хорошо ориентированы в социальных ситуациях (рис. 1).

Сравнение различий по стандартизованному личностному опроснику FPI

(В) указывает на то, что у осужденных, входящих в экспериментальную группу, ярко выражены депрессивность, спонтанная и реактивная агрессивность, раздражительность, невротичность по сравнению с осужденными из контрольной группы, что обусловлено различными факторами и причинами: трудности в социальной адаптации, изоляция от общества, потеря социально значимых и полезных связей, межличностные конфликты и т. п. (рис. 2).

По корреляционному анализу мы сделали вывод о значимых различиях между осужденными из экспериментальной и контрольной групп.

В экспериментальной группе осужденных за преступления против собственности (ст. 158 УК РФ) наблюдаются высокие показатели по шкале «Психологический стресс» при низкой выраженности уравновешенности (-0,43); при низкой выраженности уравновешенности высокие показатели по шкалам «Раздражительность», «Спонтанная и реактивная агрессивность».



Рис. 2. Сравнение двух групп осужденных по шкалам опросника FPI (B)

В контрольной группе наблюдаются низкие показатели по шкале «Застенчивость» при высоких показателях по шкале «Общительность». Низкие показатели по шкале «Депрессивность» при высоких показателях по шкале «Уравновешенность».

На протяжении трех месяцев мы проводили индивидуальную психокоррекционную работу с осужденными из экспериментальной группы. Использовали такое направление в психокоррекции, как арт-терапия.

На начальном этапе творческой деятельности мы предоставили возможность осужденным изучить свойства разнообразных стимульных материалов для выражения своих чувств и переживаний по отношению к процессу психокоррекции.

Необходимо помнить, что основной задачей психолога на данном этапе арт-терапевтического процесса является:

- создание и поддержание атмосферы защищенности и безопасности,

установление эмоционального резонанса, что достигается за счет профессионального умения и личностных качеств психолога, а также определения четких пространственно-временных границ арт-терапевтической работы;

- структурирование и организация творческой деятельности осужденных путем определения характера запроса;
- предоставление осужденным разнообразных стимульных материалов и способов взаимодействия с ними.

После психокоррекционной работы провели повторное тестирование.

По опроснику PSM-25 были выявлены изменения, которые указывают на более низкие показатели по шкале «Психологический стресс», что говорит о снижении напряженности, тревожности (рис. 3).

По стандартизированному личностному опроснику FPI (B) снизились показатели по следующим шкалам: «Депрес-

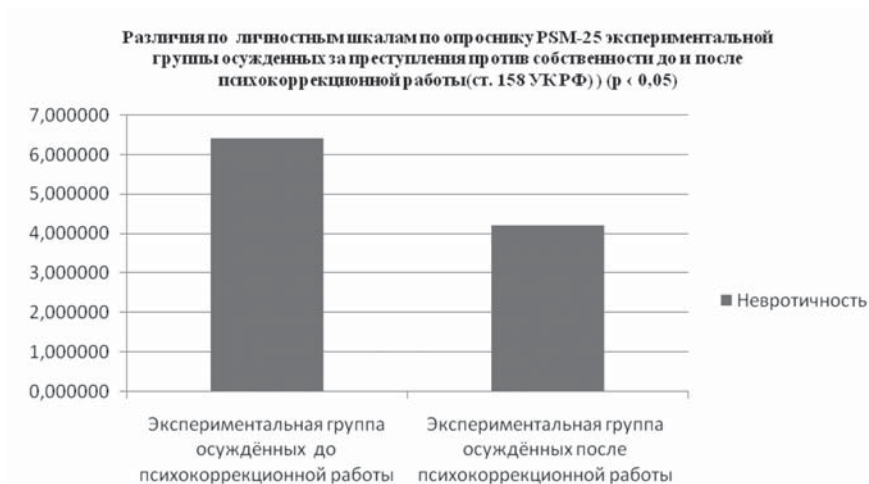


Рис. 3. Различия по личностным шкалам по опроснику PSM-25 до и после проведения психокоррекционной работы

сивность», «Невротичность», «Раздражительность», «Спонтанная и реактивная агрессивность», что говорит о формировании положительной направленности личности осужденных, об освобождении от негативных эмоций и мобилизации эмоционального состояния, разрешении внутриличностных конфликтов и т. п. (рис. 4).

Результаты нашей работы показали, что арт-терапия может служить способом освобождения от внутренних конфликтов и сильных переживаний; оптимизировать эмоциональное состояние; быть вспомогательным средством для интерпретаций и диагностической работы, а также усиления ощущения собственной личностной ценности. В нашем случае изменение внутренних переживаний ведет к динамике ролевого поведения осужденного в процессе отбывания наказания. Дальнейшая цель коррекционного воздействия — осознание своей роли осужденным, работа с меха-

низмами психологических защит и ориентация осужденного на исправление.

В состоянии и поведении клиента происходят следующие основные изменения:

- развитие и усиление внимания к своим чувствам и переживаниям, что повышает самооценку;
- возникновение чувства внутреннего контроля и порядка, так как творчество приводит к необходимости организовывать окружающее пространство (формы и цвета, звуки, слова, движения);
- переход от хаотичного поведения клиента к продуктивной творческой деятельности, созданию «символических образов» и осознанию их внутриличностного смысла;
- получение удовольствия от непосредственного процесса творчества, дающего возможность свободно выразить свои чувства, потребности и фантазии в виде продукта творчества (рисунки, фигуры и композиции из песка, сказочные

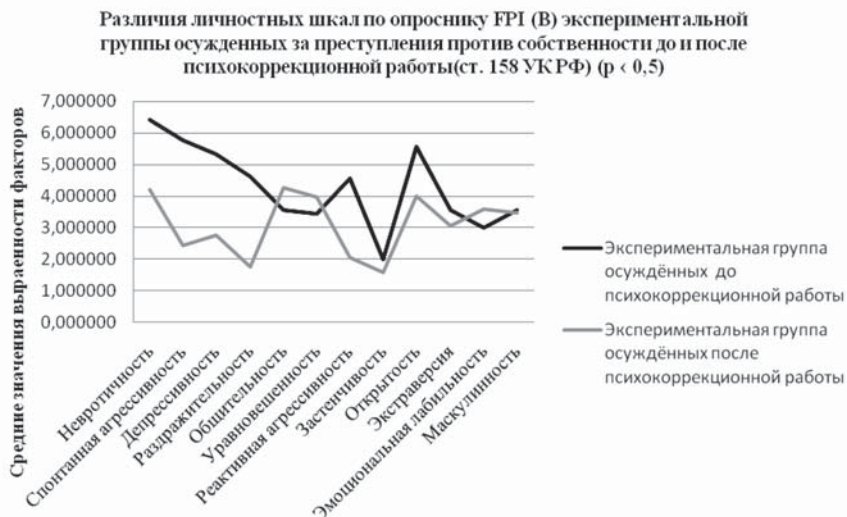


Рис. 4. Различия по личностным шкалам по опроснику FPI (В) до и после проведения психокоррекционной работы

тексты), являющегося безопасным способом разрядки напряжения.

Полезность этого метода в целях исправления осужденных заключается в том, что он:

1) предоставляет возможность для выражения агрессивных чувств в социально приемлемой форме. Рисование красками, пастелью, восковыми мелками и карандашами, работа с песком, лепка являются безопасным способом разрядки эмоционального напряжения;

2) позволяет выразить подсознательные конфликты и внутренние переживания, что легче сделать с помощью зрительных образов, чем в разговоре;

3) дает основания для интерпретаций и диагностической работы в процессе терапии. Творческая продукция ввиду ее реальности не может отрицаться осужденным, к тому же сам автор может внести вклад в интерпретацию своих собственных намерений;

4) позволяет работать с мыслями и чувствами, которые кажутся непреодолимыми. Иногда невербальное средство оказывается единственным инструментом, вскрывающим и проясняющим интенсивные чувства и убеждения;

5) развивает и усиливает внимание к чувствам. Искусство возникает в результате творческого акта, который дает возможность прояснить зрительные и кинестетические ощущения;

6) усиливает ощущение собственной личностной ценности. Побочным продуктом арт-терапии является удовлетворение, возникающее в результате выявления скрытых умений и их развития [9].

Таким образом, арт-терапия как индивидуальная форма психокоррекционной работы служит эффективным инструментом в руках психолога ИУ.

Необходимо помнить, что одной из наиболее сложных задач системы испол-

нения наказаний является корректирующее воздействие на личность осужденного, исправление тех ее черт, которые привели к конфликту с социумом, законом. Как правило, арт-терапевтические методы присутствуют в любой программе психокоррекции, что позволяет дополнить и обогатить возможности для наиболее эффективных результатов по работе с осужденными, а также как нельзя лучше объединить индивидуальный подход и групповую форму работы.

Большое значение для проведения подобной работы имеют:

1) профессиональные умения, опыт психолога и его личностные особенности;

2) личностные особенности и ожидания осужденного, а также его социальный и культурный уровень;

3) установление с осужденным эмоционального резонанса, что является одним из факторов психологической защищенности и эффективного обмена с ними чувствами, представлениями и фантазиями;

4) признание потребностей осужденного.

Метод арт-терапии эффективен для коррекции сознательных и бессознательных сторон психики осужденных, очевидным плюсом являются положительные эмоции, которые человек испытывает при выполнении упражнений, видимая простота их выполнения, что помогает полностью расслабиться и раскрыться.

Применение арт-терапии в исправительных учреждениях приобретает большую популярность в период развития УИС, этот вид психологической деятельности эффективен в различных направлениях работы с осужденными за пре-

ступления против собственности: в период адаптации осужденных к условиям изоляции; в психокоррекции лиц, состоящих на профилактическом учете учреждения; при коррекции разного вида личностных проблем; при подготовке к освобождению; для оптимизации эмоционального состояния осужденных.

Индивидуальная форма работы наиболее приемлема в местах лишения свободы. Она позволяет осужденным интегрировать и гармонизировать личность, укреплять самосознание и самооценку, формировать ценностное отношение к себе, осознавать и преодолевать стереотипы восприятия действительности, проблемы в отношениях с другими, развивать сферу чувств, повышать сензитивность по отношению к другим, а также использовать внутриличностные ресурсы для преодоления кризисных ситуаций.

Литература

1. Концепция развития УИС Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

2. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.

3. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

4. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

5. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23–29.

6. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 193.

7. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 216–218.
8. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.
9. Киселева М.В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб.: Речь, 2007.
10. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии. СПб.: Питер, 2002.
11. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
12. Пестриков Д.В., Сенник И.В. Возможность применения эмоционально-образной психотерапии в работе с осужденными в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 89–96.
13. Селиванов Б.С. Выпуск журнала «Пенитенциарная система: наука и практика» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 119–121.
14. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.
15. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.
16. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
17. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.
18. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.
19. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.
20. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.
21. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 45–55.
22. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блишников И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.
23. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.
24. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.
25. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Н. Ковалева

Аннотация: статья посвящена вопросам мотивации и стимулирования служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы. В ней рассматриваются система методов и основных элементов, функции стиму-

лирования, предлагается внести изменения по отдельным вопросам в действующую систему стимулирования служебного поведения.

Ключевые слова: мотивация и стимулирование служебного поведения, со-

трудники уголовно — исполнительная система, моральное и материальное стимулирование, правовые нормы, планирование карьеры.

Summary: *the article is devoted to questions of motivation and promotion of the official conduct of employees of the penal system. We consider the system of methods and main elements and functions of promotion. Proposed amendments according to individual questions in the current system of stimulation of official conduct.*

Keywords: *motivation and promotion of official conduct, the staff of the Federal Penal Service of Russia, moral and material stimulation, legal norms, career planning.*

Определение способов повышения производительности, путей роста творческой инициативы, а также стимулирование и мотивация работников занимают одно из основных мест в системе управления персоналом.

Мотивация (лат. *motivatio*) — это система внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека или животного [1].

В управлении персоналом мотивация рассматривается как процесс активизации мотивов работников (внутренняя мотивация) и создания стимулов (внешняя мотивация) для их побуждения к эффективному труду.

Необходимо отметить, что согласно ст. 24 Федерального закона от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» к работникам уголовно-исполнительной системы (УИС) относятся лица, име-

ющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы, рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы, федерального органа уголовно-исполнительной системы и его территориальных органов, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, лечебных, учебных и иных учреждений, входящих в УИС.

Некоторые авторы считают понятия «мотивация» и «стимулирование» синонимами [2].

А.Я. Кибанов рассматривает мотивацию как процесс побуждения себя и других к определенной деятельности, направленной на достижение личных целей или целей организации [3].

На наш взгляд, мотивация сотрудников уголовно-исполнительной системы — это создание таких условий в служебной деятельности, которые обеспечат необходимую потребность в добросовестном и эффективном труде.

Стимулированием трудовой деятельности является внешний по отношению к персоналу процесс управленческого воздействия, идущего от конкретного руководителя или органа управления и основывающегося главным образом на субъективном понимании системой управления этого воздействия, направленного на мотивы работников [4].

Стимулирование со стороны работодателя должно предлагать работнику такие формы удовлетворения потребностей, которые были бы в пределах возможности организации, способствова-

ли бы проявлению требуемого трудового поведения и в то же время соответствовали ожиданиям работника [5].

Полагаем, что мотивация и стимулирование не являются идентичными, если исходить из разнородности понятий «мотив» и «стимул». В первом случае мотив является стремлением работника получить определенное благо через трудовую деятельность, во втором — речь идет об органе управления (работодателе), способном предоставить необходимые работнику блага в случае его успешной и эффективной служебной деятельности.

В результате проведенного опроса 60 % сотрудников руководящего состава учреждений и органов УИС указали, что мотивация и стимулирование служебной деятельности осуществляются недостаточно [6].

В отличие от мотивации под стимулированием служебной деятельности сотрудников УИС понимается внешнее воздействие (посредством организационных и правовых мер), усиливающее побуждение сотрудников УИС к служебной деятельности с целью повышения ее эффективности, то есть совокупность методов и приемов воздействия на сотрудника со стороны системы управления, побуждающих его к определенному поведению в процессе службы для достижения целей УИС, основанной на необходимости удовлетворения личных потребностей сотрудников данной системы [7].

Учитывая научную специальность и тему исследования, мы больше интересовались процессом стимулирования служебного поведения сотрудников УИС.

Среди функций стимулирования можно выделить следующие: 1) эконо-

мическую, имеющую определяющее значение для эффективности производства; 2) нравственную, обеспечивающую морально-психологическое состояние работника; 3) социальную, формирующую уровень дохода.

Мотивационная среда в системе государственной службы должна быть прозрачной и понятной для каждого государственного служащего и оказывать преимущественно непосредственное воздействие на поведение персонала [8].

В.М. Бехтерев утверждал: сколько бы мы ни говорили о моральном значении труда, сколько бы ни провозглашали дифирамбов в пользу достоинства и высокого общественного значения труда — без личной заинтересованности в труде обойтись невозможно, а создание интереса к работе является лучшим средством поднять производительность труда [9].

Мотивацию поведения можно рассматривать как один из личностных факторов, способных влиять на способ решения экономической задачи [10].

Неоспорим тот факт, что успехом может увенчаться лишь применение материальных и нематериальных методов воздействия на поведение сотрудников. Заработная плата (материальный стимул) влияет на оценку и самооценку работника, удовлетворяя тем самым его потребности в признании, уважении окружающих, самоуважении, самоутверждении, то есть материальный стимул выступает одновременно как социальный, моральный, психологический. Но если использовать лишь материальный стимул, не задействовав моральных, социальных, творческих стимулов, то вся система стимулирования пере-

станет выполнять присущие ей функции в полной мере, что приведет к преобладанию экономических стимулов в ущерб социальным, моральным, психологическим и нравственным.

Рассмотрим более подробно характеристику основных структурных элементов управления мотивацией и стимулированием служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Во-первых, такими элементами являются субъект управления (руководители разного уровня, коллективы, сами сотрудники) и объект управления, в широком смысле представляющий собой весь персонал УИС, а в узком — потребности сотрудника, которые он может удовлетворить посредством служебной деятельности.

Отличительная особенность процесса управления в уголовно-исполнительной системе — субординационный характер взаимоотношений между субъектом и объектом, формирующийся на основе точного исполнения возложенных на них обязанностей и своевременного отчета о ходе реализации управленческого решения [11].

Следующим элементом является механизм мотивации служебной деятельности, в рамках которого потребности переходят в реальное служебное поведение сотрудников.

Основными структурными элементами также выступают ресурсы и функции управления. Ресурсы представляют собой совокупность возможных способов и методов воздействия в интересующей нас сфере и могут быть административными, экономическими, информационными, организационно-управленческими, социально-психологическими.

Такой элемент, как функции управления, содержат в себе систему анализа, формирование стратегии, организацию и функционирование существующей системы мотивации и стимулирования служебной деятельности.

Мотивация и стимулирование служебного поведения в уголовно-исполнительной системе осуществляется посредством применения правовых и иных форм воздействия на него.

В современном обществе, предъявляющем высокие требования к интеллектуальному, личностному, профессиональному развитию человека, возникает потребность в раскрытии его внутренних ресурсов, личностном росте [12].

В целях стимулирования трудовой активности и повышения квалификации, а также создания у работников УИС стимулов и перспектив служебного роста следовало бы установить определенные правовые гарантии, обеспечивающие работникам право на продвижение по службе [13].

Однако заметим, что такое право должно быть реализовано при наличии соответствующего образования, при успешной процедуре прохождения конкурса.

Вышестоящий руководитель учреждения или органа УИС, находясь в постоянном контакте с подчиненными, обязан стимулировать планирование карьеры последних на перспективу, содействовать повышению уровня их профессиональной подготовки, информированию о происходящих кадровых изменениях и ознакомлению с новшествами в деятельности уголовно-исполнительной системы [14]. В связи с этим жизненно важной, на наш взгляд, является работа по созданию, обучению и подготовке ка-

дрового резерва в УИС. Так, у руководителей, ориентированных на задачу, необходимо формировать компетенции, связанные с ориентацией на людей, сотрудников, направленные на интересы персонала, обучать технологиям работы, направленным на выполнение задач организации, а сотрудников, показавших слабые ориентации как на решение задач, так и на интересы персонала, включать в процедуры дополнительной диагностики для принятия решения об их нахождении в кадровом резерве [15].

Правовые основы системы мотивации и стимулирования служебной деятельности и поведения сотрудников УИС содержатся в Указе Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», Положении о службе в органах внутренних дел, утвержденном Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и т. д.

Представляется целесообразным рассмотреть классификацию основных направлений стимулирования служебного поведения:

1. Меры материального (денежного) стимулирования (заработная плата, премирование и т. д.) закреплены в Федеральном законе от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 2 которого в качестве основного средства материального обеспечения и стимулирования выполнения служеб-

ных обязанностей сотрудником определяет денежное довольствие [16].

Следует отметить, что действительно стимулирующую функцию несут дополнительные выплаты, предусмотренные п. 6 ст. 2 данного Закона за стаж службы (выслугу лет), ежемесячная надбавка к должностному окладу за квалификационное звание, особые условия службы, выполнение задач, связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время, работу со сведениями, составляющими государственную тайну, премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей.

Приказ ФСИН России от 22 февраля 2013 г. № 91 «Об утверждении Порядка установления поощрительных выплат за особые достижения в службе сотрудникам уголовно-исполнительной системы» определяет ежемесячные и единовременные выплаты сотрудникам, имеющим научную степень; ученые, научные, спортивные звания; замещающим определенные должности, имеющим квалификационную категорию, награжденным различными медалями, орденами, знаками отличия, и др.

В образовательных учреждениях применяются меры материального стимулирования к курсантам, обучающимся по очной форме, за окончание обучения с отличием, к курсантам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обучающимся по очной форме [17].

На наш взгляд, в системе материального стимулирования недостаточно определена система критериев такого вида, как премирование за квартал (полугодие, год). Например, премии за добросовестное выполнение служебных обязанностей из расчета трех окладов

денежного содержания в год выплачиваются в порядке, который определяется руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, то есть премирование оставлено на усмотрение руководителя, что создает условия для субъективной оценки служебной деятельности работника.

Считаем, что в данном случае необходимо руководствоваться критериями, изложенными, например, в распоряжении ФСИН России от 20 декабря 2013 г. № 228-р «Об утверждении временной методики оценки служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе», а именно наличием дисциплинарных взысканий и упущений по службе и результатами служебно-боевой подготовки.

2. Меры социального стимулирования (социальные выплаты на приобретение жилья, медицинское и санитарно-курортное обслуживание сотрудников и членов их семей, страхование жизни и здоровья) регламентированы приказом ФСИН России от 4 июня 2010 г. № 261 «Об установлении звания «Почетный работник уголовно-исполнительной системы» и учреждении нагрудного знака к нему»; Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» и др.

3. Нематериальное стимулирование, включающее в себя моральное и организационное стимулирование (организация смотров-конкурсов профессионального мастерства, работа по формированию кадрового резерва, создание условий по улучшению социально-психологического климата в коллективе, предоставление дополнительных отпусков), содержится в нормах приказов Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», от 5 августа 2005 г. № 127 «Об утверждении Инструкции о формировании резерва руководящих кадров Федеральной службы исполнения наказаний и работе с ним», от 12 февраля 2013 г. № 10 «Об утверждении порядка оформления личного поручительства в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и категорий должностей в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые оформляется личное поручительство» и др.

Рассматривая элемент стимулирования в виде дополнительных отпусков, по нашему мнению, целесообразно в качестве дополнительной меры предоставлять дополнительные отпуска в количестве от пяти до десяти суток категориям сотрудников, осуществляющим свою деятельность в ненормированном режиме рабочего времени, например сотрудникам оперативных аппаратов. Подобные отношения регулируются в системе органов внутренних дел приказом МВД России от 6 сентября 2012 г. № 849 «О дополнительном отпуске за ненормирован-

ный служебный день сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации».

Следует отметить, что многие нормативные акты могут являться источниками разных видов стимулирования. Например, приказ Минюста России от 26 апреля 2013 г. № 62 «Об утверждении Порядка присвоения квалификационных званий сотрудникам УИС» служит средством как материального, предусматривающего денежные выплаты, так и социального стимулирования, обеспечивающего статус в части определенного повышения уровня квалификации сотрудника.

Таким образом, система мотивации и стимулирования служебного поведения сотрудников является необходимым условием эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы и продолжает оставаться объектом изучения, необходимости поиска новых форм и методов со стороны научного сообщества и практических работников.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губского. М., 2007. С. 277.
2. Цветаев В.М. Управление персоналом. СПб.: Питер, 2002. С. 126.
3. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учебник. М., 2013. С. 331.
4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: учебник. М., 2013. С. 508.
5. Сливак В.А. Организационное поведение и управление персоналом: учеб. пособие. СПб., 2001. С. 249.

6. Опрос проводился с должностными лицами УИС на факультете управления и Высших академических курсах Академии ФСИН России. Всего опрошено 115 человек из 16 регионов.

7. Акчурин А.В., Барабанов Н.П. Стимулирование служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: монография. Рязань, 2009. С. 21.

8. Государственная служба РФ: основы управления персоналом / под ред. В.П. Иванова. М., 2003. С. 200.

9. Шетов В.Х. Николай Витке и российская школа социального управления. Нальчик, 1998. С. 37.

10. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 44.

11. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник / под общ. ред. Ю.Я. Чайки. Рязань, 2002. Т. 1. С. 164.

12. Тавилова Н.Н. Особенности психодинамики личностного роста сотрудников УИС в зависимости от стажа службы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 99.

13. Смирнов О.В. Трудовое право: учебник / под ред. Н.А. Бриллиантова, И.Я. Киселева. М., 2005. С. 94.

14. Огородников В.И. Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология: монография. М., 2006. С. 19.

15. Брежнев М.В., Молоствов А.В. Социально-психологическая характеристика особенностей управленческих ориентаций сотрудников УИС, состоящих в резерве кадров на выдвижение // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 119.

16. О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ. Ст. 2.

17. Об утверждении Порядка установления поощрительных выплат за особые достижения в службе сотрудникам уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 22 февраля 2013 г. № 91. П. 5, 6.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КАДРОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В. И. Огородников, О. В. Кочкина

Аннотация: в статье рассматриваются основные понятия, входящие в процесс комплектования кадров, делается акцент на проблемах кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: комплектование кадров, подбор кандидатов, отбор кандидатов на вакантную должность, расстановка персонала, адаптация сотрудников.

Summary: the article discusses a problem of the process of staffing of Penal service. The emphasis is put on the proposition of personnel maintenance of the Penal service and the ways of their solution.

Keywords: the recruitment; selection of candidates, selection of candidates for the vacant position, arrangement of staff, adaptation of employees.

С древних времен общество сталкивалось с проблемами формирования кадрового устройства, качественного отбора людей на государственные должности, но и сегодня актуальны вопросы, затрагивающие деятельность по комплектованию кадров и требующие всестороннего исследования.

Как отмечается в литературе, под подбором (отбором) исполнителей служебной деятельности (комплектованием) понимается управленческая функция, цели которой состоят в том, чтобы отобрать исполнителей, наиболее пригодных для успешного выполнения должностных обязанностей, в том чис-

ле плановых заданий и разовых поручений [2, с. 104].

А.Я. Кибанов утверждает, что под подбором и расстановкой кадров понимается рациональное распределение работников организации по структурным подразделениям, участкам, рабочим местам в соответствии с принятой в организации системой разделения и кооперации труда, с одной стороны, и способностями, психофизиологическими и деловыми качествами работников, отвечающим требованиям содержания выполняемой работы, — с другой [3, с. 185].

Из определений видно, что для авторов на разных этапах истории понятия «комплектование кадров», «отбор кадров», «подбор кадров» и «расстановка кадров» были однозначны.

Считаем, что термины «отбор кадров» и «подбор кадров» являются составными элементами системы «комплектования кадров», которые, в свою очередь, также имеют различия.

Процесс комплектования кадров не может быть закончен до тех пор, пока организация не получит работника, у которого будет сформировано чувство причастности к делам предприятия, правильного понимания работником своих задач и обязанностей и развита высокая мотивация к труду. При проявлении данных признаков задача кадровых служб по подбору, отбору и расстановке персонала может считаться эффективно решенной.

На наш взгляд, комплектование кадров — это система, включающая в себя подбор, отбор, расстановку и адаптацию кадров, обеспечивающая качественный состав сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС):

1) отбор — это способ комплектования кадров, заключающийся в поиске и поверхностном анализе кандидата, предположительно подходящего на вакантную должность;

2) подбор — это способ комплектования кадров, заключающийся в изучении психологических и профессиональных качеств кандидата с целью установления его пригодности для выполнения служебных обязанностей на определенной должности и выбора из совокупности кандидатов наиболее подходящего, с учетом соответствия его квалификации, специальности, личных качеств и способностей характеру деятельности УИС, интересам подразделения;

3) расстановка — это способ комплектования кадров, представляющий собой экономически целесообразное, обоснованное решение по распределению сотрудников по подразделениям (должностям) и формированию резерва с учетом их подготовки, опыта работы, деловых и личных качеств;

4) адаптация — это процесс приспособления личности (работника) к новым условиям трудовой деятельности, базирующийся на требовании наличия у работника высоких показателей психологических качеств и помощи со стороны организации (в процессе включения работника в трудовой коллектив) для более быстрого развития у вновь прибывшего чувства причастности к делам предприятия.

В уголовно-исполнительной системе главной задачей работы с кадрами является ее обеспечение высококвалифицированными работниками, способными качественно выполнять свои должностные обязанности. Составной частью работы с кадрами является комплектование кадров.

Как бы ни была совершенна структура подразделений УИС, эффективность их деятельности чаще всего зависит от правильного и качественного подбора персонала. Еще в 1998 г. В.И. Шкатулла писал, что «от ошибок при подборе кадров во многом зависит судьба самой организации» [4, с. 1].

В современной международной полицейстике принято рассматривать одну из главных качественных характеристик сил охраны правопорядка — плотность полиции [5, с. 36]. Проанализировав статистику уголовно-исполнительной системы, можно отметить, что на 1 января 2013 г. численность осужденных составляла 701,9 тыс. человек, численность сотрудников, непосредственно работающих с осужденными, — 228 681 человек (без учета сотрудников, работающих в государственных образовательных учреждениях ФСИН России) [12], следовательно, на одного сотрудника приходится 3 осужденных (1 : 3). На 1 января 2014 г. число осужденных составило 677,2 тыс. человек, число сотрудников, непосредственно работающих с осужденными, — 201581 человек (без учета сотрудников, работающих в государственных образовательных учреждениях ФСИН России) [12], на одного сотрудника снова приходится 3 осужденных (1 : 3). Зарубежные страны стремятся к увеличению персонала и выведению соотношения между сотрудни-

ками и осужденными к показателю 1 : 1, 1 : 2. В Норвегии численность сотрудников, работающих в закрытых тюрьмах, составляет обычно около 100% от числа заключенных, а в открытых 60–70% [7, с. 43]. Соотношение служащих и заключенных в Германии при нормальной загруженности — 1 : 2 [11, с. 24].

Из представленных данных видно, что недостаточная численность сотрудников уголовно-исполнительной системы, непосредственно работающих с осужденными, осложняет выполнение ими служебных обязанностей с надлежащим качеством. Но Федеральная служба исполнения наказаний планирует в 2014 г. сокращение численности сотрудников на 26,4 тыс. человек (2013 г. — 251,7 тыс. сотрудников, а в 2014 г. будет 225,3 тыс.) [13, с. 12]. В распоряжении Правительства РФ от 4 апреля 2013 г. № 517-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»» отмечается, что объем и сложность стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач, в том числе по ее реформированию, требуют улучшения качества подготовки сотрудников, привлечения на службу квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем знаний и навыков правовой культуры и морально-нравственных качеств [1, с. 14]. Проводится работа по определению новых подходов в обучении курсантов, планируется усовершенствовать библиотечные фонды, материально-технические базы и установить высокие требования к лабораторному, мультимедийному оборудованию, учебным полигонам, для создания которых необходимо дополнительное финансирование.

Во всем мире наблюдается устойчивая тенденция увеличения численности личного состава правоохранительных органов [6, с. 36]. В сложившейся в нашей стране ситуации это необходимо, но отбирать надо высококвалифицированных, профессиональных, широко образованных, с высокими морально-нравственными качествами кандидатов, так как существенной единицей любых правоохранительных органов является конкретный сотрудник.

Статистические данные, представленные ФСИН России, свидетельствуют о росте с каждым годом числа преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы (в 2011 г. в отношении 425 сотрудников возбуждено 416 уголовных дел, в 2012 г. в отношении 495 сотрудников УИС — 512 уголовных дел) [13, с. 17], что демонстрирует проблемную сторону, связанную с некачественным подбором и отбором персонала для службы в органах и учреждениях, исполняющих наказания.

Основной задачей образовательных учреждений ФСИН России является обеспечение УИС квалифицированными кадрами, способными выполнять возложенные на них обязанности в практической деятельности. Если говорить о выпускниках образовательных учреждений ФСИН России, то ежегодный выпуск ведомственными образовательными учреждениями 3,7 тыс. квалифицированных специалистов в среднем лишь на 15% обеспечивает возрастающие потребности УИС в кадрах, а суммарное количество выпускников образовательных учреждений ФСИН России обеспечивает потребность учреждений и органов УИС в специалистах с высшим и

средним профессиональным образованием только на 45–50% [8, с. 269–270]. Эти факты свидетельствуют о том, что пополнение кадрового состава УИС наполовину осуществляется из внешних источников.

Согласимся с мнением И.В. Погодиной и А.О. Смирновой, выражающем в необходимости реформирования управления кадровым обеспечением уголовно-исполнительной системы, повышении качества кадров и снижении затрат на их подготовку [9, с. 17]. В связи с этим представляется совсем не случайным, что исполнение наказаний является для государства обременительным в экономическом отношении [8, с. 46]. Значительные затраты оно несет на обучение курсантов и организацию деятельности персонала образовательных учреждениях ФСИН России, выпускники которых в итоге не закрывают потребность кадровых организаций и учреждений уголовно-исполнительной системы.

В сложившейся ситуации предлагается обратиться к практике деятельности зарубежных правоохранительных органов в данном направлении. Окончившие гражданские учебные заведения кандидаты на службу в пенитенциарной системе до того, как начать работать, проходят специальное обучение, хотя это временные и финансовые потери.

В Англии предусмотрены 8-недельные курсы (вступительные курсы для сотрудника пенитенциарной службы), направленные на получение кандидатами самых необходимых квалифицированному сотруднику знаний, умений и навыков в пенитенциарной службе. Данные курсы проходят в учреждениях, ближе расположенных к их дому и в специально отведенных учреждениях, таких

как Пенитенциарный колледж в Ньюболд Ревел, Рагби или в один из местных учебных центров [10]. Курсы включают в себя:

- первую неделю, в течение которой происходит ознакомление с рабочим местом, встречи с коллегами и менеджером;

- вторую, третью и четвертую недели, отданные на изучение и практические занятия, после чего сдается письменный экзамен по полученным знаниям;

- пятую неделю, куда входят практическое обучение и непосредственное принятие участия в полном осмотре (обыске), заперении и отпирании тюремных камер, встречи с медицинскими работниками и сотрудниками для обсуждения вопросов исполнения наказаний;

- шестую, седьмую и восьмую недели, направленные на объединение ранее изученного материала с обеспечением новыми навыками и умениями.

В течение всего курса должны быть сданы нормативы по физической подготовке (тест на силу захвата, комплексный тест, испытание в динамике, тест на скорость). В период прохождения курсов полученные знания и навыки оцениваются через диапазон методов (практические задания, методы обыска и два письменных экзамена), из чего формируется общая оценка без оценивания каких-либо способностей в отдельности.

Израиль имеет в своем ведении единственную учебную школу (около города KfarSava) для подготовки пенитенциарных служащих, в которой предусмотрены различные курсы:

- основной учебный курс для обучения сотрудников охраны тюрьмы (6 недель классные занятия, 3 месяца прак-

тические занятия и 6 недель классные уроки);

- сержантские курсы длительностью 3 месяца;

- офицерские курсы (5 месяцев), по окончании которых присваивается звание «старший лейтенант»;

- курсы старшего начальствующего состава (5 месяцев), по завершении может быть получено звание «майор» и выше и др.

Вновь принятым сотрудникам в Северной Ирландии предлагается пройти 9-недельное обучение, включающее в себя:

- теоретические курсы (лекции, групповые и практические занятия);

- физические курсы.

После обучения кандидатам необходимо сдать экзамены и в случае несдачи хотя бы одного предоставляется право на повторную сдачу. Если претендент не сдал экзамен во второй раз, то он исключается из списков.

Обучение будущих сотрудников пенитенциарных служб в зарубежных странах основано, главным образом, на развитии практических умений и навыков и развитии физических способностей кандидатам, которые являются приоритетными при выполнении ими своих обязанностей. На это обучение у них затрачивается гораздо меньше времени по сравнению с российскими коллегами, а следовательно, уменьшаются затраты, связанные с обучением пенитенциарных служащих. Обучение в Израиле по различным направлениям имеет положительную тенденцию, так как служащий направляется на обучение в случае повышения, в результате затраты на обучение всех на начальствующие должности сокращаются, а служащий каждый

раз проходит обучение с учетом нововведений, произошедших в пенитенциарной службе.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что для уголовно-исполнительной системы выгоднее и целесообразнее подготовка будущих специалистов из числа выпускников гражданских вузов, с последующим их обучением, занимающим гораздо меньший срок, чем в настоящее время в ведомственных образовательных учреждениях. Федеральная служба исполнения наказаний нуждается в увеличении числа сотрудников, непосредственно работающих с осужденными, которое способствовало бы повышению качества выполнения возложенных на них обязанностей и в целом благоприятно отразилось бы на достижении основных целей УИС.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 4 апреля 2013 г. № 517-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14.

2. Основы управления в правоохранительных органах: учеб. пособие / под общ. ред. Н.В. Колесника. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 104.

3. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 185.

4. Шкатулла В.И. Настольная книга менеджера по кадрам. М.: Изд. группа Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 1.

5. Яковлев К.Л., Яковлева Е.И., Яковлева О.Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 36.

6. Яковлев К.Л., Яковлева Е.И., Яковлева О.Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 36.

7. Багреева Е.Г., Багреева Е.В. О специфике деятельности тюремной системы Норвегии // Российский следователь. 2012. № 11. С. 43.

8. Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию

Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 46, 269–270.

9. Погодина И.В., Смирнова О.А. Совершенствование организации кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 4. С. 17.

10. Кадровое обеспечение пенитенциарных учреждений европейских стран: практ. материалы / НИИ ФСИН России. М., 2008.

11. Зарубежный опыт организационно-штатного построения персонала тюрем: аналит. обзор с предложениями. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 24.

12. Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: www.fsin.ru (дата обращения: 16.03.2014).

13. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: материалы коллегии ФСИН России. М., 2013. С. 12, 17.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УСПЕХЕ

В.В. Котовский

Аннотация: в статье представлены некоторые общие результаты теоретико-методологического анализа проблемы представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе и результаты пилотажных эмпирических исследований; определены характеристики данных представлений по критериям изучения вторичных психических образов; выявлены наиболее значимые признаки профессиональной успешности в представлениях студентов; установлена ориентация на развитие профессионализма как важнейшего условия достижения профессионального успеха.

Ключевые слова: профессия, успех, профессиональный успех, образы представления, профессионализм, профессиональный статус, карьера.

Summary: the article presents some general results of theoretical and methodological analysis of the problem of students' representations of professional success and the results of empirical pilot studies. The characteristics of these

representations were defined by studying the secondary mental images criteria. The most significant characteristics of professional success among students' representations have been revealed. Focus was set on professional development as essential for achieving professional success.

Keywords: profession, success, professional success, images, representation, professionalism, professional status, career.

В настоящее время одной из ключевых проблем высшей школы является повышение эффективности и качества подготовки специалистов в высших учебных заведениях, а также уровня их конкурентоспособности на рынке труда [1, 2, 3, 4, 5]. Очевидно, что для ее решения мало использовать возможности традиционных путей, необходимы новые идеи. Одной из перспективных идей, на наш взгляд, является совмещение вектора направленности активности в личностно-профессиональном развитии

учащейся молодежи с интересами государства в сфере подготовки специалистов [6, 7, 8]. Заметим, интересы государства в этой сфере, в общем, понятны, потому что связаны с тенденциями развития экономики и технологического перевооружения производственной базы страны. Что же касается вектора направленности активности в личностно-профессиональном развитии учащейся молодежи, то здесь немало «белых пятен» и нерешенных задач. В частности, для изучения характеристик этого вектора необходимо хорошо знать, как представляет свое профессиональное будущее учащаяся молодежь? Каковы у них ценности и эталоны в профессиональном развитии? А главное, каковы у них представления о социальном и *профессиональном успехе*, ведь многие из них видят свое будущее в мажорных тонах? Как они это представляют? Какие они видят пути достижения профессионального успеха? Только в этом случае возможно совмещение интересов государства и индивидуальных интересов учащихся.

Важно иметь в виду, что представления о профессиональном успехе, как и любые другие представления, являются вторичными репродуктивными психическими образами. Они не только отличаются от других психических образов особенными характеристиками, но и могут целенаправленно формироваться или корректироваться [9, 10, 11, 12, 13, 14]. Причем возможности их формирования весьма велики, что было наглядно показано на примере имиджа и деловой репутации как образов представления (Е.В. Абашкина, Е.Н. Богданов, А.П. Мельников, В.Л. Музыкант, Е.Б. Перельгина, Г.Г. Почепцов, С.В. Сеин,

С.В. Яндарова и др.). Данные возможности целенаправленного формирования надо использовать в учебном процессе в вузах [15, 16, 17, 18]. Отмеченные предпосылки и обусловили необходимость проведения психологических и социально-психологических исследований по проблеме представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе. Следует подчеркнуть, что данная проблема является недостаточно проработанной в психологии, поэтому на первом этапе таких исследований был осуществлен теоретико-методологический анализ проблемы. Анализ показал, что представления о профессиональном успехе у студенческой молодежи отличаются недостаточной четкостью и ясностью. Кроме того, молодые люди находятся под большим влиянием доминирующих ценностей в обществе, особенно в молодежной среде. Данные ценности активно формируются с помощью средств массовой информации и отражают интересы отдельных социальных или экономических групп (Д.О. Ерохин, О.Т. Мельникова и др.).

Проведенный анализ состояния проблемы также показал, что данные представления как социально-психологический феномен отличаются следующими особенностями:

- имеют социально-психологический ценностный характер;
- характеризуются неустойчивостью, подверженностью влиянию внешних и внутренних факторов;
- действием в определенном временном диапазоне;
- зависимостью от множества объективных и субъективных факторов, в том числе носящих трудно прогнозируемый характер.

Отмеченные особенности позволяют утверждать, что как объект социально-психологического исследования представления студенческой молодежи о профессиональном успехе отличаются высоким уровнем сложности, то есть они являются психологически сложным объектом исследования. Психологическая сложность определяется как конкретный вид общенаучной категории «сложность» и проявляется в многофакторной нелинейной детерминации действия значимых психологических и социально-психологических факторов, оказывающих сильное влияние на состояние или характеристик объекта (В.Ф. Венда, С.С. Сучков, С.В. Сеин, А.Ф. Фоминых, Н.А. Цветков и др.). Кроме того, в результате анализа проблемы было установлено, что представления о профессиональном успехе обладают системными свойствами, что важно для обобщений.

Проведенный теоретико-методологический анализ проблемы позволил приступить к проведению эмпирических исследований. По своему характеру они были пилотажными. Методом исследования выбрали анкетирование, для этого предварительно разработали и апробировали анкету, по своему содержанию традиционную для социально-психологических исследований. В анкетировании участвовали 52 студента второго и третьего курсов юридического факультета Московского государственного открытого университета имени В.С. Черномырдина, из них 21 человек — юноши, 31 — девушки. Средний возраст 19,4 года. Отметим, что девушки-респонденты более ответственно подошли к анкетированию, проявили к нему интерес. Юноши-

респонденты оказались менее ответственными, хотя юноши, обучающиеся на третьем курсе, были более ответственными, чем второкурсники.

Отметим наиболее важные общие *количественно-качественные результаты* анкетирования.

Представления о профессиональном, как и о жизненном, будущем связаны со склонностью к мечтам. Примерно 85% респондентов отметили, что они любят мечтать, причем это характерно для всех девушек-респондентов. Подавляющее большинство опрошенных (80%) отметили, что многие их мечты связаны с их представлениями о будущем. Заметим, девушки-респонденты о будущем думают примерно в 2,5 раза больше, чем юноши. Около половины респондентов свое будущее представляют на относительно близкую перспективу — примерно на пять лет вперед. Вероятно, это связано с тем, что именно в этот период закончится их обучение в вузе, и они начнут самостоятельную профессиональную деятельность. В условиях переизбытка юристов на современном рынке труда остро встает проблема хорошего трудоустройства. Студентов, скорее всего, это уже заботит. Существенно меньше представлений о своем будущем — на один год вперед (около 20%) и более отдаленную перспективу.

В целом образы будущего у респондентов довольно определенные и понятные (65%), причем девушки представляют будущее более ясно и четко, чем юноши. Примерно у трети респондентов — образы будущего неясные, смутные, плохо понимаемые (в основном у юношей). У остальных они не очень ясные в целом, но конкретные в отдельных деталях.

Респондентам лучше всего представляются следующие образы будущего:

- семейного положения — 88% (девушки об этом думают больше);
- материального положения — 65% (как у девушек, так и юношей);
- характера профессиональной деятельности — 54%;
- профессиональных успехов — 54%;
- профессионального и социального статуса — 38%*.

Таким образом, у данной группы респондентов преобладают ценности, соответствующие обыденному сознанию (семья, достаток). Высокая значимость семейных ценностей у респондентов на самом деле является весьма отрадным фактом, потому что сейчас отмечена активная работа по дискредитации самого института семьи как основы общества, особенно в средствах массовой информации.

Образы будущей профессиональной деятельности и профессионального успеха большинство респондентов представляют довольно ясно и четко, причем в мажорной тональности (80% положительных ответов). Это характерно для юношеского мировосприятия, но может свидетельствовать и об общем позитивном настрое на успешность в профессии.

В образах ожидаемой будущей профессиональной успешности преобладают следующие ее важнейшие признаки, отраженные в представлениях респондентов. Отметим их и представим в порядке уменьшения значимости: профессионализм в своем деле (73%); высокий

профессиональный и социальный статус (62%); хорошая профессиональная или должностная карьера (58%); высокое вознаграждение за работу (45%); большие профессиональные достижения (31%); высокий авторитет в профессиональной сфере (31%); самореализация в профессии (31%); большие возможностями для личностного и профессионального роста (23%).

В открытых суждениях респондентов, в их высказываниях в процессе дискуссий эти результаты нашли свое подтверждение. Профессиональный успех ими воспринимается прежде всего как профессионализм, высокий статус, престиж деятельности, хороший заработок, карьерные достижения, свобода деятельности, уважительное отношение, возможности самореализации в выбранной профессии. Причем, по мнению респондентов, существует устойчивая связь между профессионализмом, авторитетом, статусом и материальным достатком. Однако у респондентов, если соотносить ответы на другие вопросы, все же доминируют материально-статусные признаки профессионального успеха, причем как у юношей, так и девушек. Соответственно профессиональный неуспех они связывают в первую очередь с небольшим заработком, низким статусом и непрофессионализмом, отсутствием перспектив роста и интереса к профессии.

По мнению респондентов, их представления о будущей профессиональной деятельности и ее успешности они формировали, главным образом, самостоятельно (65%). В меньшей степени они связаны с семейными ценностями (35%) и имеющимися примерами, достойными подражания (32%).

* Ввиду того что в анкете отмечались два-три из предложенных вариантов, общая сумма более 100%.

Представления респондентов о будущей профессиональной деятельности и профессиональном успехе оказывают влияние прежде всего на формирование профессиональных интересов (38%), направляют в нужное русло поведение и отношения (38%), однако не очень побуждают лучше учиться и искать пути профессиональной самореализации (24%), а также стимулируют формирование направленности на профессиональные достижения.

Респонденты согласились, что профессиональная успешность представляет собой многофакторное явление, в котором действуют как объективные, так и субъективные факторы. Главными из них они назвали: увлеченность будущей профессиональной деятельностью (77%); удачу (58%); гибкость, умение «попасть в струю» (50%); целенаправленное личностно-профессиональное развитие (48%); умение реализовать и преумножить свой потенциал (42%); родственные связи (32%).

Иными словами, они отчетливо понимали важность сочетания субъективных и объективных факторов. Весьма реалистичная оценка. В то же время предпочтение отдавали факторам, которые равноценны проявлению субъектности и самостоятельности.

Респонденты называли немало людей, которые, по их мнению, достигли большого профессионального успеха. Среди них лидируют политики и государственные деятели (В.В. Путин, Д.А. Медведев, С.К. Шойгу), крупные бизнесмены (Б. Гейтс, С. Джобс), спортсмены (М. Тайсон, Ф. Емельяненко, К. Роналду, Л. Месси), юристы (П. Астахов, Г. Резник, М. Барщевский и др.). Упоминание в этом перечне юристов, видимо, связа-

но с их будущей профессиональной деятельностью.

Вообще не были названы ученые, деятели в сфере культуры, религии, которые добились профессионального успеха. Видимо, это обусловлено сферой их интересов или ориентацией на «громкость» PR-а, который весьма характерен для политиков и бизнесменов.

Судя по выборам и комментариям респондентов, они главным образом ориентировались на формальные признаки достижений и не принимали во внимание условия и скрытые движущие силы, способствовавшие этим достижениям.

Проведенный теоретико-методологический анализ проблемы и пилотажные эмпирические исследования позволили получить целостное видение проблемы представлений студенческой молодежи о профессиональном успехе, что помогло определить пути дальнейших, в том числе и эмпирических, исследований [19, 20, 21].

Литература

1. Блинная И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.
2. Богданов Е.Н., Иванов Г.П., Митюхина Л.Н. Построение модели будущего специалиста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 84–99.
3. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: ИПРАН, 2007.
4. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии («Преступление и наказание от «А» до «Я») (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 193.
5. Деркач А.А., Зызыкин В.Г. От подготовки специалистов к подготовке профессионалов // Профессиональное образование. 2013. № 11. С. 10–12.
6. Котовский В.В., Савченко Т.Н. Особенности взаимоотношения лиц, обвиняемых в совершении преступлений // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 41–49.

7. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
8. Смирнов Е.А. Успех руководителя и символическая активность // Предприниматель и успех / под ред. К.С. Пигрова. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 63–78.
9. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.
10. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
11. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
12. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.
13. Сочивко Д.В. Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 131–141.
14. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.
15. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности — толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.
16. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.
17. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.
18. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.
19. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–68.
20. Толочек В.А. Интерсубъектные, интра-субъектные и внесубъектные факторы профессиональной успешности // Социология и управление персоналом. 2008. № 2. С. 155–161.
21. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИКРОСРЕДЫ НА ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОСТИ

А. Н. Воронин, Е. В. Лучинина

Аннотация: статья посвящена одной из важных тем современности — изучению влияния социума, социальной среды на агрессивность человека. В статье впервые предпринята попытка в ходе естественного эксперимента показать влияние резкого изменения социальных условий на агрессивность. Причиной конкретных социальных изменений выступило реформирование российской милиции в полицию. Более детальное влияние социальной среды на агрессивность изучалось в группах профессионалов, постоянно сталкивающихся с агрессией (различные подразделения полиции и юристы).

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, социальная микросреда, социальное окружение.

Summary: article is devoted to one of the important topics of our time — the study of the influence of society, the social environment on human aggression. The article attempts for the first time during a natural experiment to show the effect of a sharp change in social conditions on aggressiveness. Studied social changes resulted from the reform of the Russian police. A more detailed impact of social environment on aggression was studied in groups of professionals are constantly faced with aggression: various units of the police and lawyers.

Keywords: aggression, aggressive, social micro, social environment.

Одним из центральных свойств личности, накладывающих отпечаток на процессы ее социального функциони-

рования, является агрессивность как склонность к агрессивному поведению. Ее можно рассматривать как биологически целесообразную форму поведения, которая способствует выживанию и адаптации, и как зло, как поведение, противоречащее позитивной сущности людей.

На данный момент не существует общепринятой теории агрессивности, раскрывающей механизмы ее формирования и функционирования как свойства в структуре личности. Многочисленные наблюдения, факты, полученные в лабораторных исследованиях, концепции, объясняющие и связывающие эти факты между собой, касаются преимущественно агрессивного поведения. Между тем не всегда можно говорить о наличии однозначной связи между агрессивностью и агрессивным поведением: если агрессивность рассматривается как склонность к агрессивному поведению, то агрессивное поведение не обязательно является реализацией такого свойства личности, как агрессивность.

В случаях направленности агрессии на себя можно говорить об аутоагрессии. Аутоагрессия — это, по сути, уникальный феномен в общей проблематике агрессии. Он подразумевает специфическую (патологическую) форму поведения человека, носящую характер результирующей активности, обусловленной психологической, биологической и социальной дезадаптацией, возникающую преимущественно в экстремальной ситуации (состоянии) и направленную на изменение этой ситуации путем причине-

ния ущерба своему психическому или физическому здоровью.

Существуют несколько основных групп теорий агрессии: теории влечения (или инстинкта) [19, 11, 12, 10], фрустрационная теория агрессии [23, 20, 7], теории агрессивности и деструктивного поведения как социального научения [1, 3, 25].

Аутоагрессия — агрессия, направленная на себя и проявляющаяся в самообвинении, самоунижении, в аутодеструктивном поведении (пьянство, алкоголизм, наркомания, рискованное сексуальное поведение, рискованные виды спорта, провоцирующее поведение), в нанесении себе телесных повреждений вплоть до самоубийства. Аутоагрессия представляет собой не просто изолированную личностную черту, конкретную особенность, но является сложным личностным комплексом, функционирующим и проявляющимся на различных уровнях [15]. Представители бихевиорально-когнитивной школы приходят к аутоагрессивности и суициду как к формам выученного поведения с социальной трансмиссией, при которых центральными звеньями являются «выученная беспомощность», безнадежность, низкая самооценка и бедная «Я-концепция» [2]. В теории «научения» [1] утверждается, что аутоагрессивные действия есть результат подражания способам поведенческого защитного реагирования, приобретенный человеком в процессе воспитания.

Как считает Ф.С. Сафуанов [18], «дать исчерпывающее определение всех существующих типов агрессии практически невозможно: любое из них неизбежно будет либо сужать, либо расширять границы понятия». Тем не менее большинство авторов придерживаются

мнения о том, что агрессия, в какой бы форме она ни проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного с собой обращения. Аутоагрессия, по мнению Г.Я. Пилягиной [13], есть не что иное, как способ поведения человека в экстремальной ситуации (состоянии), одна из форм (наряду с агрессией) закономерного и целесообразного комплексного механизма приспособления. Ее характер и «степень тяжести» представляют собой результирующий вектор личностных психологических установок, индивидуальных биологических реакций организма, потенцируемый определенными ситуационными (социальными) условиями. В противоположность активности агрессивного акта в качестве базы аутоагрессивного поведения называют снижение поисковой активности в угрожающих благополучию ситуациях [17]. Похожая модель снижения поисковой активности в рамках психопатологии и психотерапии психотиков определяется как «пассивность» — агрессия, направленная на себя [32].

Различные подходы к исследованию агрессивности представлены в таблице 1.

Анализируя и сопоставляя близкие к агрессии понятия насилия, гнева враждебности С.Н. Ениколопов приводит различные классификации агрессии и агрессивного поведения в современной психологии [9]. Так, наиболее развернутая классификация агрессивного поведения основывается на трех основных параметрах: 1) физическая — вербальная агрессия; 2) активная — пассивная агрессия; 3) прямая — косвенная агрес-

Таблица 1

Различные психологические подходы к пониманию агрессивного поведения личности и его возможной регуляции

Подходы к пониманию агрессивного поведения личности	Представления об агрессивном поведении личности
Этологический	Врожденная реакция организма
Психоаналитический	Форма проявления врожденного инстинкта стремления к смерти (Танатос)
Теория А. Баса	Агрессивное поведение обусловлено свойствами темперамента
Теория помыслов к агрессии (в модификации — модель новых когнитивных связей) Л. Берковица	В первоначальном виде — реализация потенциальной «готовности к агрессии». В итоговой модификации — внешняя реакция на негативное воздействие при интерпретации его как неприятного
Психосоциальный подход Э. Эриксона	Форма поведения лиц с негативной и спутанной идентичностью
Теория экзистенциальных потребностей Э. Фромма	Выделяется два вида агрессии: доброкачественная агрессия — биологически адаптивное поведение, является реакцией на угрозу витальным интересам; злокачественная агрессия — не обусловлена биологической адаптацией, деструктивное поведение
Структурно-динамический подход к агрессии Г. Амона	Рассматривает первоначально конструктивную агрессию как «Я-функцию», которая может стать деструктивной вследствие специфических групподинамических влияний окружающего мира, составляя ядро психической болезни
Теория фрустрации (Д. Доллард, Н. Миллер)	Агрессивное поведение является следствием фрустрации
Социально-когнитивный подход (А. Бандура, Дж. Роттер)	Специфическая форма социального поведения, выступающего следствием действия усвоенной индивидом агрессивной модели поведения социально значимого окружения
Социально-перцептивный подход (А.А. Реан)	Поведение, в основе которого лежат устойчивые особенности мировосприятия (потенциально агрессивное восприятие, агрессивная интерпретация)
Феноменологический (К. Роджерс)	Аномальная форма человеческого поведения, не соответствующая с истинной природой человека
Теория социального влияния Дж. Тедешы	Принудительная форма социального влияния
Теория переноса возбуждения Зильманна	Результат возбуждения, которое испытывает индивид
Теории поля К. Левина	Функция жизненного пространства личности
Социально-дефицитарный (Л.М. Семенюк, И.А.Фурманов)	Форма поведения личности, являющаяся следствием деформации семьи и дефицита позитивного воздействия на развивающуюся личность

сия [22]. Комбинирование этих форм по- позволяет выделить 8 видов агрессивного поведения, представленного на рис. 1.



Рис. 1. Виды агрессивного поведения по А. Бассу

С. Фешбах [25] ввел еще одну важную переменную, связанную с мотивированием поведения. На основании этого критерия он выделил три типа агрессивного поведения:

- враждебная агрессия — имеет своей целью причинить другому субъекту неприятные или психологические ощущения;
- инструментальная агрессия — целью такого поведения является не само причинение вреда другому субъекту, а решение определенной проблемы;
- экспрессивная агрессия — является формой выражения себя с помощью применения насилия.

Классификация Д. Зиллмана [34] построена на описании позиции агрессора по отношению к жертве и их взаимоотношений по схеме «стимул — реакция». Таким образом, он выделяет восемь типов агрессивного поведения:

1) наступательная агрессия — нанесение физических или психических по-

вреждений другому, который не применял по отношению к нему насилия;

2) защитная агрессия — нанесение повреждений другому субъекту в ответ на применение им насилия;

3) ответная агрессия — нанесение повреждений другому субъекту с целью отмщения за нанесенные ему этим субъектом повреждения;

4) спровоцированная агрессия — подвергание атакующего нападению или другим действиям, которое повлекло за собой его ответные агрессивные действия;

5) неспровоцированная агрессия — агрессивные действия нападающего по отношению к жертве, не вызванные никакими поступками жертвы, которые могли бы подтолкнуть нападающего на такие действия;

6) агрессия, вызванная раздражением, — агрессивные действия, первичная функция которых — редуцирование или снятие состояния раздражения;

7) побудительная агрессия — агрессивные действия, первичная причина которых — получение внешней стимуляции;

8) санкционированная агрессия — агрессивные действия, служащие социальным нормам и не выходящие за их рамки.

Однако методики, используемые для выявления агрессивных и аутоагрессивных тенденций, создавались и существуют как бы независимо от теорий, которых придерживались их авторы, причем стихийно, для решения конкретных научно-практических и/или прикладных задач, их перечень ограничен, а диагностируемые показатели агрессивности вряд ли в полной мере отражают особенности проявлений агрессии и аутоагрессии. Например, в работе А.Н. Воронина и Е.В. Лучининой [6] изучалось проявление агрессии при использовании следующих методик диагностики: традиционные (тест руки Вагнера, тест «Несуществующее животное» и тест «Неоконченные предложения»), контент-анализ различной вербальной продукции испытуемых (докладные записки, устные и письменные комментарии при выполнении обследования). В работе было показано, что для адекватной оценки агрессивности ее необходимо дифференцировать по направленности (агрессия и аутоагрессия) и выделять вербальный и невербальный (действенный) план агрессивности. При этом при использовании традиционных методов исследования повышалась дискриминантность оценки агрессивности, а при использовании контент-анализа повышалась эффективность оценки аутоагрессивности. Отметим также, что крайне важное влияние на проявление агрессивности человека оказывает социальная среда, его

непосредственное социальное окружение. В проведенном исследовании принята попытка изучения влияния непосредственного окружения человека, в первую очередь микросоциального, на его агрессивность. В определенной степени это исследование выполнено в рамках интеракционизма [24], базирующегося на следующих положениях:

1. Поведение есть функция постоянно действующих разнонаправленных взаимодействий между человеком и ситуациями, с которыми он преднамеренно или непреднамеренно сталкивается.

2. Человек намеренно и активно участвует во взаимодействиях.

3. Релевантными характеристиками личности являются мотивы, познание и эмоции.

4. Существующие черты окружения имеют ситуативную значимость для человека.

Более конкретная реализация данного подхода представлена в теории профессиональных интересов Холланда [28], типологически описывающей как индивида, так и среду, в которой он находится. Концепция «транзакций» также учитывает взаимодействие между человеком и средой, при этом предполагается обоюдное влияние и реципрокное взаимодействие личности и среды [30], следствием взаимодействия является их взаимная адаптация. Обобщая различные подходы на психологическом уровне, можно указать, по крайней мере, три парадигмы взаимоотношений человека и среды [31]:

1. Взаимодействие человека и среды как адаптация. Среда выступает как источник информации, как носитель физических особенностей и как сфера взаимодействия между людьми. Человек

адаптируется к средовым изменениям, выбирая поведение, адаптивное к событиям. Результатом адаптации или дезадаптации становится изменение личностных черт.

2. Взаимодействие человека и среды как использование возможностей. Среда понимается как источник возможностей и ограничений для целенаправленных действий. Индивид стремится достичь своих целей, удовлетворить потребности, реализовать проекты. Среда описывается как временная и пространственная структура тем же способом, каким она описывается социальными географами.

3. Система человек — окружение рассматривается как поле взаимодействия социокультурных сил. Среда выступает в качестве набора культурно обусловленных систем и установок. Среда изменяется в силу изменения политических, социальных, культурных и экономических факторов. Человек — феномен, который соответствует социокультурной системе и воспроизводит ее. Человек изменяется, потому что социокультурная система требует изменений в поведении (например, нормативные возрастные изменения).

Именно на понимании социального окружения как поля взаимодействия социокультурных сил мы и базировались при планировании и проведении описываемого исследования.

Идея *первого этапа исследования влияния социальной микросреды* на проявление агрессивности заключалась в реализации квазиэксперимента по оценке агрессивности людей при существенном изменении условий социального окружения. Экспериментально впервые такого рода исследование было

проведено в известном стенфордском эксперименте Ф. Зимбардо по психологическому исследованию реакции человека на ограничение свободы в условиях тюремной жизни и влияния навязанной социальной роли на поведение [27].

В проведенном нами исследовании изменения микросоциальной среды были вызваны реформой органов внутренних дел, прошедшей в 2011 г., в результате которой милиция была реорганизована в полицию, при этом произошли существенные изменения в условиях несения службы сотрудниками. В результате реформы на них были наложены некоторые ограничения (вплоть до строжайшего запрета) на проявления агрессивности. Основной инструкцией выступил Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ужесточивший требования, предъявляемые к сотрудникам полиции. Ужесточения главным образом коснулись прав и обязанностей полицейского как представителя власти. Усилился контроль за поведением сотрудников на службе, за правомерностью применения физической силы, за отношениями с гражданами, пострадавшими и задержанными. Дополнительно на протяжении всего времени эксперимента оказывалось постоянное давление на сотрудников гражданскими наблюдателями, представителями средств массовой информации и общественности. Малейшее нарушение со стороны последних предавалось огласке и вело к принятию дисциплинарных мер уже со стороны непосредственного руководства. Наряду с усилением внешнего контроля стали более серьезными требования, предъявляемые к сотрудникам. Для вступления в ряды полиции им нужно было пройти полную переат-

Таблица 2

**Маркеры определения агрессивности и аутоагрессивности
психодиагностических методов**

Агрессивность	Аутоагрессивность
Тест руки Вагнера: - директивность - агрессивность - калечность	Тест руки Вагнера: - калечность - страх - директивность
Рисунок несуществующего животного: - когти - рога - клыкастая пасть	Рисунок несуществующего животного: - пустые глазницы - сильная штриховка - шипы, иглы
Контент-анализ вербальной продукции по Готтшалк-Глезер: - субъект высказывается об убиении других, сражении с ними, нанесении им повреждений или угрожает этим; - субъект сам использует враждебные слова, ругается, упоминает злобу или ярость; - тела (человеческие или домашних животных) повреждаются, подвергаются унижению, оскверняются	Контент-анализ вербальной продукции по Готтшалк-Глезер: - упоминания о чувстве разочарованности в себе, о неспособности соответствовать ожиданиям других и своим собственным; - другие люди грабят, оставляют без помощи интервьюируемого, являются причиной его страданий и мук, или же угрожают ему этим

тестацию, в ходе которой проверялось их физическое, психическое здоровье, интеллектуальный уровень, законопослушность, профессиональные навыки и знание законов. Тех, кто по различным причинам оказывался не годен к дальнейшей службе, из органов внутренних дел увольняли без возможности дальнейшего восстановления.

Таким образом, осуществляемое нами эмпирическое исследование влияния социального окружения на агрессивность в отличие от эксперимента Ф. Зимбардо являлось естественным экспериментом, имеющим высокую экологическую валидность.

Для оценки агрессивности в исследовании использовались следующие методики: тест руки Вагнера [16], тест «Несуществующее животное» [5], тест «Неоконченное предложение» [14] с последующим контент-анализом по методу Готтшалка и Глезер [26]. Показатели

методик группировались по направленности агрессивности и по характеру ее проявлений (вербальные и невербальные) (табл. 2).

Мы диагностировали с помощью описанных методик агрессивность сотрудников территориального отдела внутренних дел г. Москвы *до и после реформы*. При этом после переаттестации из 24 сотрудников осталось 20. Интервал между двумя этапами тестирования составил 1 год. В течение реформирования органов внутренних дел (по сути, экспериментального воздействия) с испытуемыми проводились беседы, в ходе которых задавались вопросы об окружении, о трудностях службы. В процессе работы с сотрудниками ОВД был проведен анализ дискурса в различных условиях службы и во вне служебное время. Основываясь на служебных характеристиках, а также в взаимодействии сотрудников с коллегами и гражданами были

выделены две подгруппы: в первую вошли сотрудники с преобладанием агрессивных проявлений, во вторую — с преобладанием аутоагрессивных.

Сотрудники, условно отнесенные к первой группе, чаще других проявляли в речи несдержанность, использовали ненормативную лексику, бранные слова в общении с коллегами и многочисленными товарищами. Также среди данных сотрудников оказались те, в отношении кого были написаны заявления от граждан с недовольством их работой, культурой речи и заявления об оскорблении. Среди типичных тем, поднимающихся в речи таких сотрудников, можно выделить следующие: конфликт с кем-то из сотрудников, неудовлетворенность чьим-то поведением, драка, конфликт на дороге, шутки с использованием ненормативной лексики.

Среди сотрудников, условно отнесенных в группе аутоагрессивных, чаще в служебных характеристиках фигурировало определение замкнутости. В процессе общения с коллегами по службе и друзьями нередко озвучивались темы о сложности жизни, трудностях, минорного настроения и нежелания что-либо делать. Чаще такие сотрудники работали поодиночке. Заявлений от граждан на таких сотрудников практически не поступало, однако в отношении данной группы чаще высказывались замечания о внешнем виде, об отсутствии заинтересованности работой, отвлеченности, пристрастии к алкогольным напиткам. Ненормативная лексика данными сотрудниками открыто не использовалась. Среди типичных тем для разговоров в данной группе можно отметить: обиду на кого-то из сотрудников/друзей, переживание

по поводу возможного наказания или увольнения; желание все бросить, конфликты с руководством, проблемы в семейной жизни.

В ходе опросов сотрудников о проведенной реформе выяснилось, что, по их мнению, «они потеряли уважение в глазах обычных людей». Большинство опрошенных считали, что «люди перестали бояться милиции», что «(граждане)... ищут повод, чтобы подставить полицейского, вывести его из себя и снять это на видео для Интернета». Многие сотрудники соглашались с тем, что до реформы у окружающих было меньше возможности как-то повлиять на их жизнь и работу. Однако в ходе реформы руководители подразделений, которые ранее выступали защитниками для своих сотрудников, стали меньше поддерживать рядовых полицейских и все чаще применять крайние меры, вплоть до увольнения. Таким образом, по мнению испытуемых, практически каждый человек по незначительному поводу мог решать судьбу любого полицейского.

Проведенный анализ дисциплинарных взысканий и наказаний показал, что, в частности, в данном подразделении после принятия Федерального закона «О полиции» появилось два органа, оказывающих контроль и несущих карательную функцию: Комиссия по дисциплине и этике и Офицерское собрание, главная функция которых — принятие решений о целесообразности продолжения службы провинившимся сотрудником. На заседаниях обоих органов контроля рассматриваются заявления на сотрудников, правонарушения (в том числе нарушения правил дорожного движения), нарушения дисциплины и этических норм.

Таблица 3

Удовлетворенность служебной деятельностью

Удовлетворенность основными аспектами, влияющими на эффективность служебной деятельности		
Параметры служебной деятельности	Удовлетворен	
	до воздействия	после воздействия
Общая организация службы	85 %	50% *
Обеспеченность оперативной информацией	70%	60%
Взаимодействие с другими службами	70%	50%
Состояние дисциплины среди личного состава	65%	80%
Взаимоотношения с коллегами	80%	75%
Взаимоотношения с руководством	60%	50%
Равномерность распределения нагрузок	70%	40%
Рациональная расстановка кадров	65%	50%
Режим работы	70%	40%
Социально-бытовые условия	40%	30%
Материально-техническое обеспечение	35%	30%
Профессиональная подготовка сотрудников	70%	60%
Возможность реализовать свои способности	80%	60%
Удовлетворенность результатами деятельности подразделения	65%	50%
Удовлетворенность результатами Вашей работы	85%	50%
Объективность и справедливость оценки результатов Вашего труда	70%	40%
Возможность открыто выступать с критикой	75%	40%
Своевременность и объективность разрешения конфликтных ситуаций	80%	65%

* Жирным выделены параметры, уровень которых снизился значимо.

Через год после внесения изменений в законодательство и прохождения переаттестации было осуществлено повторное тестирование агрессивности сотрудников с использованием тех же методик, что и ранее. Дополнительно сотрудникам, принявшим участие в исследовании, было предложено оценить удовлетворенность службой, отделом и климатом в коллективе в целом до и после проведения реформы МВД. Для оценки удовлетворенности испытуемые заполняли

опросник, включавший в себя перечень характеристик службы. Опросник был стандартным для оценки удовлетворенностью службой при исследовании климата в служебных коллективах в органах внутренних дел. Полученные результаты приведены в таблице 3.

Исходя из субъективной оценки основных аспектов службы, оказывающих непосредственное влияние на повседневную деятельность сотрудников, можно отметить, что удовлетворенность

Таблица 4

**Уровни агрессивности до и после изменения условий социальной микросреды
(изменения условий несения службы)**

Показатели	До	После	Критерий U Манна — Уитни
Невербальная агрессивность	21,2	19,83	186
Невербальная аутоагрессивность	21,3	19,68	183
Вербальная агрессивность	22,48	18,53	163*
Вербальная аутоагрессивность	22,35	18,65	160*

* — значимые различия на уровне $p=0,01$.

по 17 из 18 предложенных категорий оценки снизилась после проведения реформы. В 8 категориях из 17 снижение удовлетворенности отмечается на 20% и более.

Используя статистику U Манна-Уитни и метод сравнения средних рангов, были проанализированы показатели агрессивности основных используемых методик. В ходе анализа установлена согласованность по вербальным и невербальным показателям агрессивности разной направленности, поэтому показатели по тесту руки и тесту «Несуществующее животное» были объединены в показатели невербальной агрессивности, а показатели по методике «Неоконченное предложение» — в показатели вербальной агрессивности. Обобщенные показатели приведены в таблице 4.

Анализируя полученные данные, можно отметить снижение уровня агрессивности и аутоагрессивности в обследуемой группе. По данным субъективных отчетов обследуемых, за время осуществления реформы полиции произошло смещение фокуса агрессивности на проявления в речи. Данный аспект деятельности полицейского приобрел особое значение: все обследуемые отметили значительные усилия, направленные на контроль собственной вер-

бальной агрессивности. Это нашло подтверждение в результатах обследования — значимое снижение вербальной агрессивности. Можно сказать, что такой тип поведения стал генерализованным и распространяется как в повседневной деятельности полицейского, так и в ходе очередной аттестации.

Таким образом, по результатам данного исследования можно сделать вывод о том, что изменение микросоциальной среды оказывает значимое влияние на проявление агрессивности человеком. Изменение условий среды в сторону ужесточения контроля и введение новых правил, ограничивающих явно агрессивное поведение; повышение транспарентности деятельности полиции, особенно в коммуникационном плане при взаимодействии с населением; повышение требований к квалификации полицейских — все это приводит к снижению агрессивности полицейских. Качество коммуникативного взаимодействия повышается, при этом существенно снижается вербальная агрессия и снижается удовлетворенность служебной деятельностью.

Второй этап исследования влияния социального окружения на проявления агрессивности предполагал расширение перечня контролируемых парамет-

тров социальной микросреды и учет дополнительных характеристик изучаемых выборок испытуемых. При этом мы стремились остаться в рамках естественно-го эксперимента, не снижая уровня экологической валидности исследования.

В идеале было необходимо найти различные группы людей, работающих в условиях с различным уровнем проявления агрессивности, разными уровнями запретов на проявления агрессивности, вариантами контроля собственной агрессивности, с различными требованиями к квалификации и подготовке к работе в «агрессивных социальных средах». В итоге было отобрано 80 человек, по 20 человек из 4 разных профессиональных групп, различающихся по указанным характеристикам: сотрудники уголовного розыска, сотрудники патрульно-постовой службы, юристы коммерческой фирмы, прихожане Евангелистской баптистской церкви.

Уголовный розыск полиции был определен как особый вид деятельности в условиях явно агрессивной социальной среды. К сотрудникам уголовного розыска предъявляются требования о необходимости непосредственного общения с преступниками, они часто ездят в командировки и осуществляют внедрение в преступные группы, носят огнестрельное оружие на постоянной основе и регулярно его применяют согласно Федеральному закону «О полиции». Анализ служебных характеристик показал, что среди сотрудников розыска часто встречаются люди с такими характеристиками, как активность, настойчивость, упрямство, агрессивность. Поведение этих сотрудников регламентировано нормативными документами, регулируется руководителем службы. Одна-

ко сама специфика службы предполагает их включение в агрессивное взаимодействие и явное проявление агрессивности в деятельности. Существующие запреты на проявление агрессивности можно считать формальными. В группу уголовного розыска вошло 20 человек — офицерский состав, образование — высшее (первая группа).

Деятельность патрульно-постовой службы полиции также осуществляется в условиях агрессивной социальной среды, при этом сотрудникам разрешено применять физическую силу при задержании, использовать огнестрельное оружие. Они тоже имеют непосредственный контакт с нарушителями общественного порядка. Как и для первой группы, применение силы, права и обязанности сотрудника регламентированы Федеральным законом «О полиции», а также Уставом патрульно-постовой службы полиции и иными нормативными документами. Анализ служебных характеристик показал, что у сотрудников патрульно-постовой службы полиции часто отмечаются следующие черты: активность, агрессивность, сниженная самокритичность. Но их поведение контролируется не только руководством, но и общественными организациями, представителями гражданских наблюдателей и журналистами в связи с тем, что данная категория сотрудников непосредственно взаимодействует с гражданами на улицах. Сотрудникам патрульно-постовой службы в большей степени приходится сдерживать свои агрессивные тенденции. Обследуемая группа включала рядовой и сержантский состав со средним и средним специальным образованием (группа 2).

Работа в юридическом отделе была определена как среда с неявно проявляемой агрессивностью. Из анализа характеристик сотрудников с работы было выявлено, что у них часто наблюдаются такие черты как высокая ответственность, трудоголизм, конфликтность. Их поведение регулируется внутренним уставом компании, агрессивность в работе не поощряется. Однако в процессе взаимодействия сотрудников, при работе в судах, разборе конфликтных или иных запросов юридического характера агрессивность так или иначе проявляется с обеих противоборствующих сторон, а иногда является необходимостью для успешного завершения дела. В обследуемую группу сотрудников входили юристы с высшим образованием (группа 3).

Приход Евангелистской баптистской церкви был определен как среда с декларативно-скрывааемой агрессивностью. Основываясь на позиции Библии и Евангелии, прихожане не проявляют агрессивность, декларируют приверженность неконфликтному поведению согласно пропагандируемым нравственным нормам. Характеристики на прихожан в церкви отсутствуют, но руководители настаивают на том, что среди посетителей все характеризуются положительно, не проявляют агрессии, стремятся к так называемой праведной жизни. Контроль за проявлениями агрессивности возложен на настоятеля и членов общины. Уровень образования обследуемой группы прихожан средний и ниже, определялся только с их слов и слов настоятеля, часть прихожан имели судимость (группа 4).

Средний возраст обследуемых во всех группах составлял 27–30 лет. В связи с тем что в первой и во второй

группах не оказалось ни одной женщины, было принято решение не разделять группы по гендерному признаку.

Обследование испытуемых во всех группах осуществлялось с помощью использованных ранее методик диагностики агрессивности: тест руки Вагнера, тест «Несуществующее животное» Дукаревич, тест «Неоконченные предложения» Сакса, Леви, контент-анализ вербальной продукции по методу Готтшалка и Глезер. Полученные данные обрабатывались следующим образом:

- сравнение более чем двух независимых выборок по методу Краскала и Уолиса (табл. 5);
- попарное сравнение независимых выборок по методу Манна и Уитни.

Согласно полученным результатам анализа можно говорить о том, что статистическая гипотеза об отсутствии различий между группами подтверждается для распределения по шкале аутоагрессивности в тесте руки. В остальных случаях подтверждается альтернативная гипотеза о наличии значимых различий в распределении результатов в группах, то есть существуют значимые различия по 5 диагностируемым показателям из 6.

Для уточнения полученных результатов был проведен попарный межгрупповой анализ с применением статистики U Манна—Уитни. Всего было составлено 6 таблиц попарных сравнений. В качестве примера приведена первая из таблиц — попарное сравнение показателей между 1-й и 2-й группой (табл. 6).

Полученные результаты в разных таблицах сопоставлялись и сравнивались со средним значением по всем четырем выборкам. В обобщенном виде с учетом средних показателей по всем группа ре-

Таблица 5

Сравнение независимых выборок по методу Краскала — Уолиса

Нулевая гипотеза о распределении	Значимость	Решение
Невербальная агрессивность НЖ	0,000	НО отклоняется*
Невербальная аутоагрессивность НЖ	0,000	НО отклоняется*
Невербальная агрессивность ТР	0,000	НО отклоняется*
Невербальная аутоагрессивность ТР	0,216	НО принимается*
Вербальная агрессивность КА	0,000	НО отклоняется*
Вербальная аутоагрессивность КА	0,000	НО отклоняется*

* — на уровне значимости $\alpha = 0,01$;

ТР — по данным теста руки;

ТЖ — по данным теста «Несуществующее животное»;

КА — по данным контент-анализа.

результаты исследования представлены в таблице 7.

Для построения таблицы использовалась 5-балльная шкала, при этом различия в 2 балла являются значимыми, например между «высокая» и «сред-

няя», между «ниже среднего» и «выше среднего». Полученные данные можно объединить по двум исследуемым параметрам — направленность агрессивности и характер проявления агрессивности, получая таким образом суще-

Таблица 6

Попарное сравнение средних показателей агрессивности в группах 1 и 2

Показатели	Группа	Средний ранг	Статистика U Манна — Уитни	Asymp. Sig.
Невербальная агрессивность НЖ	1	22,85	153,0	,211
	2	18,15		
Невербальная аутоагрессивность НЖ	1	21,35	183,0	,659
	2	19,65		
Невербальная агрессивность ТР	1	19,80	186,0	718
	2	21,20		
Невербальная аутоагрессивность ТР	1	25,53	99,5*	,006*
	2	15,48		
Вербальная агрессивность КА	1	18,68	155,0	,231
	2	22,33		
Вербальная аутоагрессивность КА	1	22,60	153,0	,211
	2	18,40		

* — на уровне значимости $\alpha = 0,01$;

ТР — по данным теста руки;

ТЖ — по данным теста «Несуществующее животное»;

КА — по данным контент-анализа.

Таблица 7

Сопоставление различных видов агрессивности по обследуемым группам

Показатели	Группа 1 Сотрудники уг. розыска	Группа 2 Полицейские	Группа 3 Юристы	Группа 4 Прихожане церкви
Невербальная агрессивность НЖ	Выше среднего	Выше среднего	Средняя	Ниже среднего
Невербальная аутоагрессивность НЖ	Низкая	Низкая	Выше среднего	Высокая
Невербальная агрессивность ТР	Ниже среднего	Выше среднего	Средняя	Средняя
Невербальная аутоагрессивность ТР	Выше среднего	Средняя	Средняя	Средняя
Вербальная агрессивность КА	Высокая	Выше среднего	Ниже среднего	Ниже среднего
Вербальная аутоагрессивность КА	Низкая	Средняя	Выше среднего	Высокая

ственные характеристики агрессивности, соответствующие различным микросоциальным средам и особенностям выборки лиц, выполняющих в этих средах свои профессиональные обязанности и/или ведущие определенный образ жизни (табл. 8).

Анализируя полученные данные можно сопоставить особенности «агрессивной» среды и преобладание определенного типа агрессивности человека в той или иной микросоциальной среде (табл. 9).

Так, в группах с высоким культурным уровнем действенный план агрессивности проявляется через аутоагрессию, выраженную в самообвинении, склонности к употреблению алкогольных напитков, а в крайних случаях — суицидальным попыткам. В группах с низким культурным уровнем испытуемые в большей степени склонны к внешне агрессивным действиям.

Предполагается, что социальный статус данных групп не является огра-

нителем и не накладывает условий на поведение их участников. Таким образом, люди, лишённые внешних ограничений и не чувствующие необходимости поддерживать свой социальный статус, в большей мере склонны к прямой агрессии в поведении.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень образования и культуры значимо влияет на проявления агрессивности, в первую очередь вербальной. Чем выше образовательный и культурный уровень, тем более вероятны вербальные агрессивные реакции, которые будут проявляться раньше прямых агрессивных действий. Действенный план агрессивности в группах с высоким культурным уровнем проявляется через аутоагрессию, выраженную в самообвинении, склонности к употреблению алкоголя, а в крайних случаях возможны попытки суицида. Чем ниже образовательный и культурный уровень, тем вероятнее проявление прямой агрессии, вербальные агрессивные ре-

Таблица 8
Сопоставление различных видов агрессивности и особенностей среды

Тип среды	Явно проявляемая агрессивность других Высокий культурный уровень	Явно проявляемая агрессивность других, необходимость контроля собственной агрессивности Низкий культурный уровень	Неявно проявляемая агрессивность других, необходимость контроля собственной агрессивности Высокий культурный уровень	Необходимость скрывать собственную агрессивность Низкий культурный уровень
Группы	Сотрудники уг. розыска (группа 1)	Полицейские (группа 2)	Юристы (группа 3)	Прихожане церкви (группа 4)
Невербальный план агрессии	Агрессивность Аутоагрессивность *	Агрессивность	Аутоагрессивность	Аутоагрессивность
Вербальный план агрессии	Агрессивность	Агрессивность	Аутоагрессивность	Аутоагрессивность

* — диагностируется амбивалентная направленность агрессии при использовании различных методик: с использованием теста «Несуществующее животное» выявлено превышение агрессивности по сравнению с другими группами, а по тесту руки выявлено превышение аутоагрессивных реакций. Данная амбивалентность вполне объяснима — у людей с более высоким образовательным и культурным уровнем выше самоконтроль и вербальный контроль собственной агрессивности.

Таблица 9

Значимое превышение уровня агрессивности в группах с различными условиями микросоциальной среды

Тип среды и особенности группы	Типы агрессивности
Среда с явно проявляемой агрессивностью, деятельность, связанная с риском и повышенной физической активностью. Высокий образовательный и культурный уровень (уголовный розыск полиции)	Повышенный уровень невербальной агрессивности и аутоагрессивности *. Высокий уровень вербальной агрессивности
Среда, в которой агрессивность явно проявляется и контролируется извне; деятельность, связанная с риском, физической активностью. Средний образовательный и культурный уровень (патрульная служба полиции)	Повышенный уровень вербальной и невербальной агрессивности
Среда, в которой агрессивность неявно проявляется и контролируется извне; деятельность связанная с коммуникацией, разрешением споров. Высокий образовательный и культурный уровень (гражданские юристы)	Повышенный уровень вербальной и невербальной аутоагрессивности
Среда, в которой требуется сознательно скрывать свою агрессивность Средний и ниже среднего образовательный и культурный уровень; деятельность, связанная с коммуникацией, поддержкой и помощью (прихожане баптистской церкви)	Повышенный уровень вербальной и невербальной аутоагрессивности

акции чаще сопровождают акты прямой агрессии и не значимы сами по себе. Предполагается, что социальный статус людей в этих группах не является сдерживающим фактором и не влияет на поведение участников групп. Такие люди без внешних ограничений не чувствуют необходимости поддерживать свой социальный статус и склонны к прямой агрессии в поведении в условиях агрессивного окружения.

Разные типы агрессивной среды, вероятнее всего, вызывают ситуативно адекватные агрессивные реакции. Если среда явно агрессивная (в нашем случае — уголовный розыск, патрульно-постовая служба), то и прямая агрессия как реакция на агрессивное окружение является вполне адекватной. Если агрессивность скрытая, неявная (юристы), то агрессивные намерения также скрываются, но это приводит к повышению аутоагрессивности. В общем-то, и сознательный контроль за собственными агрессивными тенденциями (юристы, баптисты) приводит к аналогичным результатам.

Литература

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1990.
2. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
5. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: иллюстрированное руководство. М.: Владос-Пресс, 2006.
6. Воронин А.Н. Лучинина Е.В. Дискриминантность вербальных и невербальных методов оценки агрессивности // Экспериментальная психология. 2011. № 1. Т. 4. С. 85–99.
7. Годфруа Ж. Что такое психология : в 2 т. Т. 2. М., 1992.
8. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение моло-

дежи в контексте социальной ситуации // СоцИс. 2003. № 4.

9. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.

10. Кретти Б. Дж. Психология в современном спорте. М., 1978.

11. Лоренц К. Агрессия: так называемое «зло». М., 1994.

12. МакДауголл У. Различение эмоции и чувства // Психология эмоций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

13. Пилягина Г.Я. Аутоагрессия: биологическая целесообразность или психологический выбор? // Таврический журнал психиатрии. 1999. Т. 3. № 3.

14. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / под ред. Д.Я. Райгородского. М., 2006.

15. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. Т. 17. 1996. № 5.

16. Романова Е.С., Потемкина О.Ф. Графические методы в психологической диагностике. М.: Дидакт, 1992.

17. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

18. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии // Психол. журнал. 1999. Т. 20. № 6.

19. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М., 1989.

20. Хекхаузен Х. Агрессия // Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1.

21. Bandura A. Self-regulation of motivation and action through goal systems // In L.A. Pervin (Ed.) Goal concepts in personality and social psychology. Hillsdale, NJ : Erlbaum. 1988.

22. Buss A. H. The psychology of aggression. New York: Wiley, 1961.

23. Dollard J., Doob L., Miller N.E., Mowrer H.O., Sears R.R. Frustration and Aggression. New-Haven: Yale, 1939.

24. Enderl N.S. and Magnusson D. (1976). Toward an interactional psychology of personality // Psychological Bulletin. 83, 956–974.

25. Feschbach S. The function of aggression and the regulation of aggressive drive // Psychological Review. — 1964. № 4. S. 257–272.

26. Gottschalk L.A., Gleser G.C. The Measurement of Psychological States through the Content Analysis of Verbal Behavior Berkely: of Californian Press, 317 p., 1969.

27. Haney C., Banks W.C., Zimbardo P.G. A study of prisoners and guards in a simulated prison // Naval Research Review, 30, 4–17. 1973.

28. Holland J.L. A personality inventory employing occupational titles. // Journal of Applied Psychology. 1958. № 42. Pp. 336–342.

29. Moos R., & Moos B. Family Environment Scale manual, 2nd ed. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1986.

30. Pervin L.A. Personality. Theory, Assessment and Research. New York: J.Wiley. 1993.

31. Saegert H., Winkel G. Environmental Psychology // Annual Review of Psychology, 41. 1990. P.441–447.

32. Schiff A., Schiff J. Passivity / Transactional Analysis Journal. 1971. Vol. 1. № 1.

33. Sells J.B., James L.R. Organizational Climate. In J.R. Nesselraode & R.B.Cattell // Handbook of Multivariate Experimental Psychology. New York: Plenum Press, 1988.

34. Zillman D. Hostility and aggression. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1978.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЛОВОГО ПАРТНЕРСТВА *

Т. С. Вавакина, В. П. Позняков

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению психологических факторов эффективности делового партнерства. Одной из теоретических основ исследования выступает концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов экономической деятельности и совместной жизнедеятельности. В качестве показателей эффективности делового партнерства рассматриваются оценки успешности делового взаимодействия, удовлетворенность процессом взаимодействия с партнерами и оценки эмоциональной удовлетворенности и неудовлетворенности взаимодействия с ними.

Ключевые слова: российские предприниматели, экономическая психология, социальное взаимодействие, деловое партнерство, психологические отношения, ответственность, доверие, манипулирование, факторы эффективности, удовлетворенность.

Summary: The article presents the results of the empirical study on the effectiveness of psychological factors of business partnership. One of the theoretical foundations of the research supports the concept of psychological relations of individual and group economic actors and joint activity. As the performance of the efficiency of business partnerships the authors consider to assess the success of business interaction, satisfaction with the process of interaction with partners and assess the emotional satisfaction and dissatisfaction with the interaction with them.

Keywords: Russian entrepreneurs, economic psychology, social interaction, business partnership, psychological attitude, responsibility, trust, manipulation, efficiency factors, satisfaction

Данная статья продолжает изложение результатов целой серии выполненных авторами исследований социально-психологических факто-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (Грант № 12-06-12042-в «Информационно-исследовательская база данных «Социальная психология российского предпринимательства»).

ров делового партнерства [2, 4, 15, 20, 21, 22].

В самом общем виде представить сложившееся за последние 5–6 лет научное направление исследований целесообразно через выделение его теоретических оснований, на которых оно стало новилось. Во-первых, психологические исследования делового партнерства в бизнесе относятся к категории междисциплинарных, причем они характеризуются как внутриспсихологической, так и внешнепсихологической междисциплинарностью [5, 9]. Во-вторых, рассматриваемое научное направление опирается на результаты современных исследований многообразных социально-психологических проблем, имеющих самое непосредственное отношение к социальному поведению, социальным отношениям и социальному взаимодействию [15, 29, 32]. В-третьих, психология делового взаимодействия, в частности партнерства самых разных экономических субъектов, основана на использовании данных собственно экономической психологии, в которой разрабатываются психологические проблемы экономического сознания и разных форм экономического поведения, экономических отношений и взаимодействия [14, 25, 26, 33]. В-четвертых, психологические исследования делового партнерства предпринимателей теснейшим образом связаны, а фактически они включаются в более общее научное направление — социальную психологию российского предпринимательства, теоретические основания которой в отечественной психологии были заложены в самом начале 1990-х годов [11, 12], а затем развиты через реализацию крупных междисциплинарных исследо-

вательских проектов [28, 31]. В-пятых, теоретической основой данного научного направления выступает концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов экономической деятельности и совместной жизнедеятельности [13, 18, 19].

В перечисленных публикациях о результатах данного цикла исследований были представлены наиболее важные аспекты делового партнерства как социального взаимодействия. Эти работы в самых разных смыслах продолжают и развивают научные направления исследований управленческого взаимодействия [14, 17], взаимодействия управленческой и исполнительской деятельности [8], а также организации и управления совместной деятельностью [6, 10, 30], которые разрабатывались в Институте психологии РАН.

В предыдущих работах было выявлено отличие делового партнерства от других форм взаимодействия, описаны его свойства. Так, деловое партнерство предстает как сотрудничество, допускающее конкуренцию. Его характеризуют: автономность и относительная независимость деловых партнеров — субъектов экономической деятельности, чувствительность к вопросам стабильности статусов участников по отношению друг к другу и предпочтение паритетных отношений, особое внимание участников к таким социально-психологическим компонентам взаимодействия, как доверие и ответственность. Рассмотрены принципы, на которых базируются деловые взаимоотношения, дана характеристика субъектам взаимодействия. Были выявлены типы психологического отношения предпринимателей к деловому партнерству в

соответствии с ресурсно-ценностным подходом к анализу взаимодействия, который может быть дополнен и другими подходами, в частности психосоциальным [5, 9], субъектным [34], адаптационно-экологическим [27].

В данной работе основное внимание уделяется вопросу эффективности партнерства как вида взаимодействия. В каком случае деловое партнерство может считаться успешным и эффективным? Какие факторы необходимо учитывать, чтобы совместное дело было результативным, а деловые партнеры — удовлетворены и результатами взаимодействия, и взаимоотношениями?

Всего в исследовании 2012 г. приняло участие 179 предпринимателей. Выборка представлена респондентами из Москвы, Центрального региона России и Сибири. Во всех регионах было соблюдено распределение по полу 2/3 мужчин и 1/3 женщин, что соответствует представленности мужчин и женщин в современной предпринимательской среде. В исследовании участвовали предприниматели разных возрастных категорий, их средний возраст — в диапазоне 36–40 лет. Предприниматели представляли разные сферы малого и среднего бизнеса.

Эффективным мы считаем такое деловое партнерство, отношение к которому характеризуется прежде всего оценками успешности данного взаимодействия, удовлетворенности самим процессом взаимодействия с партнерами и отдельно — эмоциональной составляющей взаимоотношений с ними. Вместе с тем косвенно подтверждать эффективность делового партнерства может ценность его вклада в общий результат экономической деятельности, а также го-

товность проявлять активность в деловом партнерстве.

В нашем исследовании использовался следующий комплекс показателей эффективности делового партнерства, которые фиксировались в ответах на вопросы интервью.

1. Удовлетворенность процессом взаимодействия с деловыми партнерами.

- Насколько легко Вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами?

- Насколько комфортно Вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами?

2. Оценка успешности данного взаимодействия.

- Как Вы оцениваете (в целом) успешность Вашего взаимодействия с деловыми партнерами?

3. Оценка эмоциональной составляющей взаимоотношений с партнерами.

- Как бы Вы оценили положительные эмоции, удовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами?

- Как бы Вы оценили отрицательные эмоции, неудовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами?

4. Оценка ценности вклада делового партнерства в общий результат экономической деятельности.

- Оцените, пожалуйста, каков вклад успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат Вашего бизнеса (работы).

5. Готовность проявлять активность в деловом партнерстве.

- Насколько активно Вы сами иницилируете деловое партнерство?

Респонденты давали оценки по зрительно-аналоговой шкале, представ-

ляющей собой непроградуированный отрезок длиной 10 см, имеющий обозначения 0% с одной стороны и 100% — с другой.

Таким образом, изначально были заданы 7 вопросов, выявляющих эффективность взаимодействия: 5 вопросов предназначались для характеристики успешности взаимодействия и 2 — для оценки положительных и отрицательных эмоций, сопровождающих этот процесс. Оценки по пяти приведенным выше вопросам оказались тесно взаимосвязаны, поэтому использовался факторный анализ с целью сокращения числа переменных. Мы остановили выбор на 4-факторном решении, описывающем 82,23% общей дисперсии.

Фактор F1: оценка успешности взаимодействия с партнерами (28,83% объясняемой дисперсии). В этот фактор вошли переменные:

- насколько активно Вы сами иницилируете деловое партнерство? (факторная нагрузка 0,833);
- насколько легко Вам выстраивать успешное взаимодействие с деловыми партнерами? (0,787);
- насколько комфортно Вы обычно чувствуете себя во взаимодействии с деловыми партнерами? (0,704).

Фактор F2: оценка успешности результата взаимодействия с партнерами (23,41% объясняемой дисперсии). В этот фактор вошли переменные:

- оцените, пожалуйста, каков вклад успешного взаимодействия с деловыми партнерами в конечный результат Вашего бизнеса (работы) (0,851);
- как Вы в целом оцениваете успешность Вашего взаимодействия с деловыми партнерами? (0,820).

Фактор F3: эмоциональная удовлетворенность взаимодействием с партнерами (15,12% объясняемой дисперсии) включает переменную:

- как бы Вы оценили положительные эмоции, удовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами? (0,957).

Фактор F4: эмоциональная неудовлетворенность взаимодействием с партнерами (14,87%) содержит переменную:

- как бы Вы оценили отрицательные эмоции, неудовольствие, получаемое от взаимодействия с Вашими партнерами? (0,979).

Нас интересовал вопрос о том, что же способствует, а что препятствует эффективности делового партнерства? На какие свойства взаимодействия стоит обращать особое внимание, поскольку они наиболее важны для успешности взаимодействия и удовлетворенности взаимоотношениями с партнерами?

В качестве *психологических факторов эффективности* делового партнерства рассматривались различные характеристики взаимодействия и взаимоотношений деловых партнеров. Дадим описание этих параметров и показателей, использовавшихся для их оценки.

1. Принципы и нормы делового партнерства.

Отношение к принципам взаимодействия, в том числе к базовым — прагматичности и нравственности и частным инструментальным — справедливости, равенству, взаимности. *Вопрос:* Как Вы считаете, насколько важны перечисленные ниже принципы во взаимодействии деловых людей? Оценки давались по зрительно-аналоговой шкале от 0 до 100%.

Отношение к наиболее значимым нормам делового партнерства — ответственности и доверию. *Вопрос:* Как Вы оцениваете степень Вашего доверия и Вашей ответственности по отношению к другим участникам взаимодействия (по шкале, где: 1 — крайне низкая степень, а 7 — крайне высокая)? Степень доверия и ответственности необходимо было оценить в шести разных ситуациях взаимодействия по отношению к партнерам, с которыми Вы:

- до сих пор не сотрудничали, но планируете взаимодействовать, предпринимаете шаги по установлению партнерских отношений;
- взаимодействуете непродолжительное время;
- взаимодействуете эпизодически, по мере необходимости;
- регулярно взаимодействуете в краткосрочных проектах;
- взаимодействуете в долгосрочных проектах;
- в прошлом успешно взаимодействовали, но в настоящее время не имеете партнерских отношений.

Отношение к нормам делового партнерства, отражающим ориентацию на достижение прежде всего собственных интересов во взаимодействии: влияние, манипулирование, скрытность и лицемерие в партнерских взаимоотношениях. *Вопрос:* Насколько допустимо, по Вашему мнению, во взаимоотношениях деловых партнеров...? Далее по каждому пункту (влияние, манипулирование, скрытность, лицемерие) респонденты оценивали по 7-балльной шкале (от -3 до +3), в диапазоне «недопустимо — допустимо».

2. Оценка делового партнера.

Вопрос: Постарайтесь как можно

объективнее оценить отдельные качества, которые характеризуют Вашего делового партнера. Использовалась авторская методика для изучения представлений о деловом партнере и отношения к нему. Методика разработана на основе личностного дифференциала по характеристикам, выявленным в ходе теоретического анализа и по результатам предыдущих исследований, и состоит из двух блоков. Оценки даются по 7-балльной шкале.

1. Образ делового партнера. Этот блок методики состоит из отдельных bipolarных шкал и нацелен на выявление образа делового партнера.

2. Отношение к деловому партнеру. В этом блоке методики на устранение социальной желательности направлены парные компенсирующие шкалы, в которых оценочный и дескриптивный компоненты значения соединены противоположным образом [2].

Рассогласование оценок делового партнера, полученных по указанным выше двум блокам методики. Выявлена и принята к рассмотрению величина расхождения в оценках по первому и второму блокам методики, то есть между декларируемой оценкой образа партнера и отношением к нему (по парным компенсирующим шкалам).

3. Оценка опыта взаимодействия с деловыми партнерами фиксировалась по трем характеристикам.

Вопрос: Как часто в процессе Вашей деятельности Вам случается находить взаимопонимание, содействие и поддержку партнеров?

Вопрос: Как часто Вам приходится встречаться с конфликтами в отношениях с деловыми партнерами?

Оценки по этим двум вопросам дава-

лись по 5-балльной шкале в диапазоне «очень редко — очень часто».

Вопрос: Оцените степень надежности большинства Ваших партнеров по бизнесу (по шкале от 1 до 7, в диапазоне «очень низкая — очень высокая»).

4. Оценка мотивов, побуждающих к деловому партнерству, осуществлялась по четырем характеристикам — вариантам ответа на вопрос (см. ниже). Оценки давались по зрительно-аналоговой шкале от 0 до 100%.

Вопрос: В какой мере участие в деловом партнерстве определяется для Вас следующими факторами:

- возможностью использовать материальные, экономические, финансовые и другие ресурсы партнера, необходимые для совместного достижения целей взаимодействия (экономическая мотивация);

- «политическими» соображениями; возможностью использовать в своих целях социальные связи, опыт, компетентность, личное расположение к Вам партнера и т. п. (социально-ресурсная мотивация);

- желанием сотрудничать с конкретным человеком, иметь дело именно с этим партнером, ценностью для Вас именно этого человека (субъектно-ценностная мотивация);

- ценностью делового партнерства для Вас лично, Вашей оценкой важности партнерства как такового (партнерско-ценностная мотивация)?

Результаты корреляционного анализа выявили ряд связей переменных, полученных в результате факторного анализа, с различными характеристиками делового взаимодействия и взаимоотношений партнеров. Рассмотрим наиболее интересные результаты.

Все принципы взаимодействия (более общие: *нравственность* и *прагматичность*, более частные инструментальные принципы: *справедливость*, *равенство*, *взаимность*) положительно связаны с оценкой предпринимателями успешности процесса делового взаимодействия, который предполагает их активность и инициацию делового партнерства, легкость и комфортность во взаимодействии с партнерами. Это свидетельствует о важности учета выделенных принципов, в организации успешного взаимодействия с партнерами (F1).

Наиболее ярко проявившаяся на этапе пилотажного исследования такая характеристика делового партнерства, как *взаимность*, которую респонденты стабильно отмечали в качестве необходимого условия успешного взаимодействия, связана с эмоциональной стороной делового партнерства, переживанием положительных эмоций. Взаимосвязь *равенства* и успешности по результату взаимодействия подтверждает предположение о необходимости для успешного делового партнерства паритетности отношений и стабильности статусов его участников.

Оценки респондентами относительной допустимости во взаимодействии с партнерами влияния, манипулирования, скрытности и лицемерия связаны с разными показателями эффективности делового партнерства. Так, *скрытность* не способствует удовлетворенности деловым партнерством, так как в этом случае ухудшается качество и эмоциональный фон процесса взаимодействия. Допустимость во взаимодействии *влияния* и/или *лицемерия* не способствует результативности делового партнерства. В свою очередь, допустимость *манипу-*

Таблица 1

Извлечение из матрицы интеркорреляций значимых коэффициентов корреляции факторов эффективности делового партнерства (ДП) и оценок различных его характеристик

Характеристики делового партнерства	Успешность ДП		Эмоции	
	F1 ПРОЦЕСС	F2 РЕЗУЛЬТАТ	F3 ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ	F4 ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ
ПРИНЦИПЫ, НОРМЫ				
Равенство	0,183*	0,216**		
Взаимность	0,149*		0,244**	
Справедливость	0,212**			
Прагматичность	0,220**			
Нравственность	0,228**	0,164*		
Влияние		-0,169*		
Манипулирование				0,220**
Скрытность	-0,180*		-0,186*	
Лицемерие		-0,183*		
ДОВЕРИЕ				
доверие-кратко	0,220**	0,161*		
доверие-долго	0,276***		0,227**	
доверие-после			0,196**	-0,244***
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ				
ответственность-планы		0,207***	0,250***	-0,241***
ответственность-недолго			0,161*	-0,258***
ответственность-эпизод				-0,225**
ответственность-кратко			0,144*	-0,209**
ответственность-долго			0,180*	-0,146*
ответственность-после				-0,173*
ОПЫТ				
Взаимопонимание, содействие, поддержка	0,195**		0,215**	
Конфликты в отношениях				-0,305***
Надежность партнеров		0,260***	0,282***	-0,151*
ОЦЕНКА ПАРТНЕРА				
Образ партнера	0,287***			-0,198**
Отношение к партнеру	0,170*		0,161*	-0,194**
Рассогласование оценки образа и отношения	-0,219**			
МОТИВЫ				
Экономико-ресурсная	0,265***	0,233***		
Социально-ресурсная	0,215**	0,146*	0,183*	
Субъектно-ценностная	0,205**	0,273***	0,210**	
Партнерско-ценностная	0,314***	0,353***	0,221**	

Примечание: р — уровень значимости корреляции: *** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p < 0,05$.

лирования напрямую связана с отрицательными эмоциями, которые испытывает человек при взаимодействии со своими партнерами. Когда респондент оценивает допустимость такого способа взаимодействия, вряд ли речь идет о манипулировании по отношению к себе, скорее — о допустимости самому поступать подобным образом по отношению к партнерам. Видимо, не стоит без нужды прибегать при взаимодействии к манипулированию другими людьми, если не хотите испытать на себе эффект бумеранга и лишний раз столкнуться с неудовольствием и неприятными переживаниями.

Наиболее важные социально-психологические характеристики взаимодействия, безусловно, это *ответственность* и *доверие*. Полученные результаты показали, что ответственное отношение во взаимодействии связано прежде всего с его эмоциональной стороной. В целом, на разных этапах и в разных ситуациях взаимодействия проявление ответственности сопровождается положительными эмоциями и уберегает от негативных эмоциональных переживаний. Эти данные согласуются с результатами исследования социально-психологических факторов ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия [23]. Ответственность представляет собой одно из важнейших свойств исполнительской деятельности, а также типобразующей характеристики последней [8].

Доверие в отличие от ответственности связано с успешностью делового партнерства. В данном случае речь идет именно о взаимосвязи и взаимовлиянии. Чем комфортнее чувствует себя

человек, взаимодействуя с партнерами, чем чаще это взаимодействие сопровождается положительными эмоциями, тем более он склонен доверять им в долгосрочных проектах, а чем более доверительны отношения партнеров, тем больше возможностей для успешного делового партнерства, особенно в краткосрочных проектах.

Опыт взаимодействия связан прежде всего с удовлетворенностью деловым партнерством. То, насколько часто предприниматель встречается с *взаимопониманием, содействием и поддержкой* со стороны своих партнеров, связано с готовностью проявлять активность по установлению партнерских отношений, помогает чувствовать себя комфортно во взаимодействии и испытывать положительные эмоции. *Конфликты во взаимоотношениях* — это всегда негативные переживания, отрицательные эмоции. Оценка партнеров как надежных связана с оценкой успешности (результативности) взаимодействия и переживаниями положительных эмоций, а оценка партнеров как ненадежных вызывает негативные переживания.

В целом, оценка образа делового партнера положительно связана с оценкой успешности взаимодействия и отрицательно — с эмоциональной неудовлетворенностью взаимодействием, оценкой сопровождающих негативных переживаний. В свою очередь, более позитивное отношение к деловому партнеру, помимо этого, связано и с положительными эмоциями от взаимодействия с ним.

Интересным представляется сравнение обобщенных оценок отношения к деловому партнеру и образа делового партнера, полученных по двум блокам мето-

Таблица 2

**Характеристики взаимодействия, способствующие и препятствующие
эффективности делового партнерства**

Факторы	Способствует	Препятствует
F1 Оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами	Нравственность, прагматичность; справедливость, равенство, взаимность, доверие к партнерам, с которыми Вы регулярно взаимодействуете в краткосрочных и долгосрочных проектах; взаимопонимание, содействие, поддержка партнеров; позитивный образ партнера и хорошее отношение к нему	Скрытность; расхождение оценки образа партнера и отношения к нему
F2 Оценка успешности результата взаимодействия с партнерами	Нравственность и равенство, доверие к партнерам, с которыми Вы регулярно взаимодействуете в краткосрочных проектах; высокая ответственность по отношению к партнерам, с которыми Вы до сих пор не сотрудничали, но планируете взаимодействовать; надежность партнеров	Влияние, лицемерие; недостаточная ответственность по отношению к партнерам, с которыми Вы до сих пор не сотрудничали, но планируете взаимодействовать и предпринимаете шаги по установлению партнерских взаимоотношений
F3 Эмоциональная удовлетворенность взаимодействием	Взаимность; доверие к партнерам, с которыми Вы регулярно взаимодействуете в краткосрочных и долгосрочных проектах; ответственность по отношению к партнерам при подготовке партнерству, непродолжительном взаимодействии, в краткосрочных и долгосрочных проектах; взаимопонимание, содействие, поддержка партнеров; надежность партнеров; хорошее отношение к партнеру	Скрытность; недостаточная ответственность по отношению к партнерам на стадии подготовки к партнерству, при непродолжительном взаимодействии, в краткосрочных и долгосрочных проектах;
F4 Эмоциональная неудовлетворенность взаимодействием	Манипулирование; недостаточная ответственность на разных этапах и в ситуациях взаимодействия; конфликты в отношениях; ненадежность партнеров; не позитивные: образ партнера и отношение к нему	Ответственность на разных этапах и в разных ситуациях взаимодействия; оценка партнеров как надежных; позитивный образ партнера и хорошее отношение к нему

дики. Оценка расхождения между образом делового партнера и отношением к нему отрицательно связана со значимостью прагматичности как принципа взаимодействия. Это свидетельствует о том, что у более рационально настроенного

человека такое расхождение меньше. Видимо, он не преувеличивает достоинства партнера, а более точно оценивает его по предложенным характеристикам. В целом, чем меньше рассогласование между декларируемым образом делово-

го партнера и отношением к нему, тем выше оценка успешности процесса взаимодействия с партнерами. В таблице 2 в обобщенном виде представлены характеристики взаимодействия, способствующие и препятствующие эффективности делового партнерства.

Анализируя наиболее значимые характеристики эффективного делового партнерства предпринимателей, выявленные в данном конкретном исследовании, можно утверждать, что, с одной стороны, они хорошо согласуются с требованиями к эффективной организации совместной трудовой деятельности [6, 29, 30], а также к организации многих профессиональных видов деятельности социоэкономического типа [1, 24]. Установленные характеристики эффективного партнерства, безусловно, конкретизируют и обогащают общие требования к успешному взаимодействию людей, к разным формам и видам совместной деятельности, включая трудовую, профессиональную и др.

В качестве психологических факторов эффективности делового партнерства рассматривались также *оценки мотивов*, побуждающих к деловому партнерству. Респондентов просили оценить, в какой мере участие в деловом партнерстве определяется для них группами факторов. Надо отметить, что все эти факторы, определяющие участие предпринимателя в деловом партнерстве, тесно связаны с оценкой успешности взаимодействия.

Наиболее сильные связи мотивационных характеристик выявились для оценки важности, значимости делового партнерства, как такового, что вполне логично. Однако важна не только ценность делового партнерства, но и дру-

гие факторы. Чем больше причин и возможностей для сотрудничества видит деловой человек, тем более он успешен в деловом партнерстве. Здесь важно также отметить, что, кроме экономическо-ресурсных, все другие рассматриваемые мотивы связаны с эмоциональной стороной взаимодействия, с положительными эмоциями.

Таким образом, *экономико-ресурсная мотивация*, то есть возможность использовать материальные, экономические, финансовые, информационные и другие ресурсы партнера для достижения целей деятельности, подразумевает рациональный, чисто деловой характер взаимодействия. В свою очередь, *партнерско-ценностная, субъектно-ценностная* и даже *социально-ресурсная* разновидности мотивации отражают эмоциональную сторону взаимодействия. Такие побудительные причины, как важность, ценность делового партнерства; желание сотрудничать с конкретным человеком; возможность использовать в своих целях социальные связи, опыт, компетентность, личное расположение партнера, связаны с позитивными переживаниями, положительными эмоциями.

Подводя итоги, отметим, что эффективности делового партнерства способствуют: высокая ответственность; доверие; ориентация на нравственность, справедливость, равенство и взаимность как принципы взаимодействия; позитивный образ партнера и положительное отношение к нему; оценка партнеров как надежных; взаимопонимание, содействие и поддержка со стороны партнеров.

Препятствуют эффективности: недостаточная ответственность по отноше-

нию к партнерам; допустимость во взаимодействии манипулирования, скрытности, лицемерия и влияния; оценка партнеров как ненадежных; конфликты в отношениях с ними; недостаточно высокие оценки образа партнера и отношения к нему, а также расхождение этих оценок.

Таким образом, деловым людям стоит более тщательно учитывать выявленные в исследовании факторы партнерства, чтобы совместное дело было результативным, а деловые партнеры — удовлетворены и результатами взаимодействия, и взаимоотношениями.

Литература

1. Бодров В.А., Журавлев А.Л. Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2003. № 2. С. 64–69.
2. Вавакина Т.С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
3. Вавакина Т.С. Деловая культура, нормы и принципы делового партнерства в среде российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 220–226.
4. Вавакина Т.С., Позняков В.П. Образ делового партнера в представлениях российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 217–224.
5. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Институт психологии РАН, 2011.
6. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2005.
7. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2004.
8. Журавлев А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
9. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
10. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований. М.: Институт психологии РАН, 2010.
11. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 61–68.
12. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
13. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Институт психологии РАН, 2012.
14. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
15. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И. Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.
16. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Форум; Инфра-М, 2008.
17. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.
18. Позняков В.П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности: дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2002.
19. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. — С. 5–15.
20. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 36–43.
21. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Взаимосвязь психологических отношений предпринимателей к деловому партнерству и их ценностных ориентаций // Социальная психология труда: Теория и практика / отв. ред. А.Л. Журавлев, Л.Г. Дикая. М.: Институт психологии РАН, 2010. Т. 2. С. 397–420.
22. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 100–103.
23. Позняков В.П., Груздева Е.А. Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
24. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под

ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2008.

25. Проблемы экономической психологии. Т. 1 / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Институт психологии РАН, 2004.

26. Проблемы экономической психологии. Т. 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Институт психологии РАН, 2005.

27. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007.

28. Психология предпринимательской деятельности / под ред. В.А. Бодрова. М.: Институт психологии РАН, 1995.

29. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Социум; Институт психологии РАН, 2001.

30. Совместная деятельность: методология, теория, практика / отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988.

31. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Институт психологии РАН, 1999.

32. Социальная психология : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пэр Сэ, 2002.

33. Социальная психология экономического поведения / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.

34. Субъектный подход в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: Институт психологии РАН, 2009.

35. Блинная И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.

36. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинная И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ

Т. А. Нестик

Аннотация: в статье анализируются социально-психологические факторы, сдерживающие совместный анализ рисков и возможностей в российских компаниях. Приводятся основные подходы к изучению психологических факторов корпоративного форсайта. На материале эмпирических исследований рассматриваются причины невнимания российских управленческих команд к долгосрочным рискам и возможностям.

Ключевые слова: лидерство, управленческая команда, лидерское видение, образ будущего, форсайт, организационная культура, стратегическая гибкость, доверие, групповая рефлексия.

Summary: the purpose of this paper is to examine social-psychological factors

that hinder the teams' analysis of long-term risks and possibilities in Russian private companies. The results of series of empirical studies showed the managerial team's attitudes toward future are related with team trust, performance appraisal and compensation system, collective emotional states and national business culture. The types of teams' attitudes toward organization's future are identified.

Keywords: leadership, managerial teams, leadership vision, image of the future, foresight, risk management, strategic flexibility, trust.

В условиях быстрых социальных изменений и высокой экономической неопределенности все более востребован-

ными становятся такие качества современных руководителей, как способность к *совместной рефлексии* прошлого и будущего своей организации, анализу рисков и возможностей [13, 14, 20]. При этом переход к *групповым формам прогнозирования* (форсайт, рынки прогнозирования, краудсорсинг и т. п.) делает востребованным изучение социально-психологических механизмов, лежащих в основе формирования групповых представлений о прошлом и будущем, а также влияния формирующегося группового отношения к будущему на интегрированность группы и эффективность ее совместной деятельности.

В современной теории организаций данную способность принято связывать с *корпоративным форсайтом* — системой условий и мероприятий, структур и процессов, ценностей и норм, поддерживающих способность управленческой команды предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании анализа трендов и сценариев развития событий [36, 38, 39]. Способность организации к форсайту определяется как устойчивая характеристика организационной культуры, поддерживаемая лидерами [40].

Корпоративный форсайт, обеспечивающий стратегическую гибкость и чувствительность к «слабым сигналам», предвещающим радикальные перемены, требует *стратегического управления* в реальном времени и вовлечения в планирование всех уровней управления [1, 2, 5, 6, 19, 26, 34].

Таким образом, сегодня формирование лидерского видения оказывается неразрывно связано со способностью руководителей поддерживать «стратегический диалог» [33, 37, 41], вовле-

кать подчиненных в сопоставление альтернативных интерпретаций настоящего [35], совместное оспаривание, пересмотр и выработку базовых представлений о будущем [32]. Перечисленные и подобные качества руководителей становятся значимыми требованиями к современному профессиональному управленцу, поэтому они должны учитываться при организации психологических исследований личности профессионала и эффективности профессиональной деятельности [3, 4, 18, 21, 22]. Более того, развитие и использование перечисленных выше качеств современных специалистов могут стать реальным психологическим ресурсом повышения конкурентоспособности нации в целом наряду с уровнем общего и социального интеллекта, мотивации достижения, структурой ценностных ориентаций людей и т. д. [27]. Формирование такого рода качеств необходимо выдвигать как специальную задачу профессиональной подготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов, но целесообразнее начинать этот процесс формирования в более раннем возрасте и, возможно, на специализированных группах обучающихся [23].

Исследования зарубежных авторов позволяют выделить три ключевых барьера, затрудняющих прогнозирование будущего в крупных компаниях [36].

Во-первых, это *ускорение изменений*: сокращение жизненного цикла продуктов, увеличение скорости разработки и распространения инноваций снижают определенность будущего и усложняют разработку долгосрочных планов. В отраслях экономики с высокой скоростью изменений (производство компьютеров и полупроводников,

киноиндустрия и т. п.) ключевым фактором успеха становится стратегическая гибкость (чувствительность к изменениям) и способность управленческой команды к многовариантному, сценарному мышлению.

Во-вторых, это *нечувствительность организации к информации* об изменениях. Цикл планирования в компаниях чаще всего увязан с финансовым годом и оказывается слишком коротким, чтобы учесть долгосрочные тренды; топ-менеджеры перегружены потоком информации, который затрудняет вычленение приоритетов; наконец, информация об изменениях может просто не достигать верхних звеньев управления в компании, так как фильтруется руководителями среднего звена, защищающими интересы своих подразделений. Одним из примеров такой нечувствительности стала компания Kodak: несмотря на то, что цифровая фотография была изобретена инженерами компании еще в 1975 г., в 1980-х гг. руководство не придало значения «слабым» сигналам, указывающим на приближающееся радикальное изменение рынка и не смогло убедить руководителей самостоятельных подразделений в необходимости смены бюджетной политики.

Наконец, в-третьих, даже заметив изменения, организации не успевают на них отреагировать в силу *инерционности* своего развития. Эта инерция может быть связана с многоуровневой организационной структурой, широкой сетью субподрядчиков и стратегических партнеров, неготовностью жертвовать пока еще прибыльными продуктовыми линиями ради финансирования новых продуктов и услуг, а также привычными и работающими технологиями, от-

каз от которых воспринимается как иррациональный.

В связи с изложенным уместно отметить: выполненный А.Б. Купрейченко и А.Л. Журавлевым анализ динамики трудовой занятости показал, что в настоящее время получают интенсивное развитие такие формы организации трудовой деятельности, которые не допускают появления перечисленных недостатков, затрудняющих развитие организации. Речь идет прежде всего о формах, характеризующихся невысоким уровнем регламентации, формализации, структурирования организационно-управленческих отношений работников [17]. Однако пока неясно, как такие формы организации трудовой занятости могут отражаться не столько на индивидуальных показателях продуктивности деятельности, сколько на показателях эффективности совместного труда коллективов разных организационных уровней, размеров и других характеристик. Неясно, как новые формы организации труда будут связаны с процессами гуманизации или, наоборот, ужесточения организационно-управленческих отношений и взаимодействия разных категорий работников [16].

Имеют место и психологические барьеры — когнитивные механизмы, защищающие положительную самооценку руководителей. К числу таких *мотивационно-когнитивных барьеров* относится иллюзия контроля и сверхоптимизм в отношении будущего, недооценка значимости долгосрочных целей и проблем по сравнению с текущими задачами, недооценка вероятности возникновения ситуаций, не имеющих аналогов в предшествующем жизненном опыте.

Таблица 1

**Основные факторы (или характеристики) прогнозирования будущего
в российских организациях**

Основные факторы прогнозирования будущего	Н, чел.	% ответов	% респон- дентов
1. Политическая нестабильность, меняющееся законодательство, новые приоритеты по отраслям (постоянное изменение «правил игры» в налоговой и других сферах делает прогнозирование бессмысленным; отсутствие долгосрочной стратегии в целом и по отраслям; частая смена приоритетов в экономике и т. п.)	15	25,0	35,7
2. Отсутствие стандартных процедур, навыков прогнозирования у менеджеров (настороженное отношение к зарубежным технологиям прогнозирования; долгосрочные прогнозы максимум на 3–5 лет; излишний реализм; разработкой стратегии занимаются люди, не имеющие такого опыта)	7	11,7	16,7
3. Зависимость компаний от связей с властью («византийская» культура; относительно высокий уровень коррупции; велика роль административного ресурса и т. п.)	7	11,7	16,7
4. Скептическое отношение к долгосрочным прогнозам («узкий горизонт планирования», «менеджеры, пишущие стратегию, делают ее с учетом периода своей работы в компании, а это, как правило, не более 3–4 лет»; «убеждение в тщетности прогнозов более, чем на 3–5 лет» и т. п.)	6	10,0	14,3
5. Множество неуправляемых факторов, необходимость многовариантного планирования (приходится учитывать гораздо больше факторов, влияющих на ведение бизнеса, чем в Европе)	5	8,3	11,9
6. Незрелость рынков, отсутствие коалиций и ассоциаций	4	6,7%	9,5%
7. Зависимость российской экономики от экспорта природных ресурсов, прежде всего нефти и газа	4	6,7	9,5
8. Формальное отношение к стратегии, отсутствие механизма контроля ее исполнения	4	6,7	9,5
Всего	60	100,0	142,9

Иллюзия контроля проявляется в преувеличении способности компании влиять на окружающую ее среду. Эмпирические исследования свидетельствуют: чем выше успешность компании, тем больше риск головокружения от успехов и тем сильнее руководители высшего и среднего звена завышают свои прогнозы. Яркими примерами компаний, ставших жертвами данных эффектов в 2000-е гг., являются Enron и НК ЮКОС.

Для выявления организационных и психологических факторов, влияющих

на готовность российских управленческих команд к совместному анализу долгосрочных рисков и возможностей, нами был использован метод фокус-групп [15, 25], а также экспертный опрос среди топ-менеджеров российских коммерческих организаций (N = 169, из них 51% — мужчины, 49% — женщины).

Результаты проведения фокус-групп, а также анкетирования экспертов подтверждают положение о том, что прогнозирование будущего в тех или иных компаниях чаще всего имеет свою спец-

ифику, связанную с особенностями *национальной деловой культуры* [11]. Так, подавляющее большинство экспертов согласилось с тем, что работа со стратегией и маршрутными картами в России отличается от стратегических разработок в других странах (78%). Основные отличия связаны с более высокой политической и законодательной нестабильностью, необходимостью учитывать большее количество факторов и сценариев, скептическим отношением к долгосрочным прогнозам и самим технологиям прогнозирования, зависимостью представлений о будущем от неэкономических факторов (связей с властью, уровнем коррупции, субъективных оценок избыточного неравенства доходов) [24, 30, 31], что снижает интерес к совместному прогнозированию будущего организации.

Как показал контент-анализ полученных экспертных суждений, важнейшими *барьерами* являются: отсутствие навыков стратегического мышления, высокая неопределенность политической и экономической ситуации, стремление к сиюминутной выгоде («выжать по максимуму из компании и уйти»), отсутствие системы стратегического планирования в компании, низкий уровень приверженности руководителей компании, необоснованный оптимизм и склонность полагаться на «авось», перегруженность оперативными вопросами, отсутствие связи между управлением рисками и оценкой деятельности руководителей, а также непостоянство состава управленческой команды (табл. 2).

Экспертам также предлагалось ответить на вопрос о том, что из их опыта помогает привлечь внимание управленческой команды к долгосрочному бу-

дущему (табл. 3). Среди наиболее важных факторов, стимулирующих внимание руководителей к совместному будущему, были названы: 1) повышение заинтересованности руководителей в долгосрочных результатах работы компании; 2) постановка амбициозной долгосрочной цели; 3) отладка процесса стратегического управления (наличие долгосрочной стратегии, регулярный анализ ситуации на рынке, форсайты и т. д.); 4) сознательное нагнетание тревоги, анализ путей выхода из системного кризиса; 5) личное внимание собственников к долгосрочному будущему организации.

Ведущая роль, которую эксперты отдали повышению личной заинтересованности топ-менеджеров в долгосрочных результатах работы, вполне понятна, если учесть сложившуюся в России практику формирования компенсационных пакетов высшего руководства. Как известно, российские компании пользуются инструментами долгосрочного вознаграждения топ-менеджеров значительно реже, чем зарубежные. Например, в США до двух третей общего дохода топ-менеджера приходится на акции, опционы и отложенные бонусы, в Европе — до 50%, а в России — лишь незначительная часть. Другими словами, если в западных странах доход топ-менеджера состоит из трех частей, то в России чаще только из двух — относительно небольшой зарплаты и крупного бонуса. При этом многие российские компании, акции которых обращаются на зарубежных площадках, страхуют ответственность топ-менеджеров за ошибочные стратегические решения, приобретая специальные страховые полисы. Таким образом, ориентация руководителей на долгосрочную перспекти-

Таблица 2

**Результаты экспертного опроса руководителей о причинах невнимания
российских управленческих команд к отдаленным возможностям и рискам**

Причины невнимания к прогнозированию будущего	№, чел.	% ответов	% респон- дентов
1. Отсутствие навыков стратегического мышления и анализа возможных рисков	29	17,2	40,3
2. Приходится действовать в условиях неопределенности политической ситуации и нестабильности законодательства	26	15,4	36,1
3. Экономическая нестабильность, высокий риск инвестиций в будущее	22	13,0	30,6
4. Стремление к сиюминутной выгоде («выжать по максимуму из компании и уйти»)	15	8,9	20,8
5. Отсутствие стратегического планирования и финансового анализа в компании	14	8,3	19,4
6. Низкая приверженность руководителей компании	11	6,5	15,3
7. Русское «авось», необоснованный оптимизм	10	5,9	13,9
8. Перегруженность оперативными вопросами, ориентация на «затыкание дыр» и краткосрочные риски	9	5,3	12,5
9. Отсутствие связи между управлением рисками и оценкой деятельности руководителей	6	3,6	8,3
10. Быстрая смена руководителей, непостоянство состава управленческой команды	5	3,0	6,9
11. Успешность компании определяется не стратегическим планированием, а другими, нерыночными факторами (слабая конкуренция, личные связи, коррупция и т. д.)	4	2,4	5,6
12. Недоверие к высшему руководству компании	3	1,8	4,2
13. Неверие руководителей в свои силы, апатия	3	1,8	4,2
14. Вера в уникальность России, недоверие к глобальным трендам	2	1,2	2,8
15. Фатализм, отсутствие веры в долгосрочный успех	2	1,2	2,8
16. Устойчивость сложившихся установок и стереотипов	2	1,2	2,8
17. Опасение того, что придется больше работать («того, кто готов думать о будущем, тут же заваливают работой»)	2	1,2	2,8
18. Неготовность первых лиц вовлекать руководителей в стратегическое планирование	2	1,2	2,8
19. Страхование от непредсказуемых изменений снижает потребность в долгосрочном анализе (надежда на финансовую подушку, диверсифицированность бизнеса, жизнь за счет «дойных коров» и т. п.)	1	0,6	1,4
20. Система стимулирования руководителей ориентирована на достижение краткосрочных целей (невыгодно заниматься долгосрочными проектами)	1	0,6	1,4
Всего	169	100,0	234,7

Таблица 3

Результаты экспертного опроса руководителей об условиях внимания управленческой команды к долгосрочному будущему компании

Условия внимания к прогнозированию будущего компании	Н, чел.	% ответов	% респондентов
1. Повышение заинтересованности топ-менеджеров в долгосрочных результатах работы (через бонусы, акции, опционы европейского типа, «золотые парашюты», учет личных интересов в управлении развитием, повышение личной стоимости на рынке)	18	18,2	26,9
2. Амбициозная долгосрочная цель, возможность положительных изменений в компании	15	15,2	22,4
3. Отлаженный процесс стратегического управления (наличие долгосрочной стратегии, регулярный анализ ситуации на рынке, форсайты, корпоративная культура, ориентированная на будущее)	11	11,1	16,4
4. Алармизм (любой кризис, результаты анализа конкурентной среды, жесткие ограничения в текущей деятельности, которые быстро не устранить)	9	9,1	13,4
5. Участие лидера команды в анализе рисков и возможностей, личное внимание первых лиц к долгосрочным вопросам (собственник должен задать долгосрочные цели и выстроить систему контроля достижений, в том числе систему мотивации)	9	9,1	13,4
6. Наличие волевого, харизматичного лидера с четким видением будущего	9	9,1	13,4
7. Повышение сплоченности и уверенности команды в своих силах (сплоченная команда с общими целями и задачами; уверенность команды в том, что она увидит результат деятельности и получит соответствующее вознаграждение)	8	8,1	11,9
8. Четкий бизнес-план с подробным финансовым прогнозом и учетом рисков	4	4,0	6,0
9. Гарантии стабильности (гарантии государства, высокая прибыльность, дешевые кредиты, гарантированный положительный результат, минимизация издержек и т. п.)	4	4,0	6,0
10. Корпоративное обучение, деловые игры, форсайты	3	3,0	4,5
11. Вовлечение руководителей низового и среднего звена в стратегическое планирование через проектные группы, стратегические сессии и систему информирования	3	3,0	4,5
12. Акционирование и долевое вложение с другими компаниями, которые вынуждают согласовывать стратегические интересы вовлеченных сторон	2	2,0	3,0
13. Расширение полномочий руководителей, включение стратегических вопросов в их должностные обязанности (назначение помощником генерального директора, наделение правом свободно распоряжаться бюджетом, ответственность перед руководством за вовлечение в разработку стратегии предприятия своих подчиненных)	2	2,0	3,0
14. Проведение стратегической сессии с выступлениями экспертов, стратегов	1	1,0	1,5
15. Внутренняя конкуренция за должностной рост	1	1,0	1,5
Всего	99	100,0	147,8

Таблица 4

Оценка причин (барьеров), затрудняющих претворение в жизнь результатов форсайтов (средние значения, N=38)

Основные причины (барьеры)	Оценка влияния, балл
1. Отсутствие в России культуры анализа и планирования отдаленного будущего	4,4
2. Низкая заинтересованность лиц, принимающих решения, в результатах форсайта из-за отдаленности прогнозируемого будущего	4,3
3. Низкая информированность общества о форсайт-исследованиях	3,9
4. Стремление заказчика использовать форсайт-исследование для обоснования заранее принятых решений	3,8
5. Отставание принятия решений организациями — заказчиками форсайта от динамики инновационных процессов	3,8
6. Плохо организованная горизонтальная коммуникация участников проекта	3,6
7. Перед запуском форсайт-проекта не был составлен план внедрения результатов форсайта	3,6
8. Нерегулярность встреч проектной группы и заинтересованных сторон	3,5

ву, поиск долгосрочных возможностей и анализ отдаленных рисков не получают существенных финансовых стимулов.

Барьеры, выявленные нами в российских управленческих командах, подтверждаются экспертным опросом, который был проведен в 2014 г. среди организаторов и ведущих форсайт-сессий в российских компаниях (N=38). В ходе корпоративных сессий к числу наиболее влиятельных барьеров, препятствующих реализации результатов форсайтов, отнесены следующие: предвзятое отношение к прогнозированию и планированию долгосрочного будущего, а также низкая заинтересованность управленческих команд в принятии на себя ответственности за долгосрочное будущее своей компании (табл. 4).

Наиболее распространенными ошибками при групповом прогнозировании будущего оказались *социально-психологические барьеры*: 1) события отдаленного будущего воспринимаются участниками как менее значимые, чем

события настоящего и ближайшего будущего; 2) участники описывают будущее, опираясь на информацию, которая оказалась на слуху благодаря СМИ и социальным сетям; 3) эксперты недооценивают вероятность событий, аналогий которым они не могут найти в своем личном опыте (табл. 5).

Третье исследование было проведено в 2012 г. среди сотрудников и руководителей российских коммерческих организаций (N = 98, из них: 55% — мужчины, 45% — женщины; 23% — рядовые сотрудники, 49% — руководители низового и среднего звена; 38% — топ-менеджеры). Оно было направлено на выявление *ситуационных факторов*, влияющих на готовность членов группы к обсуждению друг с другом совместного будущего. Участникам опроса предлагалось назвать типичные ситуации, при которых в их коллективе возникали обсуждения будущего.

Как показывают результаты контент-анализа описанных респондентами си-

Таблица 5

**Типичные ошибки при коллективном прогнозировании будущего
в ходе корпоративных форсайтов (средние значения, N=38)**

Типичные ошибки в прогнозировании будущего	Частота проявления ошибки, балл
1. События отдаленного будущего воспринимаются как менее значимые, чем события настоящего и ближайшего будущего	4,0
2. Эксперты описывают будущее, опираясь только на информацию, которая оказалась на слуху благодаря СМИ и социальным сетям	4,0
3. Эксперты недооценивают вероятность наступления событий, аналогий которым они не могут найти в своем личном опыте	3,9
4. Недоценивается время, необходимое на реализацию спланированных действий	3,8
5. Явления и люди будущего необоснованно обобщаются	3,8
и оцениваются в соответствии с сегодняшними стереотипами (возрастными, гендерными, этническими и др.).	3,6
6. Эксперты не придают значения фактам и источникам информации, которые противоречат их изначальной позиции	3,4
7. В ходе групповой дискуссии первоначальные предположения о будущем доводятся до крайней формы, не допускающей сомнений	3,2
8. Эксперты стремятся отодвинуть негативные события в отдаленное будущее	3,1

туаций, наиболее сильным фактором, инициирующим конструирование образа совместного будущего в межличностном дискурсе сотрудников, являются уже произошедшие или возможные *негативные изменения*: сокращение зарплаты или штата, угроза реорганизации, чрезвычайные происшествия и т. п. На долю негативно окрашенных ситуаций, вызывающих совместные обсуждения будущего, приходится 55% ответов респондентов, тогда как на долю позитивных и нейтральных — 23 и 22% соответственно. Иными словами, обсуждение коллективного будущего чаще вызывается тревогой, чем стабильностью или осознанием возможностей. Обсуждение будущего сопровождается негативными коллективными эмоциональными состояниями, которые, как известно, ограничивают спо-

собность руководителей к поиску креативных, нестандартных решений.

Еще одно исследование было проведено нами в 2013 г. среди 168 руководителей среднего звена крупных российских компаний в сфере производства, транспорта и банковского бизнеса (64% — мужчины, 36% — женщины; средний возраст — 37 лет). Цель работы — построение *типологии отношения* к совместному прошлому, настоящему и будущему в российских управленческих командах. Респондентам предлагалось оценить отношение к совместному прошлому, настоящему и будущему, характерное для управленческих команд, в составе которых они работают.

Горизонт обсуждаемого будущего в компаниях колеблется от нескольких недель до 5 лет. При этом кластерный анализ методом *к-средних* позволил выя-

вить *пять типов* организационной временной перспективы: 1) «оптимистический» (24 %); 2) «сбалансированный» (23 %); 3) «фаталистический» (23 %); 4) «пессимистический» (18 %); 5) «краткосрочный» (12 %). Первые два типа характеризуются позитивной оценкой будущего, высоко оценивают способность своей команды влиять на совместное будущее. Третий и четвертый типы характеризуются ностальгией по прошлому, они негативно оценивают совместное будущее при низкой оценке его предсказуемости и тесноты его связи с усилиями команды. Наконец, пятый тип, получивший название «краткосрочный», отличается уверенностью команды в своей способности влиять на совместное будущее в сочетании с низкой оценкой его прогнозируемости. В данном типе отношения управленческих команд к своему будущему наиболее остро чувствуется ориентация на «затыкание дыр» и краткосрочные риски. При обсуждении будущего основное внимание сосредоточено на горизонте в 2–4 недели. В условиях дефицита информации, поступающей от высшего руководства, о стратегических приоритетах компании, такие управленческие команды борются за выживание, постоянно мобилизуя свои силы для просчитывания ближайших возможностей и рисков.

Сопоставление выделенных нами типов позволяет сделать вывод о том, что уровень *рефлексивности* [10–12] управленческих команд в отношении будущего тесно связан с его *положительной оценкой*, постановкой четких долгосрочных *коллективных целей*, а также *убежденностью* членов группы в своей способности прогнозировать коллективное будущее и, более того, влиять на него.

Несмотря на теоретико-эмпирический характер данного исследования, его результаты непосредственно ориентированы на практическое использование, по меньшей мере, на их учет в практике управления организациями. Для такого рода исследований остаются характерными все основные трудности взаимодействия фундаментальной психологии и практики, обсуждаемые в психологической литературе [7–9, 28, 29].

Опираясь на результаты выполненных нами исследований, можно сделать несколько **выводов**.

1. Низкая приверженность организации и низкий уровень группового доверия оказались наиболее значимыми причинами невнимания российских управленческих команд к долгосрочному будущему. При этом низкая ориентация на будущее в управленческих командах согласуется с характеристиками национальной деловой культуры — устойчивым недоверием к долгосрочному прогнозированию на фоне высокой социально-экономической неопределенности.

2. Обсуждение будущего организации в российских трудовых коллективах чаще вызывается тревогой, чем стабильностью или осознанием возможностей. Растущая в неформальных обсуждениях тревога по поводу будущего организации сужает кругозор и стратегическую гибкость. С одной стороны, это приучает российских руководителей рассматривать формирование видения будущего и вовлечение в диалог о нем как крайние, вынужденные меры. Воспроизводится чувствительность только к «сильным» сигналам и алармизму, сдерживается развитие организационного форсайта как устойчивой, посто-

янно поддерживаемой способности команды к анализу рисков и возможностей. С другой стороны, востребованным оказывается умение лидера использовать видение будущего как инструмент управления тревогой подчиненных. Низкую способность своей команды к отслеживанию изменений и действию на опережение руководители вынуждены компенсировать развитым эмоциональным интеллектном.

3. Выявлена тесная связь между положительной оценкой будущего организации и ориентацией управленческих команд на совместный анализ возможностей и рисков. Привлечение внимания к совместному будущему происходит чаще всего за счет негативных переживаний, однако для групповой рефлексии по поводу будущего члены группы должны испытывать чувство надежды. Нагнетание тревоги по поводу будущего, наоборот, препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает устойчивость организации к изменениям.

4. В быстро меняющемся мире лидер должен уметь не только формировать образ будущего, но и вовлекать своих коллег и подчиненных в рефлексию, диалог о будущем. Лидерское видение будущего мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Корпоративный форсайт, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность, эти процессы тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего будет иметь место лишь при

уверенности команды в своих силах и возможностях.

Литература

1. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989.
3. Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 9–32.
4. Бодров В.А., Журавлев А.Л. Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
5. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
6. Журавлев А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
7. Журавлев А.Л. Вступительное слово директора Института психологии РАН члена-корреспондента РАН профессора А.Л. Журавлева // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 11–13.
8. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Институт психологии РАН, 2011.
9. Журавлев А.Л. Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития (вступительное слово) // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 8–13.
10. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.
11. Журавлев А. Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: новые направления исследований. М.: Институт психологии РАН, 2010.
12. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 212–221.
13. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196.

14. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Никитенко И.В. Социально-психологические факторы обмена знаниями в организации // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 4. С. 8–12.
15. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Форум; ИНФРА-М, 2008.
16. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Понимание гуманизации управленческих отношений и основные направления ее исследования в организации // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. № 4. С. 97–102.
17. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Некоторые тенденции развития социально-психологических исследований трудовой занятости // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 4. С. 5–8.
18. Личность профессионала в современном мире / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2013.
19. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.
20. Нестик Т.А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Институт психологии РАН, 2011.
21. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2008.
22. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007.
23. Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
24. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
25. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
26. Стратегическая гибкость / Г. Хэмел [и др.]. СПб.: Питер, 2005.
27. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
28. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011. № 2. С. 15–20.
29. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарий) // Психологический журнал. 2012. Т. 33 № 2. С. 127–132.
30. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2, 3. С. 81–92.
31. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности // NB: Национальная безопасность. 2013. № 2. С. 182–202.
32. Blackman D.A., Henderson S. How foresight creates unforeseen futures: the role of doubting // Futures. 2004. V. 36. № 2. P. 253–266.
33. Mack T.C. Foresight as Dialogue // Futurist. 2013. V. 47. № 2. P. 46–50.
34. Mintzberg H. The Rise and Fall of Strategic Planning. N.Y.: Prentice Hall, 1994.
35. Ogilvy J. Creating Better Futures. N.Y.: Oxford University Press, 2002.
36. Rohrbach R. Corporate Foresight. Towards a Maturity Model for the Future Orientation of a Firm. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 2011
37. Schwartz P. The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World. N.Y.: Currency, 1996.
38. Slaughter R. Futures studies: from individual to social capacity // Futures. 1996. V. 28. №. 8, P. 751–762.
39. Slaughter R. Futures Beyond Dystopia: Creating Social Foresight. London: Routledge, 2004.
40. Tsoukas H., Shepherd J. Coping with the future: developing organizational foresightfulness // Futures. 2004. V. 36. P. 137–144.
41. van der Heijden K. Scenarios. The Art of Strategic Conversation. 2nd Edition. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons Ltd, 2005.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПСИХОЛОГИЮ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

А. С. Найдёнов, И. А. Кривенко

Аннотация: в статье рассмотрены особенности трансформации личности человека при вовлечении в исламскую террористическую группировку, приведены социально-экономические причины, лежащие в основе зарождения террористических идей.

Ключевые слова: исламский терроризм, психология террориста, глобализация, кризис идентичности.

Summary: The paper describes transformation of the person with the involvement of an Islamic terrorist's group and provides social and economic causes that underlie the origin of terrorism's ideas.

Keywords: Islamic terrorism, terrorist's psychology, globalization, identity crisis.

Терроризм как явление формируется в результате сложного взаимодействия социально-экономических и психологических факторов. В статье предпринята попытка проанализировать психологическую составляющую развития терроризма на территории с учетом анализа экономической среды, определяющей вектор развития терроризма.

В основе нашего исследования лежит работа профессора психологии Fathali M. Moghaddam «From the Terrorists' Point of View: What They Experience and Why They Come to Destroy» [7], автор которой предлагает модель «Лестницы терроризма» — трансформации ря-

дового гражданина в террориста. В качестве типовой модели рассматривается исламский терроризм, хотя излагаемая концепция применима и для нерелигиозного терроризма (например, для различных леворадикальных движений).

Для описания «Лестницы» используются некоторые базовые понятия, без которых понимание модели затруднительно. Вопрос *самоидентификации* человека тесно связан с понятием *идентичности* — принадлежности личности к различным социальным и религиозным группам. Положительная самоидентификация и позитивная идентичность, ссылаясь на Э. Берна, характеризуется концепцией Я+, ВВ+, при которой человек работает максимально продуктивно и с наибольшей пользой для общества. Отклонения от такой позиции приводят к внутриличностному конфликту, или *кризису идентичности*, в результате исчезают или снижаются целостность, тождественность и вера человека в свою социальную роль. Разочарование в своей идентичности приводит к поиску новой, более позитивной с точки зрения человека роли [6]. Идентичность — это феномен, возникающий на основании осознания личностью своей принадлежности к разнообразным социальным группам, в которые человек включается в своей жизнедеятельности, а когнитивная и мотивационная сфера конкретной личности опосредована характеристи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00127а.

ками тех социальных групп, с которыми она себя идентифицирует.

Распространение процессов глобализации приводит к размыванию межкультурных границ, замещению моделей поведения и социальных ролей. Возникают конфликты и кризис идентичности в том случае, когда для отдельных индивидов или социальных групп новое социально-экономическое окружение является чуждым. Глобализационные процессы создают конфликты и внутри самих групп. При этом психологические и нравственные перегрузки многократно увеличиваются, так как человек вынужден защищать ценности, уже не свойственные обществу [3].

В одном обществе процессы глобализации протекают гладко, а в другом встречаются ожесточенное сопротивление. К примеру, исламская культура с трудом может реагировать на мотивацию модерна, сосуществовать рядом с западной культурой, тем более быть ею поглощена (или колонизирована) [5]. Сочетание насильственной «вестернизации» (как одной из граней глобализации) и низкого уровня жизни создает в обществе глубокое отчуждение.

Разумеется, одного факта конфликта традиционной культуры и насильственной глобализации мало для того, чтобы признать территорию подверженной террористической угрозе. Для этого ей необходимо удовлетворять ряду условий:

1) низкий уровень жизни и интенсивность процессов глобализации;

2) заинтересованность международных террористических организаций в территории данной страны.

Таким образом, террористов-фанатиков порождает не религиозный ради-

кализм и не глобализация сами по себе, но и не низкий уровень жизни. Лишь гремучая смесь всех этих факторов создает благоприятную почву для появления исламских террористов. Важно понимать: когда есть агрессия, всегда найдется идеология, которая обслужит ее, используя в своих интересах. Исторически сложилось так, что в XXI веке идеология ислама используется заинтересованными лицами в качестве теоретического обоснования террористической деятельности.

Как уже отмечалось, «Лестница терроризма» имеет 5 ступеней. На первом уровне находится множество людей, это уровень спокойствия и удовлетворенности. Замечено, что во всех исламизированных странах с высоким уровнем жизни (Оман, Кувейт, ОАЭ и др.) предельно низкий (вплоть до отсутствия) уровень террористической активности, а в странах, не включенных в процессы глобализации, уровень жизни никак не влияет на террористическую активность населения — ислам прекрасно справляется с ролью регулятора социальной напряженности (Буркина-Фасо, Гамбия, Бенин, Танзания и Мозамбик).

Как только человек начинает чувствовать неудовлетворенность социально-экономическим положением в обществе, включается механизм внутреннего противодействия. Поскольку причина конфликта лежит в плоскости межкультурных столкновений, поиск источника бед направлен вовне, и происходит переход на второй уровень «Лестницы терроризма», который подразумевает четкое осознание того, *кто виновен во всех проблемах*. «Виноватыми» выбираются те, кого *выгодно* обозначить виноватыми в тех или

иных геополитических условиях. В Ливане врагами могут быть евреи и Израиль, Аль-Каида выбрала своим врагом № 1 США. Затем человеку внушается необходимость активного противодействия, которое в случае исламского общества может приобретать форму Джихада. Это уже следующий, третий уровень «Лестницы Терроризма».

На третьем уровне человек уже психологически готов бороться с обозначенным противником, хотя и совсем не понимает, *как именно*. Логическим шагом является вступление в террористическую организацию для непосредственного участия в асимметричном конфликте (переход на четвертый уровень). Из террористической организации у человека уже нет выхода. По мнению А.В. Авласенко [2], здесь начинает работать не только (и не столько) страх того, что в случае предательства «накажут» свои же, а глубокая убежденность человека в правильности своих дел [2].

Цель террористической группировки на данном этапе проста и очевидна: дестабилизация общественно-политической обстановки [1]. Рядовым террористам это мотивируется в первую очередь радикальными религиозными идеями, хотя чем выше стоит террорист в иерархии организации, тем лучше он понимает политические тонкости всей ситуации [4]. К концу своего нахождения на четвертом уровне террорист морально и физически готов к предстоящему террористическому акту (пятый уровень).

Противодействие терроризму подразумевает прежде всего направленность против людей, находящихся на пятом уровне, то есть тех, кто уже стал террористом, а ведь в этом случае происходит не лечение болезни, а лишь борьба с ее последствиями.

Литература

1. Абишева М., Шаймергенов Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Восточной Азии: анализ причин распространения // Россия и мусульманский мир. 2007. № 6.
2. Авласенко В.А. Личность преступника, члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ // Юридическая психология. 2011. № 4.
3. Воронцов С.А. Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // Философия права / Ростовский юридический институт Минюста России. 2008. № 2.
4. Иванцов С.В. Личностные свойства лидеров организованных преступных формирований как фактор современной российской преступности // Юридическая психология. 2008. № 4.
5. Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307.
6. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4.
7. Fathali M. Moghaddam. From the Terrorists' Point of View: What They Experience and Why They Come to Destroy // Greenwood Publishing Group, Inc., USA, 2006.
8. Блинная И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.
9. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинная И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КАЧЕСТВА СОТРУДНИКА УИС

С. А. Васильева

Аннотация: в статье рассматривается предложение по применению интегративного подхода к формированию этнокультурной компетентности обучающихся в условиях образовательной среды вузов ФСИН России, предлагаются методы и условия воспитания этнокультурной толерантности посредством внедрения этнокультурного компонента в различные учебные дисциплины, а также организации внеаудиторной работы.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, этническая толерантность, культура межнационального и межконфессионального общения.

Summary: the article discusses a proposal to apply an integrative approach to the formation of ethno-cultural competence of cadets in terms of the educational environment of universities of FSIN of Russia. The methods and conditions of foster the ethnic and cultural tolerance through the introduction of ethno-cultural component in different subjects, as well as the organization of extracurricular activities.

Keywords: ethno-cultural competence, ethnic tolerance, culture of interethnic and interfaith dialogue.

Резолюция Всероссийской конференции «О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма», состоявшейся 21 ноября 2013 г. в Федеральной службе исполнения наказаний, призывает к

консолидации усилий заинтересованных государственных структур, общественных организаций, традиционных религиозных конфессий по противодействию распространению в органах и учреждениях ФСИН России основ религиозного радикализма и экстремистской идеологии [8]. Во исполнение этого положения, с целью повышения компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) в области религиозоведческой и этнокультурной грамотности перед высшим ведомственным образованием поставлены задачи совершенствования учебной и воспитательной работы, ориентированной на формирование этнической толерантности и навыков межнационального и межконфессионального общения, необходимых сотруднику УИС в будущей профессиональной деятельности.

В настоящее время профессиональная подготовка будущих сотрудников УИС, направленная на формирование у них высоких морально-психологических качеств и закрепление в их сознании и поведении общественно значимых идеалов, идей патриотизма, мотивов, интересов и высоких духовных потребностей, строится в соответствии с действующими федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС). На базе вузов ФСИН России осуществляется подготовка специалистов для подразделений и служб УИС по целому ряду специальностей и направ-

лений подготовки. Отличительной особенностью всех ФГОС реализуемых специальностей стал определенный набор требований к формированию компетенций выпускника, а именно способностей:

- использовать специфику этнокультурного развития своей страны для формирования и эффективного использования социоинженерных и социально-технологических практик обеспечения психосоциальной, структурной и комплексно ориентированной социальной работы [3];

- понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социально-культурные различия [4, 5, 6];

- толерантно себя вести, осуществлять социальное и профессиональное взаимодействие с учетом этнокультурных и конфессиональных различий, учиться работать в коллективе, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности [4, 5, 6];

- работать в многонациональном коллективе, в кооперации с коллегами, в том числе над междисциплинарными, инновационными проектами.

Таким образом, независимо от профиля специалиста уголовно-исполнительной системы *этнокультурная компетентность* признается ведущей личностной и профессиональной характеристикой. Под этнокультурной компетентностью понимается степень проявления личностью знаний, навыков и умений, позволяющих ей правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей,

находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия.

Изложенное обуславливает необходимость поиска новых подходов к формированию этнической толерантности и профилактике распространения идеологии экстремизма в вузах ФСИН России. В свете современного понимания образования как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения [1] требуется интегративный подход, при котором формирование этнокультурной компетентности ведется не только в рамках учебного процесса, но и в первую очередь во внеаудиторное время. На решение поставленных задач должны быть направлены усилия как профессорско-преподавательского состава, так и сотрудников воспитательного аппарата образовательных учреждений ФСИН России.

Педагогические работники осуществляют процесс трансляции культуры в обществе, поэтому формирование этнокультурной компетентности имеет особую значимость в их деятельности. В большинстве регионов, которые направляют курсантов для обучения в вузах ФСИН России, актуально изучение родной этнокультуры. Как следствие, они являются носителями ценностей культуры своей малой родины, но не всегда могут соотнести ее с культурой российской или мировой. Главная сложность в успешном межэтническом взаимодействии курсантов состоит в том, что учащиеся часто воспринимают представителей других культур через призму своей культуры и религии. Уже на стадии вступительных испытаний и формирования учебных коллективов можно наблюдать признаки интолерантности по

следующим критериям: *язык* (неосознанно в разговоре друг с другом могут употреблять оскорбительные выражения и намеки); *стереотипы* (негативные обобщения в разговорах о религиозных и национальных группах, отличающихся от них); *предубеждения*; *сегрегация* (тенденция собираться и общаться группами, сформированными по религиозным или национальным признакам). По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, подобные неудачи в межэтническом взаимодействии на стадии формирования любого коллектива следует рассматривать не как наличие «непреодолимых» различий, а в первую очередь как *отсутствие определенных знаний и умений*, способствующих эффективности данного процесса и межэтническому взаимопониманию [10, с.11; 11].

Итак, можно сделать вывод о том, что эффективное межэтническое взаимодействие не может возникнуть само по себе, ему необходимо целенаправленно учесть. Для этого следует организовать приобретение представителями различных этнических общностей знаний об обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения другого народа, а также выработку навыков налаживания межэтнических контактов. Многочисленные социально-психологические исследования указывают на то, что чем лучше знают и понимают друг друга участники межэтнического взаимодействия, тем больше у них возможностей для формирования позитивных личных или деловых отношений, тем шире их потенциал в организации и осуществлении совместной деятельности.

Формирование этнокультурной компетентности личности курсанта и слуша-

теля может входить в учебный процесс преподавания широкого круга гуманитарных дисциплин: культурологии, истории, религиоведения, психологии, социологии, философии. Отдельные темы, отражающие этнокультурное своеобразие, могут быть интегрированы и в учебные дисциплины профессионального цикла. Образовательная среда должна содействовать тому, чтобы, с одной стороны, курсант осознал свои корни и тем самым мог определить свое место в мире, с другой — привить ему уважение к другим национальностям и религиям. Речь идет о введении учащегося изначально в родную этническую культуру, затем в культуру российскую и, наконец, в мировую. Трансляция разнообразной этнокультурной информации, профилактика распространения идеологии экстремизма в целях формирования навыков межэтнического и межконфессионального взаимопонимания эффективна не столько в форме лекций, сколько в разнообразных активных и интерактивных формах проведения занятий, ставших неотъемлемой частью современного процесса обучения. Во время лекционных занятий курсант получает знания в виде разнообразной этнокультурной информации, которая позднее им сопоставляется, включается в поток развития мировой культуры, тогда как личностная позиция целенаправленно формируется в организуемых учебных игровых ситуациях, проблемных дискуссиях, ролевых играх, коммуникативных тренингах и межкультурных диалогах.

Таким образом, в рамках образовательной среды вузов ФСИН России учащимся предоставляется возможность формирования, глубокого осмысления и корректировки своего отношения к

представителям иных культур, а значит, закладывается гуманитарный фундамент для формирования этнокультурной толерантности как базовой характеристики будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Однако оценить уровень сформированности этнокультурной компетентности в рамках учебных занятий, ограниченных и временными рамками, и тематическими планами, весьма затруднительно. Кроме того, дисциплины гуманитарного цикла, как правило, заканчиваются к третьему курсу. В связи с этим задача формирования у будущих сотрудников УИС навыков межнационального и межконфессионального общения становится важным приоритетом деятельности руководителей учебно-строевых подразделений и сотрудников отделов по работе с личным составом образовательных учреждений ФСИН России. Именно во внеучебной деятельности чаще наблюдаются трудности в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей, поэтому задача этнокультурного воспитания — обеспечить единство теоретических знаний и их практического освоения.

Формирование этнокультурной компетентности сотрудника УИС согласно Концепции воспитания работников УИС осуществляется на основе многовековых нравственных устоев, традиций УИС, патриотизма и уважительного отношения к народам и народностям многонационального Российского государства, лучших произведений отечественной и мировой культуры [2]. Полиэтничность состава учебно-строевых подразделений вузов ФСИН России диктует необходимость включения в число главных

приоритетов воспитания сплочение многонационального коллектива.

Указанные задачи в условиях вузов ФСИН России могут быть реализованы в различных организационных формах: от включения информации, демонстрирующей значимость толерантности в современном обществе, в программы общественно-политического и государственно-правового информирования до проведения специальных тренинговых занятий. Необходимо внедрять в работу отделов, занимающихся психологическим обеспечением учебно-воспитательной работы, существующие диагностические методики исследования толерантности [9].

Одним из направлений корректировки и противодействия негативным последствиям межкультурных отношений является разработка мероприятий, направленных на формирование этнической толерантности с использованием кросскультурных ассимиляторов, дискуссий, встреч. Примером удачного решения этих задач можно назвать опыт Академии ФСИН России по гармонизации межнациональных отношений в учебных коллективах. В академии в рамках воспитательной работы регулярно проводятся лекции ознакомительного характера на тему: «Мы — многонациональный народ России», для сплочения коллектива и улучшения взаимоотношений курсантов разных национальностей во всех учебных группах первого курса проходят социально-психологические тренинги. Функционируют научные кружки, в основе деятельности которых лежит этнический аспект. Так, исследования кружка «Духовно-нравственные аспекты в профессиональной деятельности работников УИС» охватывают про-

блемы формирования межконфессиональной толерантности и уважения этнокультурных особенностей. Руководители кружка обращают серьезное внимание на выработку умения учитывать специфику национально-культурного многообразия российского общества в работе с осужденными — представителями национальных меньшинств. Объединенная пресс-служба академии уделяет повышенное внимание событиям, посвященным национальным и религиозным праздникам или культуре той или иной этнической общности. Доброй традицией стало проведение тематических вечеров — Дней национальной культуры, Дня народного единства.

Важный фактор в профилактике распространения идеологии экстремизма — возможность обеспечить постоянное взаимодействие с уполномоченными органами государственной власти региона и правоохранительными структурами. Во многих субъектах приняты и действуют планы мероприятий по выполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы, которые предусматривают активное сотрудничество органов государственной власти с образовательными учреждениями в целях укрепления межнационального и межконфессионального взаимодействия [7]. Цель совместных мероприятий — научных конференций, творческих фестивалей, встреч с представителями традиционных конфессий, общественных организаций, этнических землячеств и диаспор — профилактика экстремистских проявлений и гармонизация межэтнических и межнациональных отношений в вузе.

Таким образом, в рамках воспитательного процесса можно наблюдать или моделировать ситуации, в которых курсант демонстрирует навыки межнационального и межконфессионального общения. Знания, полученные курсантом в ходе учебных занятий, и осознанная готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей позволяют ему оформить собственную позицию в сфере межкультурных отношений. Говорить о сформированности этнокультурной компетентности можно будет лишь тогда, когда курсант начинает самостоятельно действовать в предложенных ситуациях (будь то созданная искусственно ситуация, тренинг или реальное проводимое мероприятие).

Результатом работы по формированию толерантности у курсантов вузов ФСИН России должно стать повышение культуры межличностного общения. У будущего компетентного сотрудника УИС будет сформировано чувство не только терпимости, но и уважения к другим, а чувство толерантности будет естественным. Формирование интереса к национальной культуре, традициям, повышение религиозоведческой грамотности и профессионального уровня будущих сотрудников УИС должно привести к повышению эффективности создаваемой в настоящее время системы противодействия распространению в исправительных учреждениях радикализма и религиозного экстремизма.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
2. Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555.

3. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр»): приказ Минобрнауки России от 8 декабря 2009 г. № 709.

4. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030301 Психология служебной деятельности (квалификация (степень) «специалист»): приказ Минобрнауки России от 17 января 2011 г. № 67.

5. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация (степень) «специалист»): приказ Минобрнауки России от 14 января 2011 г. № 20.

6. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 080101 Экономическая безопасность (квалификация (степень) «специалист»): приказ Минобрнауки России от 14 января 2011 г. № 19.

7. План мероприятий по выполнению Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы в Рязанской области: утв. решением антитеррористической комиссии Рязанской области от 27 августа 2013 г. № 39.

8. О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма: резолюция Всерос. конф. (Москва, 21 нояб. 2013 г.). — Режим доступа: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=111459&sphrase_id=655184

9. *Блинникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В.* Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 201–213.

10. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общ. ред. Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 3. — С. 193.

11. *Кузнецова А.С., Полянин Н.А.* Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 1. — С. 111–112.

12. *Пестриков Д.В.* Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИИ России) // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 86–96.

13. Психодиагностика толерантности личности: практ. пособие / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. — М.: Смысл, 2008. — 172 с.

14. *Смирнова Е.О.* Межличностные отношения как сфера зарождения и проявления толерантности // Возрастные особенности формирования толерантности: труды по социологии образования. — Т. 8. — Вып. 14 / под ред. В.С. Собкина. — М.: Центр социологии образования РАО, 2003. — С. 11–13.

15. *Сочивко Д.В.* Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. — 2009. — № 3. — С. 185–194.

16. *Сочивко Д.В.* Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 8–18.

17. *Сочивко Д.В.* Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 3. — С. 24–40.

18. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 28–36.

19. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности — толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 16–25.

20. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

21. Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. / под науч. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. — Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 2011. — 357 с.

22. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 1. — С. 118–119.

ВОСЬМОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля

Д. В. Сочивко, Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье изложены основные теоретико-психологические результаты, обсуждавшиеся на 8-м семинаре «Прикладная юридическая психология по теме «Управление и манипулирование массовым сознанием и поведением».

Ключевые слова: массовое сознание, индивидуальное сознание, манипулирование, управление, общественное сознание, конфликт интересов, эмоциональность.

Summary: *this article outlines the main theoretical and psychological results discussed at the 8th workshop on "Applied Psychology Law on" Management and manipulation of mass consciousness and behavior.*

Keywords: *mass consciousness, individual consciousness, manipulation, management, social awareness, conflict of interest, emotion.*

Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология», прошедший 26 мая 2014 г. в Институте психологии РАН, был посвящен теме «Управление и манипулирование массовым сознанием и поведением».

Тема семинара является не только весьма широкой по своему объему и разнообразию эмпирических исследований, не только междисциплинарной, а именно сформулированной на границе

с социологией, политологией, юриспруденцией, философией, но и синтетической, точнее, системообразующей относительно фундаментальных психологических исследований. Такой же синтетический, обобщающий характер постановка данной проблемы носит и в рамках нашего семинара как определенный итог пятилетней его работы.

Действительно, если обратиться к истории психологии, то можно обнаружить, что манипуляции индивидуальным и массовым сознанием, упорядоченные в виде метода интроспекции, легли в основу того периода развития психологического знания, который теперь называют периодом научной психологии. Возможно, не все знают, что испытуемые Вильгельма Вундта предварительно обучались интроспекции, а только затем допускались к экспериментам. Не случайно также и то, что именно Вундт занимался параллельно междисциплинарными исследованиями психологии народов, и в настоящее время он является признанным основателем этой области психологического знания.

То же можно сказать и обо всем тестологическом направлении в психологических исследованиях. Ограничимся здесь лишь дискуссионным вопросом для последующих обсуждений. Что такое психологический тест, как не манипулирование массовым и индивидуаль-

ным сознанием? Но это вопрос для будущих семинаров и журнальных дискуссий

Вернемся к прошедшему семинару. Заседание было открыто выступлением директора Института психологии РАН доктора психологических наук, профессора члена-корреспондента РАН Анатолия Лактионовича Журавлева. В своем вступительном слове докладчик остановился на актуальности, комплексном и междисциплинарном характере поставленной проблемы, а также необходимости формулировки фундаментально-теоретико-психологических оснований используемой терминологии при обсуждении проблем манипулирования сознанием.

Проблемам противодействия манипулированию массовым сознанием и поведением посвятил свое выступление Андрей Владиславович Юревич, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Выступающий подчеркнул, что даже при наличии разрозненных методов противодействия остро стоит проблема их систематизации, формулирования и обоснования единых подходов к пониманию противодействия манипуляции массовым сознанием, в том числе на политическом уровне.

Доктор психологических наук, профессор Андрей Андреевич Гостев (Институт психологии РАН), выступая на семинаре, раскрыл ведущую роль психического образа в процессах манипулирования сознанием и обозначил наиболее актуальные аспекты данной проблематики: а) взаимодейст­венность картины мира, конкретных стилей поведения и психологических защит от них; б) соотношение личностной и трансперсональной семантик внутреннего мира; в) зави-

симость стилей поведения от индивидуальных особенностей образной сферы человека; г) интерференция различных идеологий; д) влияние жизненных обстоятельств, профессиональной деятельности и хобби; е) влияние общественного положения и социального окружения; ж) значение духовно-нравственной, религиозной ориентации человека, что предполагает изучение образов метафизического содержания (язык мифа, символа значим для выражения этого содержания).

Далее в своем докладе А.А. Гостев подчеркнул, что современный человек живет в виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, интернетизацией и другими факторами, обволакивающей человека образами, символами. В связи с этим введено понятие «имаго-символосферы» и представление о «войне образов», способствующей духовно-нравственному развитию личности и личностно деструктивной. В «войне образов» все активнее используется «приземленное, животное начало», программирующее политкорректного обывателя на эскалацию искусственных потребностей, достижение максимального качества жизни на фоне размывания нравственных ее критериев. Подчеркивается, что психоманипуляция связана с понятием информационно-психологических войн. Впечатывание имаго-символосферы во внутренний мир личности — это мощное оружие.

Профессор факультета психологии Санкт-Петербургского университета доктор психологических наук Леонид Васильевич Куликов выступил с докладом «Эмоциональная составляющая манипулирования массовым сознани-

ем и поведением», где были рассмотрены особенности воздействия средств массовой коммуникации (СМК) на чувства, эмоции, настроения россиян как на мишень для манипулирования массовым сознанием и поведением. Желательными изменениями негативного воздействия оказываются подавленное настроение и состояния, в которых доминируют переживания страха, тревоги, вины, стыда, растерянности. Манипулирование облегчается заниженная самооценка как массовидная черта россиян, склонность к самоуничтожению, как устойчивая черта самовосприятия и самооценивания, в частности, снижение самооценки, ощущение недостаточности поддерживается неконструктивной фиксацией на поиске национальной идеи — уникальной, с романтическим ореолом, способной вдохновить все социальные слои, регионы, всю нацию (то есть одновременно уникальную и универсальную). Снижение самооценки, ощущение недостаточности у нашего народа выгодны зарубежным СМК, осуществляющим манипулятивное воздействие в российском медиапространстве, поэтому ими так охотно подхватываются и тиражируются мифы о безудержном пьянстве русских, бескультурье, агрессивности, о проигранной информационной войне и др. Одной из существенных причин, побуждающих их проводить информационное давление, выступает страх, вытесняемый в массовом сознании европейцев, а также зависть к величине жизненного пространства и объему ресурсов России. Обсуждается ряд черт влияния электронных СМК на российское массовое сознание, снижающих эмоциональную устойчивость, которая ведет к повышению на-

пряженности как устойчивой черты состояния и к еще большему увеличению податливости манипулированию.

Профессор факультета юридической психологии МГППУ доктор психологических наук Елена Георгиевна Дозорцева сосредоточилась на проблеме специфической сферы манипуляций общественным сознанием в области ювенальной юстиции. Ее выступление было посвящено манипулятивным интерпретациям понятия «ювенальная юстиция» в общественном сознании россиян. В последние годы эта категория стала «деструктивным мемом» в восприятии большинства российских граждан и ассоциируется с бездушной государственной машиной, отнимающей детей у родителей без какого-либо реального повода. В общении констатируется, каким образом изначальное содержание понятия «ювенальная юстиция» (система права и организационных структур, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними) трансформировалось в обыденном сознании в образ монстра, врага, источник угрозы и страха, связанного с самым дорогим для родителей — их детьми. Для манипулятивной интерпретации используется незнакомый большинству россиян иностранный термин, которому придается новое значение, наполняемое с помощью крайне негативных коннотаций, субъективных описаний ужасающих «жизненных примеров», ярких, пугающих зрительных образов высокоэмоционального содержания. Это содержание — угроза семье и детям — касается практически каждого и быстро превращается из искусственной интерпретации в личный смысл отдельных людей. Процесс

манипуляции поддерживается проведением массовых мероприятий под соответствующими лозунгами, которые усиливают и закрепляют в общественном сознании новый вариант образа врага. В дальнейшем измененное по содержанию понятие может использоваться в качестве негативного ярлыка для блокирования каких-либо связанных с этой сферой инициатив. Отличительная черта манипулятивных тенденций — избегание их носителями каких-либо рациональных, лишенных эмоционального накала и требующих приведения доказательств дискуссий.

Выступление доктора психологических наук, академика АИМ, профессора кафедры психологии и педагогической антропологии Московского государственного лингвистического университета Татьяны Ивановны Пашуковой было посвящено теме «Использование образа врага украинскими СМИ и его влияние на отношение к России и русским».

Автор привел ряд конкретных примеров манипуляции общественным сознанием в украинских СМИ и подробно остановилась на анализе психологических механизмов их воздействия на состояние умов в обществе.

Доклад доктора психологических наук, профессора Дмитрия Владиславовича Сочивко, представлявшего Академию ФСИН России (г. Рязань), был посвящен проблемам молодежного экстремизма, точнее анализу психологических механизмов индивидуального проявления экстремистского сознания. Автор подчеркнул, что с психодинамической точки зрения экстремистское сознание формируется как эффект психоэнергетического взаимодействия

криминального инфантилизма и ранней персонализации молодого человека.

Выступления докладчиков вызвали обширную дискуссию, которая была продолжена на послеобеденной секции. В частности, Вячеслав Соснин, кандидат психологических наук, доцент, ведущий сотрудник Института психологии РАН, подчеркнул многоаспектность и комплексность темы семинара, остановившись на двух важных аспектах манипуляции сознанием.

Во-первых, было рассмотрено влияние СМК на психологию массового поведения, результатом чего становится изменение массовой психологии, ценностных представлений людей и «рационализация» массового сознания, при этом применяются технологии использования скандалов, провокаций и слухов в массовой психологии. По мнению В.А. Соснина, эта тематика в Институте психологии РАН достаточно интенсивно исследуется и представлена в ряде работ, в частности в монографии «Психология массового поведения», подготовленной в Институте и принятой к публикации. Во-вторых, в ходе доклада были проанализированы психологические основы манипуляции массовым поведением людей.

Участники дискуссии определили два главных направления: анализ проблемы индивидуальной готовности к манипулированию их сознанием и механизмов манипулирования массовым сознанием и противодействие такому манипулятивному воздействию.

Литература

1. Болдырев А.В. Диагностика профессиональных деструкций личности: психосемантический подход // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 75–82.

2. *Гаврина Е.Е.* Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 51–59.
3. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.
4. *Датий А.В.* Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.
5. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.
6. *Кузнецова А.С., Полянин Н.А.* Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111–112.
7. *Пастушеня А.Н.* Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 31–40.
8. *Пестриков Д.В., Сенюк И.В.* Возможность применения эмоционально-образной психотерапии в работе с осужденными в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 89–96.
9. *Соснин В.А.* Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиль // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 125–139.
10. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.
11. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.
12. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика лояльности — толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.
13. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.Н.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.
14. *Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В.* Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 8–20.

ВЫПУСК НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «МЕДИЦИНА»

А. С. Кузнецова, Ю. Н. Шаталов

В первом полугодии 2014 года издательством ИНФРА-М-РИОР начинается издание журнала «Медицина». В нем будут отражены проблемы охраны общественного и личного здоровья, воздействия факторов окружающей среды на здоровье населения Российской Федерации, совершенствования медицинской помощи населению страны. В журнал включены следующие рубрики:

1. Теоретические и прикладные проблемы охраны общественного здоровья. Исследование теорий и концепций развития общественного здравоохра-

нения, условий и образа жизни населения, социально-гигиенических проблем и профилактики [14, 25].

2. Состояние здоровья населения, демографических процессов, заболеваемости. Разработка и внедрение методов исследования, изучения и оценки воздействия социальных, демографических факторов и факторов внешней среды на здоровье населения [3, 4, 5, 18, 19].

3. Организация медико-профилактической и медико-социальной помощи населению. Разработка теоретиче-

ских и организационных аспектов оказания медико-профилактической помощи и медико-социальной экспертизы [1, 7, 8, 11, 12, 13, 21, 22, 23].

4. Проблемы медицинского образования и науки. Разработка проблем подготовки медицинских кадров, нормирования труда врачей и средних медицинских работников. Научно-методическое обеспечение медицинской деятельности [2, 15, 16, 17, 20].

5. Научная жизнь. Информация о научных, научно-практических мероприятиях и изданиях [6, 9, 10, 24, 26].

Литература

1. *Воронин Р.М.* Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112-117.

2. *Воронин Р.М., Дати́й А.В.* Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67-74.

3. *Дати́й А.В.* Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16-21.

4. *Дати́й А.В.* Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52-60.

5. *Дати́й А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Медицина. 2013. Т. 1. № 4 (4). С. 74-85.

6. *Дати́й А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100-107.

7. *Дати́й А.В., Бовин Б.Г.* Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23-29.

8. *Дати́й А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24-28.

9. *Дати́й А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В.* Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

10. *Дати́й А., Тенета Е.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 12. С. 40-41.

11. *Дати́й А.В., Федосеев А.А.* Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 1. С. 16-27.

12. *Дати́й А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42-46.

13. *Дати́й А., Хохлов И.* Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 11. С. 23-24.

14. *Дати́й А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В.* Роль клинико-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. 2010. № 9. С. 35.

15. *Кузнецова А.С., Полянин Н.А.* Медицинская психология в юридической деятельности // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 111-112.

16. *Лапкин М.М., Казберов П.Н., Дати́й А.В.* Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158-163.

17. *Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Дати́й А.В.* Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20-21.

18. *Сочивко Д.В.* Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185-194.

19. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116-126.

20. *Сочивко Д.В., Крымова Ю.В.* Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности — толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16-25.

21. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.Н.* Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста

та // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 131-146.

22. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6-21.

23. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32-34.

24. Шаталов Ю.Н. Журнал «Здравоохранение: образование, наука и практика» // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 121-122.

25. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118-119.

26. Щелкушкина Е.А. Опыт эмпирического построения психологической типологии личности осужденного за убийство с использованием методов многомерного статистического анализа // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 85-91.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ПЕНИТЕНЦИАРИЙ»

Н. А. Полянин, Е. В. Пинтяшин, О. А. Майоров

В 2014 году издательством РИОР начинается выпуск научного журнала «Пенитенциарий», включающего шесть следующих рубрик:

1. Современное состояние уголовно-исполнительной системы. Общая характеристика системы, ее учреждений, отдельных категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей [7, 8, 20]. Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации [16].

2. Совершенствование деятельности учреждений, исполняющих наказания. Совершенствование оценки деятельности исправительных учреждений [4, 9, 10, 11, 13, 14].

3. Обеспечение режима и безопасности. Разработка мер предупреждения и пресечения преступных связей осужденных [17, 18, 23, 25, 26].

4. Медицинское и материально-бытовое обеспечение. Развитие медицинской службы в соответствии с направлениями совершенствования си-

стемы здравоохранения России [3, 5, 6, 24].

5. Трудовая деятельность и трудовая адаптация осужденных. Создание условий для трудовой занятости осужденных во всех видах исправительных учреждений [1, 2, 19].

6. Социальная, психологическая и воспитательная работа с осужденными. Оптимизация работы с осужденными на основе взаимодействия сотрудников всех служб исправительных учреждений [12, 15, 21, 22].

Литература

1. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112-117.

2. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67-74.

3. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16-21.

4. Дати́й А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 1 (4). С. 52–60.
5. Дати́й А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // *Медицина*. 2013. Т. 1. № 4 (4). С. 74–85.
6. Дати́й А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 1. С. 100–107.
7. Дати́й А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // *Прикладная юридическая психология*. 2011. № 2. С. 23–29.
8. Дати́й А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2011. № 16. С. 24–28.
9. Дати́й А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // *Гигиена и санитария*. 2004. № 5. С. 23.
10. Дати́й А., Тенета Е. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // *Закон и право*. 2006. № 12. С. 40–41.
11. Дати́й А.В., Федосеев А.А. Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2014. № 1. С. 16–27.
12. Дати́й А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // *Вестник Кузбасского института*. 2011. № 5 (8). С. 42–46.
13. Дати́й А., Хохлов И. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // *Закон и право*. 2006. № 11. С. 23–24.
14. Дати́й А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В. Роль клинико-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // *Клиническая лабораторная диагностика*. 2010. № 9. С. 35.
15. Кузнецова А.С., Полянин Н.А. Медицинская психология в юридической деятельности // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 1. С. 111–112.
16. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Дати́й А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // *Прикладная юридическая психология*. 2010. № 4. С. 158–163.
17. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Дати́й А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2008. № 1. С. 20–21.
18. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // *Прикладная юридическая психология*. 2007. № 1. С. 52–63.
19. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // *Мир психологии*. 2009. № 3. С. 185–194.
20. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // *Прикладная юридическая психология*. 2012. № 4. С. 116–126.
21. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 1. С. 30–41.
22. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // *Прикладная юридическая психология*. 2009. № 4. С. 62–70.
23. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.Н. Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста // *Прикладная юридическая психология*. 2011. № 4. С. 133–146.
24. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // *Прикладная юридическая психология*. 2010. № 1. С. 6–21.
25. Тенета Е.Л., Дати́й А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2007. № 2. С. 32–34.
26. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 1. С. 118–119.

ПРОБЛЕМЫ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ И ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. И. Мачкасов

В 2014 году в Академии ФСИН России проводится научно-исследовательская работа по проблемам медико-социальной адаптации ВИЧ-инфицированных лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы. Планируется издание коллективной монографии ко второму Международному пенитенциарному форуму (декабрь, 2014 г.).

В коллективной монографии будут рассмотрены вопросы медико-санитарного обеспечения и медико-социальной адаптации лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы. Она явится продолжением ранее проводившихся научными и практическими работниками пенитенциарной системы работ по этой тематике [1, 2, 3, 4, 5].

Противодействие распространению ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний — одно из приоритетных направлений деятельности пенитенциарной медицины [6, 7, 8, 9, 10]. Социальный характер этих заболеваний требует разработки специальных подходов [11, 12, 13, 14].

В России вопросы оказания социальной помощи правонарушителям, относятся к компетенции различных органов исполнительной власти, в том числе и ФСИН России, учреждений здравоохранения, органов занятости и общественных организаций [15, 16, 17, 18].

Необходимость обеспечения преемственности процессов подготовки осужденных к освобождению и оказания им содействия в социальной адаптации после освобождения диктуют необходимость создания условий, позволяющих обеспечивать исполнение правил выбора места отбывания наказания [19, 20, 21, 22, 26].

Деятельность, направленную на сохранение здоровья, в сочетании с мероприятиями по реабилитации, проводимые в комплексе, следует рассматривать как эффективное средство формирования социальной личности и профилактики совершения новых преступлений [23, 24, 25].

Литература

1. Воронин Р.М. Основные направления медико-психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
2. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67–74.
3. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.
4. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.
5. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Медицина. 2013. т. 1. № 4 (4). С. 74–85.

6. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

7. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

8. *Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.

9. *Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В.* Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

10. *Датий А., Тенета Е.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 12. С. 40–41.

11. *Датий А.В., Федосеев А.А.* Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 1. С. 16–27.

12. *Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.

13. *Датий А., Хохлов И.* Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 11. С. 23–24.

14. *Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В.* Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158–163.

15. *Мачкасов А.И.* Договор обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 15–18.

16. *Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В.* Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20–21.

17. *Сочивко Д.В.* Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.

18. *Сочивко Д.В.* Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.

19. *Сочивко Д.В.* Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

20. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А.* Криминальные идеологии современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 62–70.

21. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.Н.* Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–75.

22. *Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.Н.* Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 133–146.

23. *Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А.* Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

24. *Тенета Е.Л., Датий А.В.* Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32–34.

25. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.

26. *Щелкушкина Е.А.* Особенности социально-психологической деформации личности осужденного // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 139–145.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

А. В. Датий, Р. М. Воронин

Планируется издание в ноябре 2014 года коллективной монографии по проблемам медицинского обеспечения в уголовно-исполнительной системе. Целью деятельности медицинской службы ФСИН России является сохранение здоровья обслуживаемых лиц, а также снижение их заболеваемости, инвалидности и смертности [1, 2, 3, 5, 6, 7]. Основной задачей медицинской службы ФСИН России является увеличение объема мероприятий по профилактике заболеваний и сокращению сроков восстановления утраченного здоровья [4, 8, 9, 10, 11, 12].

Реализация задач медицинской службы основана на следующих принципах: доступность медицинской помощи; профилактическая направленность; экономическая эффективность работы медицинских учреждений; единство медицинской науки и практики. Для повышения качества оказания медицинской помощи необходимо обеспечить непрерывность лечебно-диагностического процесса на всех этапах лечения.

Необходимо осуществить комплексные меры по дальнейшему развитию психиатрической и наркологической помощи осужденным, борьбе с туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, заболеваниями, передающимися половым путем и гепатитами [18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26].

Основными задачами деятельности медицинской службы ФСИН России следует считать: определение стратегии развития медицинской службы; уча-

стие в разработке и исполнении федеральных целевых программ здравоохранения; участие в разработке законодательной, нормативной и методической базы здравоохранения; координацию деятельности органов управления по решению вопросов медицинской службы [13, 14, 15, 16, 17, 19].

Литература

1. Блишников И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 201–213.
2. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
3. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67–74.
4. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.
5. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.
6. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Медицина. 2013. т. 1. № 4 (4). С. 74–85.
7. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.
8. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

9. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23–29.
10. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.
11. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.
12. Датий А., Тенета Е. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 12. С. 40–41.
13. Датий А.В., Федосеев А.А. Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 1. С. 16–27.
14. Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.
15. Датий А., Хохлов И. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 11. С. 23–24.
16. Датий А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В. Роль клинико-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. 2010. № 9. С. 35.
17. Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В. Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158–163.
18. Мачкасов А.И. Договор обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 15–18.
19. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20–21.
20. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. С. 185–194.
21. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.
22. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема патологизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 30–41.
23. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужденных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.
24. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32–34.
25. Щелкушкина Е.А. Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 118–119.
26. Щелкушкина Е.А. Особенности социально-психологической деформации личности осужденного // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 139–145.

25 ЛЕТ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ МЕДИЦИНЕ (К 50-ЛЕТИЮ ДОКТОРА МЕДИЦИНСКИХ НАУК АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДАТИЯ)

А. А. Федосеев



Аннотация: в статье показаны основные этапы деятельности доктора медицинских наук А.В. Датия.

Ключевые слова: пенитенциарная медицина, пенитенциарная наука, медицина, уголовно-исполнительное право.

Summary: the main stages of activity of the doctor of medical sciences are shown in article A.V. Datiy.

Keywords: penitentiary medicine, penitentiary science, medicine, criminal and executive right.

Датий Алексей Васильевич, доктор медицинских наук, полковник внутренней службы в отставке, главный редактор журнала «Пенитенциарная система: наука и практика».

Родился в городе Орееве Молдавской ССР 29 апреля 1964 г. В 1986 г. окончил Кишиневский государственный медицинский институт. В 1986–1987 гг. работал научным сотрудником

в НИИ профилактической медицины Минздрава Молдавской ССР. В 1987–1993 гг. служил начальником медицинской части в исправительно-трудовом учреждении МВД Молдавской ССР. В 1994–1995 гг. работал научным сотрудником в Государственном научно-исследовательском институте моделирования и интеллектуализации сложных систем (г. Санкт-Петербург). В 1995 г. в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по оценке состояния здоровья осужденных женщин. В 1995–2003 гг. — на преподавательской работе (преподаватель, доцент, профессор) в МВД России. В 2002 г. защитил диссертацию на специальную тему на соискание ученой степени доктора медицинских наук. В 2003–2013 гг. проходил службу в Научно-исследовательском институте ФСИН России. С 2014 г. — главный редактор журнала «Пенитенциарная система: наука и практика».

Под научным руководством А.В. Датия защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

Алексей Васильевич является автором 456 научных и учебно-методических работ, из них 6 учебников и учебных пособий, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации, 6 монографий, 57 учебных и учебно-методических работ.

Велика и область его научных исследований.

Это вопросы пенитенциарной медицины и совершенствования организации медико-санитарной помощи осужденным [4, 5, 6, 7, 8, 9, 24, 34, 48, 49, 50]. Им написан ряд учебников и учебных пособий Министерства образования и науки Российской Федерации по судебной медицине и судебной психиатрии [12, 13, 14, 15, 16]. Автор научных статей и сообщений по уголовно-исполнительному праву и криминологии [1, 17, 18, 22, 23, 25, 29, 31, 43, 46, 47]. Ряд работ посвящен внедрению новых технологий в практическую деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы России [10, 11, 27, 30, 35, 36, 38, 44]. В последние годы опубликованы работы по характеристике отдельных групп осужденных [2, 3, 19, 20, 21, 26, 28, 32, 33, 37, 39, 40, 41, 42, 45].

Желаем юбиляру дальнейших творческих и научных успехов на благо пенитенциарной науки и практики.

Литература

1. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 1 (4). С. 67–74.
2. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // *Человек: преступление и наказание*. 2012. № 3. С. 118–121.
3. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // *Уголовно-исполнительное право*. 2012. № 2. С. 79–80.
4. Датий А.В. Гигиеническая оценка состояния здоровья женщин, содержащихся в исправительно-трудовом учреждении: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 1995.
5. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // *Ведомо-*

сти уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.

6. Датий А.В. Организация медицинского обеспечения осужденных в исправительных учреждениях Минюста России: монография. М.: Столичный гуманитарный институт, 2001. 120 с.

7. Датий А.В. Правовое регулирование государственного санитарно-эпидемиологического надзора в учреждениях Минюста России: монография. М.: МГЭИ, 2004. 180 с.

8. Датий А.В. Правовое регулирование и организация медицинского обеспечения осужденных в исправительных учреждениях: монография. М.: Российский новый университет, 2004. 268 с.

9. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 1 (4). С. 52–60.

10. Датий А.В. Профилактика ВИЧ-инфекции и других социально значимых заболеваний: курс лекций для повышения квалификации врачей-организаторов здравоохранения Федеральной службы исполнения наказаний / *Федер. служба исполнения наказаний*, Науч.-исслед. ин-т уголовно-исполнительной системы, «СПИД Фонд Восток-Запад». М., 2005.

11. Датий А.В. Профилактика социально значимых заболеваний в исправительных учреждениях: учебно-методическое пособие для повышения квалификации рядового, младшего и среднего начсостава / *Федеральная служба исполнения наказаний*, Науч.-исслед. ин-т уголовно-исполнительной системы, Акад. права и упр., «СПИД Фонд Восток-Запад». М.; Рязань, 2006. Вып. 12.

12. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция». М., 2007. Сер. Высшее образование.

13. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция». М., 2009. Сер. Высшее образование.

14. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция». 2-е изд. М., 2011. Сер. Высшее образование.

15. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и направлению «Юриспруденция». 2-е изд. М., 2013. Сер. Высшее образование.

16. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и

направлению «Юриспруденция». 3-е изд. М., 2014. Сер. Высшее образование.

17. *Датий А.В.* Условия содержания в женских исправительных учреждениях на пороге XXI века: монография. М.: Специализированный институт юриспруденции, 2001. 312 с.

18. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Медицина. 2013. Т. 1. № 4 (4). С. 74–85.

19. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

20. *Датий А.В.* Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.

21. *Датий А.В.* Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

22. *Датий А.В.* Характеристика условий отбывания наказания в уголовно-исполнительной системе Минюста России: монография. М.: МГЭИ, 2001. 248 с.

23. *Датий А.В., Бовин Б.Г.* Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23–29.

24. *Датий А.В., Воронин Р.М.* Некоторые особенности характеристик женщин инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 61–63.

25. *Датий А., Данилин Е., Макеев А.* Система социальных лифтов в действии // Человек: преступление и наказание. 2011. № 9. С. 9.

26. *Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.

27. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 181–182.

28. *Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А.* Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 121–124.

29. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступле-

ние и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 193.

30. *Датий А.В., Казберов П.Н.* Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 216–218.

31. *Датий А.В., Кармовский В.В.* Библиотечная работа в местах заключения в доверенные годы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 5 (120). С. 21–26.

32. *Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б.* Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.

33. *Датий А.В., Кузнецова А.С., Юсуфов Р.Ш., Трубецкой В.Ф., Ермолаева Т.В.* Проблемы медико-социальной адаптации страдающих социально значимыми заболеваниями лиц, отбывающих наказания и освобождающихся из мест лишения свободы // Российский медико-биологический вестник им. академика И.П. Павлова. 2010. № 2. С. 150–153.

34. *Датий А.В., Павленко А.А.* К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 58–61.

35. *Датий А.В., Павленко А.А., Шаталов Ю.Н.* Интернет-конференция «Совершенствование медико-санитарного обеспечения в уголовно-исполнительной системе» // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 178–179.

36. *Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В.* Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

37. *Датий А., Тенета Е.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 12. С. 40–41.

38. *Датий А.В., Трубецкой В.Ф., Селиванов Б.С.* Интернет-конференция «Профилактика социально значимых заболеваний в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 151–152.

39. *Датий А.В., Федосеев А.А.* Криминологические и психологические особенности больных социально значимыми заболеваниями осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 2 (5). С. 69–79.

40. *Датий А.В., Федосеев А.А.* Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-

экономического института. 2014. № 1. С. 16–27.

41. *Датий А.В., Федосеев А.А.* Характеристика больных туберкулезом осужденных мужчин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 2.

42. *Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е.* Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.

43. *Датий А., Хохлов И.* Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 11. С. 23–24.

44. *Датий А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В.* Роль клинико-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. 2010. № 9. С. 35.

45. *Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

46. *Климанов Г.Б., Датий А.В., Кокурин А.В.* Опасность профессиональной деформации. Что это такое? // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 11.

47. *Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В.* Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158–163.

48. *Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В.* Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20–21.

49. *Тенета Е.Л., Датий А.В.* Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32–34.

50. *Шабанов Г.Х., Датий А.В.* Организация материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных в первые годы советской власти // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 2–3.

ТРИ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАХИБОРОДЫ: ПОЛКОВНИК — ПРОФЕССОР — ПОЭТ И БАРД



55 лет исполнилось Николаю Махибороде — заслуженному ветерану Академии ФСИН России, ведущему научному сотруднику НИИ ФСИН России, члену Союза литераторов России, известному отечественному поэту и барду, полковнику внутренней службы в отставке.

Николай Иванович родился 16 апреля 1959 г. в селе Наша Нива Чернянского района Белгородской области. В 1976 г., после окончания Чернянской средней школы, поступил в Белгородский государственный педагогический институт. Занимался мотоспортом. После тяжелой травмы позвоночника длительное время был прикован к постели.

ли. В течение трех лет пришлось восстанавливаться: заново учиться ходить, держать авторучку, играть на музыкальных инструментах. А помогли ему восстановиться известный врач из Молдавии Гучик Надежда Павловна, которая стала Николаю Ивановичу второй мамой, ректор института Петр Григорьевич Коняев, куратор группы Лидия Ивановна Коняева, студенческие друзья Владимир Ага, Сергей Головкин и другие. Николаю Ивановичу всегда везло на встречи с замечательными людьми. Был лично знаком с Алексеем Маресьевым, Владом Листьевым, встречался с Владимиром Высоцким. Его поэзию и песни высоко ценил конструктор стрелкового оружия доктор технических наук, дважды Герой Социалистического Труда, Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант Михаил Тимофеевич Калашников, который и сам писал душевные стихи. Николай Иванович всегда радуется общению с дважды Героем Советского Союза космонавтом Владимиром Викторовичем Аксёновым и его женой Мариной Васильевной, с членом Союза литераторов России Александром Михайловичем Кодылевым, длительное время руководившим Рязанским отделением Союза литераторов России, с мастером спорта по легкой атлетике, отметившим свое 99-летие, летчиком и старейшим ветераном Великой Отечественной войны, чемпионом Европы и мировым рекордсменом по бегу, инструктором Юрия Гагарина в Оренбургском летном училище Александром Александровичем Прокоповичем, с замечательными бардами и поэтами Александром Городницким, Юлием Кимом, Олегом Митяевым, Юрием Лоресом, Игорем Губерманом.

Встречи с этими людьми дают Николаю Махиборде огромный творческий заряд. Многие годы он поддерживал тесные научные, дружеские отношения с заслуженным деятелем науки Российской Федерации доктором педагогических наук, профессором И.П. Башкатовым. Иван Павлович был учителем, земляком, другом Николая Ивановича.

В 1982 г. Н.И. Махиборда окончил Белгородский государственный педагогический институт, факультет романогерманской филологии, немецко-английское отделение, в 1992 г. — адъюнктуру Рязанской высшей школы МВД России, в 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 2000 г. окончил докторантуру Академии управления МВД России в Москве. В 2013 г. прошел обучение у Алана Пиза — всемирно известного специалиста по невербальному общению по программе «Язык телодвижений в личной, деловой коммуникации», получил сертификат, состоялась договоренность по проведению совместных научных исследований по проблеме общения в пенитенциарной системе Австралии.

Служил в Группе советских войск в Германии (ГСВГ) в качестве военного переводчика (1982–1983 гг.). Прошел спецподготовку по программе совершенствования умений и навыков взаимодействия с иностранными гражданами и по программе профессионального совершенствования военных переводчиков при штабе 20-й армии ГСВГ в г. Эберсвальде. Вел документацию по урегулированию взаимных претензий между странами, принимал участие в различных межгосударственных расследованиях, проводимых органами военной прокуратуры, комендатуры, особым отделом.

Работал практическим психологом, воспитателем (1984–1989 гг.) в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних осужденных женского пола, совмещая службу с работой внештатным корреспондентом, опубликовал более 150 статей, очерков, рассказов в газетах и журналах. Был преподавателем, старшим преподавателем (1992–1993 гг.), заместителем, и.о. начальника кафедры юридической психологии и педагогики Рязанской высшей школы МВД РФ (1993–1997 гг.). С 2000 по 2012 год — профессор кафедры социальной психологии и социальной работы Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, полковник, с января 2014 г. — ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности УИС Научно-исследовательского института ФСИН России.

Под его руководством защищено более 100 дипломных работ в Академии ФСИН России (Рязань), а также в аспирантуре Международного юридического института (Москва), защищена кандидатская диссертация в области педагогической психологии (Самара), он и сегодня продолжает успешно осуществлять научное руководство аспирантами.

Широка область научных интересов Н.И. Махибороды. Она охватывает многие проблемы: мониторинга состояния воспитательных колоний по основным направлениям деятельности; ресоциализации правонарушителей; психолого-педагогические, организационные и правовые аспекты общения сотрудников и осужденных в исправительных учреж-

дениях; оптимизации межличностных отношений в среде несовершеннолетних осужденных; зарубежный опыт деятельности пенитенциарных учреждений в области психолого-педагогической и социальной работы.

Опубликовал более 200 научных и учебно-методических работ, среди которых три монографии. Принимал активное участие в российско-финском и российско-швейцарском научно-практических проектах. При его непосредственном участии в Рязани были созданы первые юридические и психологические классы в общеобразовательных школах. Многие выпускники этих классов поступили в Академию ФСИН России, другие вузы, защитили диссертации, сами стали руководителями в ведущих высших учебных заведениях.

Николай Иванович работал и в других вузах страны: Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина, Академическом правовом университете при Институте государства и права Российской Академии наук, Международном юридическом институте, Гуманитарном институте, Государственном академическом университете гуманитарных наук, Российском государственном социальном университете, Российской академии правосудия.

В 2003 г. выдвигался кандидатом в депутаты Государственной Думы Федерального собрания РФ по Рязанскому избирательному округу № 149 в составе трех претендентов: генерал-лейтенант А.Е. Слюсарь, полковник Н.И. Махиборода, капитан И.И. Потапов. И А.Е. Слюсарь, и Н.И. Махиборода сняли свои кандидатуры, узнав, что с ними в тройке балотируется капитан Потапов И.И., по-

лучивший серьезное ранение в Чечне, после которого последовала ампутация обеих ног. Игорь не прошел в депутаты Государственной Думы, но его оставили служить в десантном училище. Сейчас он подполковник, занимается воспитательной работой с курсантами.

С детских лет Николай Иванович пишет стихи. В студенческие годы под влиянием творчества Б. Окуджавы, В. Высоцкого, Ю. Визбора, А. Галича им была написана первая авторская песня. В настоящее время стихов и песен более 600. Играет на семиструнной гитаре в стиле шестидесятых. В 1988 г. Николай Иванович озвучил документальный фильм об Афганистане «Долг и память». В декабре 2007 г. увидел свет «БАРДОВЫЙ альбом» — Антология авторской песни г. Рязани (проект Евгения Сапфирова). В этом альбоме впервые официально появились авторские песни.

Стихи и рассказы Николая Ивановича публиковались в журналах и газетах: «Вперёд», «Российский криминологический взгляд», «Новая газета», «Компас», «Вечерняя Рязань», «Молодежная среда», «Вести», «Рязанский базар», в поэтических сборниках «Васильки на погонах», «Созвучие сердец», «Весна Победы», «Разнотравье», в сборнике стихов и песен XXI Международного фестиваля поэзии и авторской песни «Оскольская Лира», в книге «Интеллектуальная мысль Рязани», в альманахах «Литературная Рязань — 2011» и «Литератур-

ная Рязань — 2012» отделения Союза писателей Рязанской области, его стихи и песни прозвучали в юбилейном документальном фильме о Союзе литераторов России.

Н.И. Махиборода — лауреат всероссийских, всесоюзных и международных фестивалей поэзии и авторской песни. В 1992 г. стал лауреатом IV Международного фестиваля поэзии и авторской песни «Оскольская Лира» в поэтической мастерской, в 2010 г. — лауреатом XXI Международного фестиваля «Оскольская Лира» в композиторской мастерской. С 20 марта 2009 г. состоит в Союзе литераторов России.

Сын Максим — врио директора Рязанского филиала Академического правового института, кандидат юридических наук, член Ассоциации юристов России, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России, председатель коллегии адвокатов «Никонов, Махиборода и партнеры» Адвокатской палаты Рязанской области, председатель регионального отделения Всероссийской политической партии «Демократическая правовая Россия» в Рязанской области.

Николай Иванович по-прежнему полон энергии, творческих сил и планов, продолжает плодотворно трудиться на научном и педагогическом поприще, заниматься поэзией, авторской песней и служить Отечеству.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Р.З. Рамазанов

Аннотация: в статье рассматриваются такие виды наказания, как обязательные и исправительные работы, опыт их применения в развитых странах: США, Англии и Франции.

Ключевые слова: обязательные работы, исправительные работы, наказание, уголовное законодательство.

Summary: this article discusses the types of punishment such as compulsory and correctional work experience in their application of these kinds of punishments in developed countries such as USA, England and France.

Keywords: compulsory work, correctional work, punishment, criminal law.

Изучение уголовного законодательства зарубежных стран по назначению уголовного наказания лицам, признанным виновным в совершении преступлений, знание уголовного права других стран не только способствует расширению кругозора, но и необходимо для познания национального законодательства. Институт уголовного наказания рассматривается в свете двух правовых систем: англосаксонской и континентальной. Англосаксонская система права представлена правом Англии, США; континентальная — Германии, Дании, Польши, Швеции.

Принципиальное отличие института назначения уголовного наказания англосаксонской системы от континентальной состоит в том, что там наряду с законодательством или статутным правом основным источником права явля-

ется общее, или прецедентное, право. В Англии еще 1972 г. Палата лордов отказалась от права судов создавать новые преступления, то в США суды ряда штатов по-прежнему имеют такое право [2].

Обратившись к такой развитой стране, как Англия, мы заметим, что начавшаяся во второй половине XX века и достигшая своего апогея в 90-х годах радикальная организационно-правовая реформа исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, привела к переоценке задач и принципов их функционирования, перестройке организационно-территориальной структуры пробационных служб.

Дальнейшее развитие в английской науке и праве новых концепций реакции общества и государства на преступление привело к принятию в 1991 г. Закона об уголовной юстиции, который ввел в действие новую модель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и пробацию [18, с. 64].

Закон утвердил данные наказания как самостоятельные и более не являющиеся только альтернативными мерами тюремному заключению. В силу этого с организационной точки зрения произошел толчок по направлению, во-первых, расширения различных форм взаимодействия между пробационными службами и иными государственными, общественными и частными структурами и, во-вторых, усиления влияния либо появления новых организаций, в частности The National Association for

the Care and Resettlement of Offenders и The National Children's Homes. Под влиянием указанного закона и национальных стандартов организации надзора за преступниками, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества (1992 г. и пересмотренный вариант в 1995 г.), офицеры пробационных служб до избрания меры наказания обязаны подготавливать и представлять суду отчет с рекомендациями о потенциальной возможности назначения наказания в обществе, его формы и, если это необходимо, дополнительных условиях.

Исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества (включая предоставление услуг обществу), занимается национальная пробационная служба Англии и Уэльса. С апреля 2001 г. она является структурным подразделением Министерства внутренних дел, состоящим из стройной системы подчиненных Национальному директорату пробации служб, расположенных в 10 регионах, поделенных, в свою очередь, на 42 зоны.

Служба работает примерно с 175 тыс. осужденных, 90 % которых — лица мужского пола; 70 % — лица, осужденные к наказаниям, не связанным с тюремным заключением, остальные лица, которым наказание в виде тюремного заключения отсрочено или которые временно находятся вне места отбывания наказания либо досрочно освобожденные от его наказания. Предоставление бесплатных услуг обществу — это наказание, которое согласно Английскому уголовному законодательству назначается в случае, когда лицо в возрасте 17 лет и старше признано виновным в преступлении, подлежащем

наказанию в виде лишения свободы. Суд, рассматривающий его дело, может издать приказ, требующий от него выполнения бесплатной работы в течение определенного времени (от 40 до 240 часов), которое может быть установлено в приказе. Если же речь идет о несовершеннолетних преступниках, то максимальный срок данного наказания составляет не более 120 часов, а работа выполняется в часы, свободные от посещения школы) [10, с. 197]. При этом суд не должен издавать приказы о предоставлении услуг обществу в отношении любого преступника и должен (если сочтет необходимым) после заслушивания чиновника пробации или социального работника местного органа департамента социальной службы прийти к выводу, что преступник является подходящим лицом для выполнения работы согласно такому приказу, при этом необходимо получить извещение от государственного секретаря о том, что в районе, где проживает или должен проживать осужденный, существуют необходимые условия для исполнения работ согласно такому приказу.

Вид работы устанавливает соответствующий чиновник, который и контролирует поведение осужденного. Нарушение осужденным установленных условий может повлечь за собой штраф в размере до 50 фунтов стерлингов или иную санкцию. Эта мера может применяться судом только с согласия подсудимого и после доклада чиновника пробации либо социального работника местного органа власти о личности преступника. Данный вид наказания, введенный Законом о полномочиях уголовных судов 1973 г., является прямой альтернативой лишению

свободы за достаточно серьезные преступления. Как отмечает А.И. Сакаев, в Англии рассматриваемый вид наказания — все чаще применяемое уголовное наказание. К примеру, только за период 1975 по 1998 год применение наказания в виде бесплатных услуг обществу возросло с 16 до 37 тыс. случаев [10, с. 199].

В Англии возможно также издание комбинированного приказа о probation и предоставлении бесплатных услуг обществу. Этот вид приказа, введенный Законом 1991 г., содержащий как элементы probation, так и бесплатных услуг обществу, назначается лицу в возрасте 16 лет и старше, виновному в совершении преступления; подлежащего наказанию в виде тюремного заключения, срок которого точно не установлен в законе [8, с. 92].

Согласно комбинированному приказу осужденный должен одновременно находиться под надзором чиновника службы probation в течение определенного времени, установленного в приказе (от 12 месяцев до 3 лет), и исполнять неоплачиваемую работу также в течение определенного периода (от 40 до 100 часов). Комбинированный приказ издается в том случае, когда суд считает его необходимым для обеспечения реабилитации преступника или защиты общества от причиненного им вреда либо предупреждения иного преступления.

Рассмотрим применение probation в США. Ф.М. Решетников отмечает, что она является весьма существенным звеном в американской системе уголовных наказаний [9, с. 85].

Строго говоря, probation — это не наказание, так как в решении суда (ко-

торым могло быть и тюремное заключение) оно не указывается. Лицо, осужденное к probation, обязано под страхом ее отмены соблюдать на свободе предписанные судом условия, которые в соответствии с федеральным законодательством подразделяются на обязательные и дискреционные, причем перечень их не является исчерпывающим. Иными словами, судьи вправе предписать соблюдение условий по своему усмотрению, а также видоизменить их перечень в любое время до истечения срока probation. Наиболее распространенными условиями probation являются участие в выполнении общественно полезных работ, непосещение определенных мест, прохождение курса обучения, подготовки или лечения, воздержание от употребления алкоголя, владения огнестрельным оружием; регулярные встречи с чиновником службы probation.

Во Франции к наказанию, ограничивающему трудовые права осужденного, относят общественно полезные работы, входящие в категорию альтернативных наказаний, и назначают их в тех случаях, когда суд решит не применять тюремное заключение за совершение какого-либо проступка.

Согласно ст. 131-6 УК Франции если какой-либо проступок подлежит наказанию в виде тюремного заключения, суд может предписать, что осужденный в течение срока от 40 до 240 часов будет выполнять безвозмездные работы в общественных интересах в пользу юридического лица либо публичного права или организации, правомочной использовать общественно полезные работы. Это наказание исполняется самое большее в течение 18 месяцев. Испол-

нение наказания может быть временно приостановлено по серьезным медицинским, семейным, профессиональным или социальным причинам. Срок наказания может быть приостановлен на время помещения осужденного под стражу. В течение срока выполнения общественно полезных работ осужденный должен подчиняться определенным мерам контроля. При этом исполнение данного наказания подчинено предписаниям законов и регламентов, относящихся к труду в ночное время, гигиене, технике безопасности, женскому и молодежному труду [19, с. 89].

Наказание в виде общественно полезных работ не может быть назначено подсудимому, который от этого отказывается или не присутствует на судебном заседании. Председатель суда до вынесения решения извещает подсудимого о его праве отказаться от выполнения общественно полезных работ и принимает его ответ [20, с. 201].

Подводя краткий итог можно отметить, что изучение применения наказаний в зарубежных странах, и изучение уголовного права ряда зарубежных стран не только расширяет наши познания в рамках уголовного и уголовно-исполнительного права, но позволяет перенимать опыт который целесообразно внедрять в российское законодательство и тем самым устранять определенные места в применении данных наказаний.

Литература

1. Блинникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. с. 201–213.
2. Годилов Н.Н., Суворов Д.Д. Назначение наказания по уголовному праву России / под ред. М. Т. Тащилина. Пятигорск, 2004.
3. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). с. 52–60.
4. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. с. 100–107.
5. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. с. 23–29.
6. Датий А.В., Казберов П.Н. Рецензия на словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я» (под общей редакцией доктора психологических наук Д.В. Сочивко) // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. с. 193.
7. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. с. 23.
8. Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. М.: Омега-Л, 2003. с. 92.
9. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское право. М., 1990. с. 85.
10. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России (история и современность): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. с. 197.
11. Сочивко Д.В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современном мире // Мир психологии. 2009. № 3. с. 185–194.
12. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. с. 8–18.
13. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. с. 24–40.
14. Сочивко Д.В., Бурцев А.О. Проблема психопатизации личности осужденных к лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. с. 30–41.
15. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блинникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. с. 8–20.
16. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. с. 62–70.
17. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужден-

ных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. с. 6–21.

18. *Тепляшин П.* Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества в Англии и Уэльсе // Уголовное право. 2004. № 3. с. 64.

19. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. А.А. Малиновского. М.: Новый Юрист, 1998. с. 89.

20. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Зерцало. 1998. с. 201.

21. *Щелкушкина Е.А.* Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. с. 118–119.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Republic of Moldova.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor, Ryazan.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛОУСОВА

Алла Константиновна — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования факультета педагогики и практической психологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) (alla-belousova@newmail.ru).

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — доктор психологических наук, профессор, проректор Высшей школы психологии (bogdanov48@mail.ru).

БУРЦЕВ

Антон Олегович — медицинский психолог Психиатрической больницы № 6 Психоневрологического диспансера г. Коломны (burcev_anton@bk.ru).

ВАВАКИНА

Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии Высшей школы психологии, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (vavakina@gmail.com.).

ВАСИЛЬЕВА

Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России (vasi-svetlana@yandex.ru).

ВОРОНИН

Анатолий Николаевич — доктор психологических наук, профессор, институт психологии РАН (voroninan@bk.ru).

ВОРОНИН

Роман Михайлович — доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России (rmtvoronin@mail.ru).

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Рязанского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова (525252s@mail.ru).

ЕВСЕЕВА

Оксана Евгеньевна — сотрудник ФСБ России (ok.pe2014@yandex.ru).

ЗАЗЫКИН

Владимир Георгиевич — доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (zazikin@rambler.ru).

ЗИМАКОВ

Виталий Васильевич — преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Академии ФСИН России (pdw@yandex.ru).

КОВАЛЕВА

Светлана Николаевна — адъюнкт ФПНПК Академии ФСИН России (sv.kowalewa@yandex.ru).

КОТОВСКИЙ

Владислав Владимирович — аспирант Высшей Школы Психологии (Институт) (info@megapolislab.ru).

КОЧКИНА

Оксана Владимировна — адъюнкт ФПНПК Академии ФСИН России (oksana-budjaeva@rambler.ru).

КРИВЕНКО

Илья Артурович — экономист центра экономической безопасности Института Экономики Уральского отделения Российской Академии Наук (night_ikar@mail.ru).

КРЯКЛИН

Константин Викторович — преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России (kostya_kv@mail.ru).

КУЗНЕЦОВА

Альбина Степановна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры пенитенциарной медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова (as.kuznetsova@mail.ru).

КУЛИКОВ

Леонид Васильевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) (leon-piter@mail.ru).

ЛУЧИНИНА

Екатерина Валерьевна — аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук (voroninan@bk.ru).

МАЙОРОВ

Олег Александрович — кандидат психологических наук, доцент Академии права и управления ФСИН России (pan80@bk.ru).

МАЧКАСОВ

Александр Игоревич — кандидат юридических наук, заместитель началь-

ника научного центра Академии ФСИН России (academynio@yandex.ru).

НАЙДЁНОВ

Алексей Сергеевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра экономической безопасности Института Экономики Уральского отделения Российской Академии Наук (naidenov@list.ru).

НЕСТИК

Тимофей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН (nestik@gmail.com).

НИКОЛАЕВ

Алексей Юрьевич — сотрудник ФСБ России (alekseinickolaev@rambler.ru).

ОГОРОДНИКОВ

Владимир Иванович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России (oksana-budjaeva@rambler.ru).

ПЕСТРИКОВ

Денис Викторович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС Академии ФСИН России (pdw@yandex.ru).

ПИЛИШИНА

Анастасия Владимировна — аспирант кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (stasy335k@yandex.ru).

ПИНТЯШИН

Евгений Владимирович — преподаватель кафедры огневой подготовки Академии права и управления ФСИН России (pan80@bk.ru).

ПОЗНЯКОВ

Владимир Петрович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (pozn_v@mail.ru).

ПОЛЯКОВА

Яна Николаевна — начальник психологической службы УФСИН России по Краснодарскому краю, соискатель кафедры общей психологии Академии ФСИН России (simakovatanea@yandex.ru).

ПОЛЯНИН

Николай Александрович — кандидат психологических наук, доцент Академии права и управления ФСИН России (ran80@bk.ru).

РАМАЗАНОВ

Рустам Загидович — адъюнкт Академии ФСИН России (rustam_05@mail.ru).

РОГАЧ

Владимир Геннадьевич — адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России (rogach.v.g@mail.ru).

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии (tatka_sav56@mail.ru).

СЕНИК

Ирина Владимировна — психолог психологической лаборатории ИК-1 УФСИН России по Рязанской области (irinasenik1990@mail.ru).

СИМАКОВА

Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России (simakovatanea@yandex.ru).

СОБОЛЕВ

Николай Гургенович — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России (sobolev-nikolay@mail.ru).

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

ФЕДОСЕЕВ

Алексей Августович — ответственный секретарь журнала «Пени-тенциарная система: наука и практика» (525252s@mail.ru).

ШАТАЛОВ

Юрий Николаевич — ответственный секретарь журнала «Медицина» (shrike62@yandex.ru).

ЯКОВЛЕВА

Наталья Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, декан факультета клинической психологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Минздравсоцразвития России» (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

OUR AUTHORS

BELOUSOVA

Alla Konstantinovna — doctor of psychology, professor, head of the chair of educational psychology of the Faculty of education and applied psychology, Southern Federal University (Rostov-on-Don) (alla-belousova@newmail.ru).

BOGDANOV

Evgeny Nikolaevich — doctor of psychology, professor, vice-rector of the Higher School of Psychology (bogdanov48@mail.ru).

BOURTSEV

Anton Olegovich — clinical psychologist of psychiatric hospital № 6 of neuropsychiatric clinic (Kolomna) (burcev_anton@bk.ru).

VAVAKINA

Tatiana Sergeevna — candidate of psychological sciences, associate professor of the Organization-psychology department at Higher school of the psychology, the associated employee of the Laboratory of the social and economic psychology of the Institute of psychology of the RAS (vavakina@gmail.com.).

VASILIEVA

Svetlana Anatolievna — candidate of historical sciences, associate professor, deputy head of the Chair of philosophy and history of the Academy of FSIN of Russia (vasi-svetlana@yandex.ru).

VORONIN

Anatoly Nikolaevich — doctor of psychology, professor of the Institute of Psychology of the Russian academy of sciences (voroninan@bk.ru).

VORONIN

Roman Michailovich — doctor of medicine, professor of the chair of Psychology of professional activity in prisons the Academy of FSIN of Russia (rmvoronin@mail.ru).

DATYI

Alexey Vasilievich — doctor of medicine, professor of the chair of Public health and health care of Ryazan state medical university after I.P. Pavlov (525252s@mail.ru).

EVSEEVA

Oksana Eugenievna — Russian Federal security service officer (ok.pe2014@yandex.ru).

ZAZYKIN

Vladimir Georgievich — doctor of psychology, professor of the Chair of Acmeology and psychology of professional activity of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (zazikin@rambler.ru).

ZIMAKOV

Vitaly Vasilievich — lecturer of the Chair of physical training and sports the Academy of FSIN of Russia (pdw@yandex.ru).

KOVALEVA

Svetlana Nikolaevna — graduate student of the of the Academy of FSIN of Russia (sv.kowalewa@yandex.ru).

KOTOVSKY

Vladislav Vladimirovich — graduate student of VSHP (Higher school of Psychology institute) (info@megapolislab.ru).

KOCHKINA

Oksana Vladimirovna — graduate student of the of the Academy of FSIN of Russia.

KRYVENKO

Ilya Arturovich — economist of the Centre for economic security at the Institute of economics, Ural branch of the Russian academy of sciences (night_ikar@mail.ru).

KRYAKLIN

Konstantin Viktorovich — lecturer of the Chair of general psychology department of Vologda institute of law and economics of FSIN of Russia (kostya_kv@mail.ru).

KUZNETSOVA

Albina Stepanovna — candidate of medical sciences, associate professor of the Chair of penitentiary medicine of Moscow state medical and dental university after A.I. Evdokimov (as.kuznetsova@mail.ru).

KULIKOV

Leonid Vasilievich — doctor of psychology, professor, associate professor of the Psychological department of St.-Petersburg State University (leon-piter@mail.ru).

LUCHININA

Ekaterina Valerievna — graduate student of the State academic university for the humanities (Moscow) (voroninan@bk.ru)

MAYOROV

Oleg Alexandrovich — candidate of psychological sciences, associate professor of the Academy of FSIN of Russia (pan80@bk.ru).

MACHKASOV

Alexander Igorievich — candidate of law sciences, deputy head of research center of the Academy of FSIN of Russia (academynio@yandex.ru).

NAYDENOV

Alexey Sergeevich — candidate of economic sciences, researcher of Center for economic security at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (naidenov@list.ru).

NESTIK

Timophey Alexandrovich — PhD, senior researcher of Institute of Psychology of RAS (nestik@gmail.com).

NIKOLAEV

Alexey Yurievich — Russian Federal security service officer (aleksejnckolaev@rambler.ru).

OGORODNIKOV

Vladimir Ivanovich — doctor of science (law), professor, associate professor of the Faculty of management of the Academy of FSIN of Russia (oksana-budjaeva@rambler.ru).

PESTRIKOV

Denis Viktorovich — candidate of psychological sciences, senior lecturer of the chair of Psychology of professional activity in prisons the Academy of FSIN of Russia (pdw@yandex.ru).

PINTYASHIN

Evgeny Vladimirovich — lecturer in fire training of the Academy of FSIN of Russia (pan80@bk.ru).

PILISHINA

Anastasia Vladimirovna — graduate student of the Faculty of psychology of St.-Petersburg state university (stasyy335k@yandex.ru).

POZNYAKOV

Vladimir Petrovich — doctor of psychology, professor, associate professor of the Social and ethnical psychology department of Moscow university for the humanities, the leading research fellow of

the Laboratory of the Social and economic psychology of the Institute of psychology of the RAS (pozn_v@mail.ru).

POLYAKOVA

Ioannina Nikolaevna — head of psychological services FPS of Russia in Krasnodar Territory, competitor of the Chair of General Psychology of the Academy of FSIN of Russia (simakovatanea@yandex.ru).

POLYANIN

Nickolay Alexandrovich — candidate of psychological sciences, associate professor of the Academy of FSIN of Russia.

RAMAZANOV

Rustam Zagidovich — graduate student of the Academy of FSIN of Russia (rustam_O5@mail.ru).

ROGACH

Vladimir Gennadevich — graduate student of the chair of legal psychology and pedagogy of Vologda institute of law and economics of FSIN of Russia (rogach.v.g@mail.ru).

SENIK

Irina Vladimirovna — psychologist of psychological laboratory PKU IR-1 FPS of Russia in the Ryazan region.

SAVCHENKO

Tatyana Nikolaevna — the candidate of psychological sciences, the rector of the Higher school of psychology (tatka_sav56@mail.ru).

SIMAKOVA

Tatiana Aleksandrovna — candidate of psychological sciences, associate professor, leading researcher of the scientific center of the Academy of FSIN of Russia.

SOBOLEV

Nicholay Gourgenovich — candidate of psychological sciences, a senior lecturer of the chair of legal psychology and pedagogy of Vologda institute of law and economics of FSIN of Russia (sobolev-nikolay@mail.ru).

SOCHIVKO

Dmitry Vladislavovich — the doctor of psychological sciences, professor, professor of chair of the general psychology of Academy of FSIN of Russia (sochivo@mail.ru).

FEDOSEYEV

Alexei Avgustovich — executive secretary science-journal «The penitentiary system: Science and Practice» (525252s@mail.ru).

SHATALOV

Yurii Nickolaevich — executive secretary of science-journal «Medicine» (shrike62@yandex.ru).

YAKOVLEVA

Natalia Valentinovna — candidate of psychological sciences, associate professor, the dean of the Faculty of clinical psychology of Ryazan state medical university after I.P. Pavlov (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

CONTENTS

Topic: mass psychological phenomena within the legal framework

Methodology and theory of legal psychology

- Confucius thoughts on subjective conditions of effective governance.
Bogdanov E. N., Zazykin V. G. 7
- Socio-psychological aspects of greed and selflessness.
Kulikov L. V., Pilishina A. V. 16
- Psychological and educational support for juvenile offenders under punishment.
Simakova T. A., Polyakova I. N. 24
- Psychology of health activities: research methodology and procedures.
Yakovleva N. V. 31

Applied and experimental studies

- Cognitive sphere of identity with experience of drug-addiction in adolescence.
Belousova A. K., Nikolaev A. Y., Evseeva O. E. 37
- Psychological support for prisoners with varying severity of psychopathic behavior.
Bourtsev A. O. 47
- Employees' FSIN Russian attitude to official activity at various stages of professional adaptation. **Kryaklin K. V.** 54
- Experiences of prisoners serving long prison sentences, their psychological correction. **Sobolev N. G., Rogach V. G.** 65

Psychopractices

- Art therapy as an individual form of psycho-correctional exercise with prisoners serving a sentence of imprisonment.
Pestrikov D. V., Senik I. V., Zimakov V. V. 72
- Motivation and promotion as elements of the official conduct of penal system employees. **Kovaleva S. N.** 79

To help the manager

- Some problems of staffing of Penal service. **Ogorodnikov V. I., Kochkina O. V.** 86
- Socially-psychological features of students' ideas of professional success.
Kotovskiy V. V. 91

Psychology of social events and the quality of life

- The influence of social microenvironment on manifestations of aggressiveness.
Voronin A. N., Luchinina E. V. 97
- Psychological factors of the efficiency of business partnership.
Poznyakov V. P., Vavakina T. S. 113
- Socio-psychological barriers at forecasting future in Russian companies.
Nestik T. A. 124

Legal psychology and religion

- Economic outlook for the psychology of Islamic terrorism in the context of globalization. **Naydenov A. S., Kryvenko I. A.** 136
- The formation of ethnic tolerance as a condition of becoming a modern quality professional employee of the penitentiary system. **Vasilieva S. A.** 139

Science news

Eighth Theoretical and Practical Seminar «Applied Legal Psychology» Institute of Psychology RAS 26.05.2014. **Sochivko D. V., Savchenko T. N.** 145

Edition of the scientific journal «Medicine».

Kuznetsova A. S., Shatalov Y. N. 149

Scientific journal «Penitentiary».

Polyanin N. A., Pintyashin Ye. V., Mayorov O. A. 151

Problems of medical and social adaptation of HIV-infected prisoners and released from prison. **Machkasov A. I.** 153

To the problem of foundation of medical support for prisoners and prison officials in Russia. **Datiy A. V., Voronin R. M.** 155

Anniversaries

25 years in prison medicine

(on the 50th anniversary of Doctor of Medical Sciences A. V. Datiy).

Fedoseyev A. A. 157

Three lives of N. I. Mahiboroda: Colonel — Professor — Poet and bard.

160

Dura lex sed lex

Foreign experience of compulsory and forced labor.

Ramazanov R. Z. 164

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация— не более 5 страниц, иные материалы— по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках). Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Аннотация (авторское резюме) на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленном в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленном в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к аннотации (авторскому резюме)

В аннотации не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Резюме должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Авторское резюме на английском языке в обязательном порядке должно быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- для англоязычного резюме — написано качественным английским языком;
- компактными (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуются пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 7 1617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «**Прикладная юридическая психология**»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.
Полная или частичная перепечатка авторских материалов
только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В.С. Маланьин

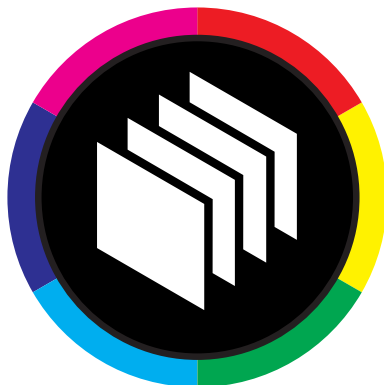
Верстка — В.М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 7.07.2014. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 11,25

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4



ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ



ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды